



• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент

Дорогие друзья! Прошедший год для издательства медийной группы международных изданий «Интеллигент» был не из самых легких. Это было связано не только с дефицитом различных ресурсов, но и с личными обстоятельствами учредителя проекта Сергея Пашкова. И все же проект медийной группы международных изданий не закрыт, он в большей мере переходит к серьезным журнальным представлениям. Наши газеты еще будут выходить, но только по мере необходимости и по возможности их издания. Ведь для одновременного издания нескольких газет и журналов не хватает не только ресурсов, но и времени. Дело в том, что участники проекта работу в издательстве совмещают со своей основной работой, а порой и несколькими. Заниматься на одном энтузиазме, при этом не только не снижая уровень в материалах, а даже поднимая планку одновременно в различных изданиях данного проекта довольно сложно. Но мы не унываем, продвигая наши издательские ресурсы в культурной среде, собирая со всего мира материалы интересных авторов. Приглашаем наших читателей убедиться в этом по сегодняшнему номеру журнала. Приятного всем чтения и интересного знакомства с удивительными творцами и их творчеством!

Редакция



Благодарность

Награждается
Творческий коллектив
Медийного проекта
«Интеллигент»

За поддержку
русской литературы и искусства
в международном масштабе, а также
за высокое профессиональное
издательское дело.

S. V. A. Dion

Светлана Дион
Международная ассоциация
граждан искусства - М.А.Г.И
Испания, 2014 г.

БЛАГОДАРНОСТЬ

НАГРАЖДАЕТСЯ
УЧРЕДИТЕЛЬ МЕДИЙНОГО ПРОЕКТА «ИНТЕЛЛИГЕНТ»
СЕРГЕЙ ПАШКОВ
И ТВОРЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ПРОЕКТА

за плодотворное творческое сотрудничество, поддержку
и преданность делу литературы и искусства.

Председатель Правления
Зам. председателя Правления
Зам. председателя Правления
В. А. Пашков 20.11.14.

Спасибо!

О. Грушевская
С. Сударникова
Я. Кауфман

Диплом

вручается

Медийной группе
«Интеллигент»

За долгое и успешное сотрудничество
в издательской деятельности

Л
И
Т
Е
Р
А
Т
У
Р
Н
А
Я
Г
Р
У
П
П
А
И
Н
Т
Е
Л
Л
И
Г
Е
Н
Т

Учредитель группы «Пункт prima»
Анна Мамонко
Андрей Насонов

В подготовке номера принимали участие:



Светлана САВИЦКАЯ
Материалы стр.: 3-5; 63-65;
86-94; 97-98



Марина ВИКТОРОВА
Материалы стр.: 100



Вера ЗУБАРЕВА
Материалы стр.: 80-83



Наталья ЛАЙДИНЕН
Материалы стр.: 48-53



Екатерина АСМУС
Материалы стр.: 41



Майя ШВАРЦМАН
Материалы стр.: 19-24; 29-
36; 40



Федор ПАНЬШИН
Материалы стр.: 10-12



Сергей ПАШКОВ
Материалы стр.: 13-18; 57



Наталья КРОФТС
Материалы стр.: 59



Елена ЛИТВИНСКАЯ
Материалы стр.: 45-47; 54-
56; 66-68; 73-76



Светлана ДИОН
Материалы стр.: 60-62



Светлана СУДАРИКОВА
Материалы стр.: 7-8, 69-72



Инна ШВЕЦ
Материалы стр.: 85



Алексей БОРЫЧЕВ
Материалы стр.: 77-79



Ольга ЧИНЯКОВА
Материалы стр.: 96



Татьяна ЕЛАГИНА
Материалы стр.: 25-28; 37-39

При участии: Вячеслава БАРЫБОВА, Ольги ГРУШЕВСКОЙ, Анны ГАГАНОВОЙ, Влада ПЕНЬКОВА, Андрея САЩЕКА, Ирины РОДНЯНСКОЙ, Андрея БАЛАБУХИ, Александра КАРПЕНКО

МЕДИЙНАЯ ГРУППА ИНТЕЛЛИГЕНТ

АКАДЕМИЯ им. М. Ломоносова Интеграции Науки и Бизнеса МАИНБ и
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

Литературно-художественное издание международного проекта

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА



2013 год ознаменовался культурной программой, в которой приняло участие 12 стран. Презентации новой серии Золотого Пера Руси «Энциклопедия Золотого Пера» прошли по всему миру через интернет и бумажные носители, были представлены в разных странах, также как и в посольствах в Москве. Книги билингвы, книги двуязычные, к сожалению, в наши дни стали редкостью. Но именно теперь они наиболее востребованы. Первый опыт сотрудничества русского проекта с многоязычным содружеством зарубежных авторов оказался удачным.

И в 2014 году запущен ряд изданий этого проекта. Словацкий и индийский варианты обозначены в этом номере журнала. На подходе украинский, болгарский и сербский проекты.

*Учредитель проекта Золотое Перо Руси
Александр Бухаров.*



Медийная группа «Интеллигент» включена в рабочую группу проекта. Презентации прошли совместно с «Интеллигентом» в разных странах. Эти книги и наши журналы украшают теперь музеи Болгарии и Сербии, Польши и Индии, Словакии и Германии, Армении и Украины...

*Руководитель Медийной группы «Интеллигент»
Сергей Пашков.*



Литинституту им. М. Горького - 80 лет!

2-5 декабря 2013г в Москве, в Центральном доме Журналиста, в ЦДЛ, в самом Литинституте состоялись юбилейные встречи.

Оргкомитет Национальной литературной премии Золотое Перо Руси отметил десятилетнюю работу профессоров знаменитого института в жюри этого престижного конкурса. Ректору Литинститута Тарасову Борису Николаевичу было вручено Золотое Перо Руси.

Профессорскому составу, принимавшему в работе жюри – грамоты и ордена от ООО «Трудовая доблесть России».

В ряде встреч была озвучены темы:

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИЙНОЙ ГРУППЫ «ИНТЕЛЛИГЕНТ».

Литературный институт в истории страны и отечественной литературы.

Литинститут. Вехи истории.

Создание и открытие Литинститута - его первоначальные задачи как «Института рабочих писателей», задача интеграции регионов Союза посредством единого культурного пространства.

Литинститут в годы Великой Отечественной войны.

Литинститут, смена эпох и культурных парадигм. От «оттепели» до «перестройки» и Новой России.

Литературные тенденции, в формировании которых Литинститут активно участвовал. легендарные выпускники Литинститута и ведущие тенденции прозы XX века. Художественная проза и соцказ. Соцреализм и Производственный роман, военная проза, городская проза, «деревенская» проза.

Советская цензура. Ее влияние на литературный процесс. Писатель в роли политика. Соцказ - плата за социальную значимость и вхождение в политический истеблишмент?

Советская критика. Ее влияние на развитие и на регресс художественных жанров.

Литература сегодня.

Что есть мэйнстрим современной русской прозы?

Современный писатель и современный книжный рынок.

Проблемы молодого писателя. Нужен ли молодой писатель издательствам?

Проблема «положительного героя» в современной прозе.

Философский пласт в работе писателя. Должен ли современный писатель быть философом? Жанры психологические и жанры действия. «Жить, значит действовать»? Традиции русской и западной литературы. Литература и кинорынок, «романы для кино», - требование времени?

«Быть большим писателем, значит быть большим человеком» (Л.Леонов) - роль жизненного опыта для писателя, вчера и сегодня.

Литература и журналистика. Две стороны одной медали.

Литература и современная культура, взаимосвязь. Общественное сознание. Либерализация культуры. «Ворота на запад», - плюсы и минусы. Влияние западного книжного рынка на менталитет современного автора. Славянофильство и западники в XXI веке.

Древнерусская культура- преемственность традиций, древнерусская литература на современном этапе научного переосмысления памятников истории и литературы. Древнерусская литература как культурная база современного писателя.

Культурная «революция» в 90-е годы и современное общество. Литература и корректировка культурных кодов эпохи.

Мировая филологическая наука. Современные исследования, - загадки в сфере литературоведения не разгаданы. Роль Литинститута в мировой литературоведческом процессе.

Архивы. Проблема обработки архивной информации. Передача личных писательских архивов в Госфонды и их судьба. Какие загадки таят в себе научные архивы? Кадры профессионалов, кто эти люди? Будущее мировой филологической науки.

Встречи прошли также в ЦДЛ, где выпускники института читали стихи и презентовали книги.

Анна ГАГАНОВА

MOSCOW - BRATISLAVA

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА



2013

«Тепло идёт через меня в ответ - от самих текстов Светланы Савицкой, проникнутых добротой. Округа завожжена утончённым пением ... Тревога сторожит добрых обитателей мира, придавая особую остроту изяществу проповедуемого добра.»

*Литературный критик, профессор
Лев Аннинский*



КНИГА СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ «Притчи для мудрецов»

Выпущена при содействии Русского Дома Науки и Культуры в Братиславе. (РЦНК в Словакии).

Перевод на словацкий Инна и Растислав Горватовы

МУДРЫЕ МЫСЛИ

За толстым стеклом в шкафу жили книги. Они были разные. На нижней полке пытели от пыли неповоротливые энциклопедии, которые знали всё. Вот уж кто мог ответить на любой вопрос! Полки повыше занимали романы, повести, рассказы. Они тоже давали ответы, только длинные и подробные. С такими книгами хозяйка засыпала в кресле у камина, обнимая их, как любимую подушку. А с самой высокой полки поглядывали маленькие томики стихов. В их глазах были одни вопросы. И хозяйка редко брала стихи, потому что давно выучила их наизусть.

Хозяйка не покупала новых книг. В основном их ей дарили. И вот, на день рождения кто-то принёс сборник под названием «Мудрые мысли». С каким упоением прочла женщина

созвездие лучших умов под одной обложкой! И, как это бывает, когда читаешь сразу много умных вещей, не запомнила ничего из прочитанного. Но осталась в восторге! И конечно, отвела для новой книги в шкафу лучшее место.

Шло время. К хозяйке приходили гости, и она знакомила их с книгами в шкафу. Или же гости сами знакомились с ними, когда хозяйка накрывала белой скатертью стол. В один из таких приёмов хозяйка любезно предложила кому-то почитать «Мудрые мысли». Так сборник цитат попал в другие руки.

Хозяйка, скорее всего, не догадывалась, что у всех книг есть свой характер. Они привыкают к людям. А некоторые сильно обижаются, если их выносят из дома, и не возвращаются совсем. Обиделись и «Мудрые мысли». К тому же они немного умели колдовать.

Долго вспоминала хозяйка, кому же она отдала свои «Мудрые мысли», но так и не вспомнила. А книга после прочтения попала в третьи руки, потом в четвёртые. И все забывали предыдущих и последующих её хозяев. Так «Мудрые мысли» обошли весь город, не зацепившись ни в одной голове, ни одним намёком. Обложка порядком истрепалась, страницы засалились и загнулись. Корешок ослабел. Но «Мудрые мысли» оставались по-прежнему мудрыми, потому что однажды перестали сердиться и вернулись в дом хозяйки через сотые, а, может, тысячные руки.

Прочтя их снова от корки до корки, и устанавливая за толстое стекло шкафа, хозяйка сказала:

— Да! Чудесная книга! У меня когда-то давно - давно была такая же. Только новая. Их теперь не выпускают. У кого же я её брала?...

MÚDRE MYŠLIENKY

Za hrubým sklom v skrini žili knihy. Boli veľmi rôzne. Na spodnej policičke sa zadúšali od prachu tlsté encyklopédie, ktoré vedeli všetko. Ved' predsa niekto musí vedieť odpovedať na hocikajú otázku! Na policičkách vyššie stáli romány, povesti a poviedky. Oni tiež dávali odpovede, ibaže dlhé a podrobné. S takými knihami domáca pani zaspávala v kresle pri krbe, objímajúc ich ako obľúbenú podušku. A na najvyššej policičke pomrkávali maličké knižky s básňami. V ich očiach boli iba otázky. Domáca pani zriedkavo brala do rúk básne, lebo ich dávno vedela naspamäť.

Panička nekupovala nové knihy. Často ich dostávala ako darčeky. Aj teraz, na narodeniny, niekto priniesol zborník s názvom „Múdre myšlienky“. S akým opojením si prečítala súhvezdia najmúdrejších umov v jednom zväzku! A tak, ako sa často stáva, keď čítaš veľa múdrych vecí naraz, nezapamätáš si nič z prečítaného. Ale ostala nadšená! A samozrejme, pre novú knihu našla najlepšie miesto na policičkách.

Čas plynul. K paničke prichádzali hostia, a ona ich zoznamovala s knižkami v skrini. Alebo hostia ich sami brali do rúk, keď domáca pani dávala na stôl biely obrus. Počas jednej takej návštevy pani komusi ponúkla prečítať „Múdre myšlienky“. Tak sa zborník citátov dostal do ďalších rúk.

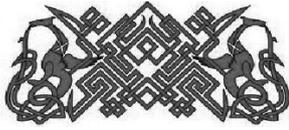
Pani asi nenapadlo, že každá kniha má svoj charakter. A knihy si zvykajú na ľudí. A niektoré sa veľmi urážajú, keď ich vynesú z domu a vôbec nevrátia. Urazili sa aj „Múdre myšlienky“.

Pani sa dlho snažila spomenúť si, komu dala svoje „Múdre myšlienky“, ale aj tak si nespomenula. A knihu po prečítaní dávali ďalšiemu a ďalšiemu človeku. A všetci zabúdali knihu vrátiť tomu, od koho si ju požičali. Tak „Múdre myšlienky“ cestovali po celom meste ale nezanechali nič v žiadnej hlave. Ani jednu myšlienku. Obal bol poriadne potrhany, stránky boli zamastené a rohy pozohýnané. Chrbát knihy už nedržal. No „Múdre myšlienky“ ostávali aj naďalej múdre, lebo jeden raz sa prestali hnevať a vrátili sa naspäť do domu pani po stovkách, možno tisícoch majiteľov.

Prečítajúc ich znova od začiatku do konca, a poloziac ich za hrubé sklo do skrine, pani povedala: —,Čudsná kniha! Aj ja som kedysi mala takú istú. Ale moja bola nová. Také už teraz nevydávajú. Od koho som ju dostala?....

MOSCWA – KOLKATTA

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА



2013

Светлана Савицкая



Москва-Калькутта 2014

মন্দিরের শহর - ঘর বাড়ির শহর

В 2012 году Светлана Савицкая посетила Индию с официальным визитом. По итогам поездки был написан материал «Индия», опубликованный в разных вариантах медийного издания «Интеллигент», и вошедший в книгу о путешествиях «Притяжение планеты».

Профессора знаменитой школы им. Рабиндраната Тагора города Калькутта Гаутам Гош и Мадхаби Бхатчарья перевели сказки и притчи Светланы Савицкой, которые вошли в книгу

গোপন কলকাতা শিখিয়ে দিয়ে চলে পড়লো অন্য জগতের কোলো।

সেই থেকে চোরের ছেলেদের জীবন আবার কাভাবিক হয়ে গেল। আবার তারা আরামে খোশমেজাজে জীবন কাটতে লাগলো। গাড়ি ফিরে এলো, বাড়ি ফিরে এলো, বৌ-রাও, তাদের প্রত্যেকের তিনটে করে সন্তান হলো, তিনটে করে নাস্তি-পুষ্টি। আর তাদের প্রত্যেকেই ভেদে নিয়েছিল ছুরি বিদ্যার গোপন ছলা কল্যা। ফলে চতুর্দিকেই বাড়তে থাকলো চোরদের সংখ্যা, আর ক্রমশঃই কমাতে থাকলো বোকাদের সংখ্যা।

আপনি বিশ্বাস করছেন না? চারদিকে তাকিয়ে দেখুন একবার। দেখছেন? আপনার পিছনেই কেমন লুকিয়ে আছে চোরেরা খকখকে লিমুজিন গাড়ির বর্মাছাদিত কাচের আড়ালে? দেখুন তাদের বৌদের গলায় কেমন হীরের জটা, ওদের ফারের টুপির ওপনটা, কেমন জ্বলজ্বল করছে আলোক দুটিতে। আপনি নিশ্চিত জানবেন ওরা সব চোর।

ভাস্কর :

মাধবী ভট্টাচার্য
গৌতম ঘোষ

проекта «Энциклопедия Золотого Пера «Город Домов и город Храмов». Презентация книги состоялась в посольстве Индии весной 2014 года, в офисе «Трудовая доблесть России» и в ЦДЛ.

Проект произведен при участии Русского дома в Калькутте им. М. Горького под руководством А.В. Мазирки.

মানুষ

সে কাঁপিয়ে পড়ল সাদা পপি ফুলের সাদা বালু ভূমিতে। তুঁতে নীল সমুদ্রের ঢেউতে সে আছড়ে ফেলল সূর্যালোকের টুকরো রশ্মি মোটর বোটের চালক যন্ত্রের তুফান গতিতে। আর বরফাবৃত জমিতে সে তার অধিপত্য জাহির করলো তাঁর গাড়ির চাকার দুই সারি দাগ খোদাই করে।

মানুষটা গাড়ি চালাচ্ছিল, উড়ে বেড়াচ্ছিল, দৌড়াচ্ছিল, সাঁতার কাটছিল। মর্মর ধনিতে আন্দোলিত হচ্ছিল সিডার গাছ, পাখীরা গান গাইছিল, তিমি মাছ সোচ্চারিত হল -- আমি অবাক হচ্ছি, কখন তোমার চৈতন্য জাগ্রত হবে? তুমি অক্ষরও পড়তে জানো না, চেনো না, বিপদের আঁচও টের পাওনা।

আর একদিন সে দেখল, সাদা বালিতে পিষ্ট হয়ে পড়ে রয়েছে সাদা পপিরা, মাকড়সার বাসা ভাঙা, সিডার গাছ জবাই করে করে সরাসরি ফেলে দেওয়া হয়েছে নদীতে আর পর্বত প্রমাণ হয়েছে জঞ্জালের স্তুপ। মনে হচ্ছে কেউ যেন মাটি ঝুড়ে খুবলে তছনছ করছে। এমন কোন জায়গা আর নেই যেখানে মানুষ তার চিহ্ন দেগে দেয় নি। তার যাত্রার দৈর্ঘ্য ছিল তার জীবনের চেয়ে ও ছোট।

আর তারপর মানুষটি ভবলো, 'এর পর কি? কি, কোথায় কেমন করে, এসব কিছু জানতে এবার তা হলে? দৌড়া, ওড়া, নাকি সাঁতার?

সে ফিরে যেতে চাইল, তার ছেলেবেলায়, সুগন্ধে ভরা প্রাইমরোজ

ЧЕЛОВЕК

Он топтал белые маки на белом песке. Он рушил солнечные кружева бликов на бирюзовых морских волнах винтом моторной лодки. И, пробираясь сквозь заснеженное поле, подчеркивал свое превосходство двойной чертой колеи своей машины.

Человек ехал, летел, бежал, плыл. Шумели кедры, пели киты, кричали птицы: «Интересно, когда же у тебя проснется совесть? Ты не умеешь читать писем, что оставляет тебе дорога, не внемлешь языку трав, не чувствуешь запаха беды...»

И однажды он увидел... растоптанные белые маки на белом песке, порванную паутину, кедры, порубленные прямо в реки и горы мусора. Оказывается, он обогнул Землю. И не было места, где бы Человек не оставил следов. Длина его пути оказалась короче, чем жизнь. Тогда Человек подумал: «А что дальше? К чему стремиться и куда бежать, плыть, лететь?»

Ему захотелось вернуться туда, где пахли детством нежные лепестки первоцветов. Но он не нашел их. Ему захотелось нырнуть в чистый ручей прохладного леса. Но сквозь обугленные ветки временами проглядывало лишь строгое солнце, пытаясь колоть ему глаза. Разгневанное море облаков, текущих по небу предвещало бурю. Тучи заворачивались за вершины деревьев, как огромные волны.

И Человек понял. Он понял, что хотела сказать ему дорога, о чем шумели тогда еще живые деревья, пели киты и кричали птицы.

Он увидел под ногами последний задыхающийся цветок. На дереве спасался от Человека оставшийся запуганный зверек, а в грязном озере плавала единственная чумазая рыбка. И тогда Человек опустился пред ними на колени и стал просить прощения.

Юбилей

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Червоткина Александра Ивановна родилась в 1924 году д.Елесеки Свеченский р-он Кировской области. В начале 30-х годов переехала в город Серов.

В этом году этот прекрасный врач будет отмечать юбилей.

Медийная группа «Интеллигент» поздравляет с наступающим юбилеем!

Желает здоровья, успехов и удачи Александре Ивановне!

Хочется немного рассказать об этом удивительном человеке, матери одного из наших учредителей Андрея Медведева.

Александра Ивановна окончила Свердловский государственный медицинский институт, педиатрический факультет.

С 1949 года начала работать в отделении новорождённых и только несколько лет назад она ушла на заслуженный отдых.

За годы трудовой деятельности её добрые руки держали десятки тысяч новорожденных малышей.

Столько же молодых мам получили консультации у этого опытного специалиста, за что благодарны этой чуткой женщине.

Благодаря опыту и кипучей энергии, Александра Ивановна по сути обучила кадровую систему в родильном отделении города Серова.

Поддерживала связь с институтом, учила медсестер бескорыстному и теплому отношению к работе.

В 1969 году областной аттестационной комиссией ей была присвоена высшая категория педиатра. В течении 28 лет Александра Ивановна совмещала работу с педагогикой, читала лекции в медицинском училище и вела практические занятия.

Бог одарил эту женщину отменным здоровьем и эрудицией и к своему 90 летнему юбилею Александра Ивановна ведет активный образ жизни. Она до сих пор много стихов помнит на память и любит читать стихи, которые придают вдохновение на её многолетней жизненной дороге.

Еще раз от всего нашего коллектива выражаем слова благодарности за героический труд, за путевку в жизнь, которую буквально получали от неё новорожденные дети.

Спасибо и низкий Вам поклон!

Коллектив медиа-группы «Интеллигент»



Нам 5 лет!

Коллектив медийной группы изданий «Интеллигент» поздравляет с пятилетием «Московский Салон Литераторов»! Желаем нашим партнерам творческого вдохновения, успехов во всех начинаниях!



Стремись не к тому, чтобы добиться успеха,
а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл.

Альберт Эйнштейн

Кто из нас не задавался вопросом: для чего я живу? В чем смысл моей жизни? Зачем я родился? Для каких великих целей послан в этот мир? «Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью - это значит, что он болен», - сказал Зигмунд Фрейд. И действительно, когда мы счастливы, когда наша жизнь заполнена приятными делами и заботами, этот вопрос не возникает. Он зарождается в недрах сознания лишь тогда, когда что-то не ладится в механизме, который именуется «жизнь», или когда заканчивается что-то важное, то, чему мы

отдали много времени и сил – завершается проект, вырастают и уходят дети. И мы заболеваем, впадаем в хандру и спрашиваем себя: А зачем, собственно, я здесь, и нужен ли кому-то? Человек - существо стадное, быть нужным, необходимым кому-то заложено мирозданием в основу его существования. Если от тебя нет никакой пользы, ты не нужен цивилизации, ты зря ешь свой хлеб, испеченный для тебя теми, кто оказался более востребован. Как говорил Альберт Эйнштейн, «каждый человек обязан, по меньшей мере, вернуть миру столько, сколько он из него взял». И вот тогда, анализируя весь пройденный путь, человек вдруг осознает, что вся его жизнь – это череда однообразных дней, событий, действий. Каждое утро мы встаем в одно и то же время,

идем на работу или принимается за дела, завтракаем, обедаем, ужинаем, едем в магазин, покупаем одни и те же продукты, ходим в кино, в спортзал, по выходным встречаемся с друзьями. Каждый год без исключений у нас случаются одни и те же праздники: Новый год, день рождения, 8 марта, отпуск, дача, потом закрытие сезона. И так без конца, круг за кругом, словно иголка жизни скользит по виниловой пластинке, по одним и тем же канавкам, неизменно возвращаясь в начало. Вот тогда и приходит осознание, что смысл жизни в самой жизни. И этот смысл не один, их, смыслов, очень много: воспитать детей, сделать карьеру, построить дом, посадить дерево. Все важны и значимы, каждый самодостаточен. Вот она, та самая повседневность, которая, по Чехову, и правит миром. И заезженная фраза «Человек – кузнец своего счастья» уже не звучит так банально. Да, человек действительно кузнец своего счастья. Увы, не всё мы можем изменить, есть вещи, неподвластные нашим желаниям, но то, насколько наша повседневность разнообразна и необходима, зависит только от нас.

5 лет назад мы сидели в уютной гостиной у Ольги Грушевской и говорили о том, что неплохо бы объединиться, чтобы время от времени собираться вместе, читать новые произведения, обсуждать, показывать, делиться. Теперь уже никто не вспомнит, кому пришло в голову назвать наш новый проект МОССАЛИТ, но название понравилось, потому что



Ген.директор компании «Blue Apple» Евгений Гендельман вручает МОССАЛИТу символическое синее яблоко



Гл. редактор «Московского BAZARA» Светлана Сударикова и художник Светлана Акчурина

соответствовало замыслу – не просто лито, именно салон по образу и подобию литературных салонов Серебряного века, где собирались не только литераторы, но и философы, художники, музыканты. Собирались, чтобы обсудить наблевшее, получить ответы на острые вопросы современности. За 5 лет мы сделали многое: у нас появилась литературная гостиная в библиотеке им. Платонова, прекрасный сайт, собственный сетевой журнал «Московский BAZAR», ежегодный сборник «Московский Дом», Детская площадка. У нас есть много друзей-партнеров МСП «Новый Современник», Литературный клуб «Подвал № 1», Театр «КомедиантЪ», Литературно-музыкальный проект «Живое авторское слово», Медийная группа «Интеллигент», Международная гильдия писателей (МГП), Компания «Синее яблоко», Творческое содружество «Перелётные люди» и др. Наши вечера перестали быть формальными – они приносят удовольствие и искреннюю радость, потому что мы не просто моссалитовцы, мы друзья. «Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл» - еще одна фраза великого физика. Мы шагнули за пределы повседневности, озарив наши жизни новым смыслом – смыслом творческого общения, смыслом радости от командной работы. У нас много планов и задач. И самая важная – творческое созидание. И если однажды мы «заболеем» и, следуя вековым традициям мыслящих людей, озадачимся вопросом, а есть ли смысл в нашей жизни, ответ последует незамедлительно – да, есть!

С 5-летием, МОССАЛИТ!

Материал подготовлен
Светланой СУДАРИКОВОЙ

Поздравляем!



*Коллектив
медийной группы
изданий «Интел-
лигент» поздрав-
ляет с Юбилеем
нашего предста-
вителя в прибал-
тике - Марину
Викторову! Же-
лаем крепкого
здоровья, успехов
в творчестве и
счастья в лич-
ной жизни!*



В Таллине уже несколько дней холодно и сыро. Сыро той особой весенней сыростью, которая, в отличие от осенней, особой поэтичности в себе не предполагает. Тем радостнее, что все эти обстоятельства стусеивались, когда настало время настоящей поэзии, прозвучавшей на творческом вечере поэта Марины Викторовой в Отделе литературы на иностранных языках Центральной Таллинской библиотеки. Вечер состоялся по поводу представления авторского поэтического сборника «Слепцы и смотрины». Не случайно сказано «о поэте Марине Викторовой». Пришедшие послушать «поэтессу» и привыкшие к так называемой «дамской лирике» были бы разочарованы. Любители поэзии, любители лирики, остались даже не то, чтобы довольны – счастливы. Женщина-поэт читала настоящие стихи, настоящую женскую лирику, которая отличается от «дамской» так же, как шансон Азнавура от бездарного блатняка, ошибочно называемого в России тёзкой жанра песен о нежной и страстной любви в исполнении великих певцов.

Итак, был очень тёплый, можно сказать, горячий вечер потому, как читались стихи, потому, как слушала их многочисленная публика, без дежурной вежливости, то стараясь дать «отзвучать» тишине после стихотворения, то аплодируя по-настоящему, от эмоционального взрыва, а не потому, что «положено хлопать».

Куда-то исчез холодный денёк, вместо него был

сезон поэзии, которую невозможно пересказать – можно только намекнуть на то, что традиционная наследственная линия настоящей женской лирики продолжается здесь и сейчас, не обращая внимания на непростые для поэзии времена, на засилье «дамского суррогата» и прочей пошлы.

Марина читала про разные, порою диаметрально противоположные, ситуации в жизни женщины. Ну, а поскольку выступал настоящий поэт, всё звучало в разных тональностях, но на языке, оставляющем главное чувство у читателя-слушателя - чувство счастья, чувство приобщённости к высокому и самому настоящему в нас, чувство, анализом которого не надо заниматься, надо знать, что оно есть и просто испытывать его, и ценить как светлую тайну нашего мира.

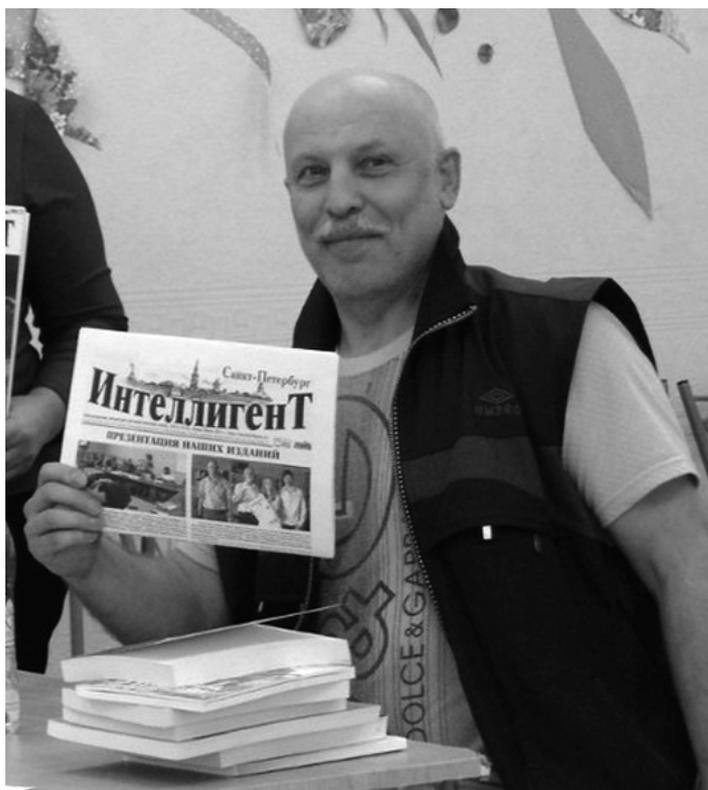
Марина читала не только «своё». Прозвучали и стихи других поэтов (некоторые в авторском исполнении). Читал «своё» и автор этих строк. И признаться, ему было и легко, и тяжело одновременно. Тяжело читать и привлекать к себе внимание после уже прозвучавших неподдельных стихов. А легко потому, что всем в этот вечер руководила Поэзия. Её тонкость, нежность, отвага, кураж.

И столько людей были и остаются счастливы, что всем этим заполнился и запомнился вечер нашей современницы, русского поэта – Марины Викторовой.

Влад ПЕНЬКОВ.

Таллин

СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК



Как часто мы радуемся и благодарим людей, которые, занимаясь своим личным обогащением, якобы вносят некий огромный вклад в общественную копилку, либо выделяют крохи от своих богатств на пособия бедствующим людям. Зато как люди стесняются, говоря о реальном бескорыстном энтузиазме некоего человека. В современной системе ценностей это нормально. Поражает то, что люди привыкают к чудачкам, по сути, совершающим подвиг, чтобы защищать, развивать и совершенствовать русскую культуру.

Сергея Пашкова – учредителя изданий медийной группы «Интеллигент» я знаю достаточно давно, чтобы по достоинству оценить его твердый характер и коммуникабельность, его творческие и духовные изыскания. Но как часто жители города, в котором он живет, в республике Карелия судят о Сергее по различным слухам, идущим от его завистников и противников, а не по реальному его вкладу в различные проекты.

Сегодня необходимо рассказать о деятельности Сергея в городе Костомукша, где он, будучи на должности директора, несколько лет занимался уникальным проектом «По использованию Экспозиционного пространства субъектов Р.Ф. в информационных целях», а так же какие издательские проекты он осуществил и осуществляет. Ведь Сергей не пришел на готовое место директора МУП «Дизайн-центр», вместе с двумя единомышленниками была подготовлена целая программа. Затем они блестяще её защитили несколько раз в самых престижных организациях и в правовых ведомствах, создавая одно из первых рекламных агентств. Предприятия и программа создавались для защиты законности и интересов именно государственных структур и самого Российского общества. Программа была настолько перспективна и эффективна, что была признана Ноу-Хау, и о ней писали в газете «Экономика и Жизнь». Удивитель-

но, что на протяжении более десятка лет в городе Костомукше велось противодействие этой программе, а также самому предприятию. Хотя многие элементы программы уже отражаются в законодательных актах России, их используют многие юридические лица, некоторые из ее противников не хотят вспоминать, что в то время они вытворяли. Им уже ничего не напоминает об этом предприятии и его руководителе. Думаю, что и тут противники нашли компромисс в ликвидации, слава Богу, что они просто ликвидировали предприятие...

И сегодня Сергей Пашков делает великое дело, он помогает огромному количеству русскоязычных творческих людей заявить о себе, реализоваться и стать соучастниками серьезнейших международных взаимоотношений с различными творческими союзами и организациями. Но некоторые люди, не отдавая себе даже отчета, и тут выступают против торжества бескорыстия! Поэтому я решил обратиться именно к Сергею, чтобы разрешить некоторые вопросы.

— Сергей, расскажи коротко, как это в маленьком провинциальном карельском городке появился такой глобальный международный издательский проект «Интеллигент»?

— Я совсем недавно рассказывал об этом читателям американской газеты города Филадельфия, но повторюсь еще. Проект «Интеллигент» появился на свет в карельском городке Костомукша на основании международной литературно-публицистической газеты «Провинциальный Интеллигент 1», или как её тогда стали называть сокращенно «ПИ 1». Что касается перехода из провинциального издания к международному уровню, прежде всего на это повлияло несколько причин. У нас был особый проект: «По использованию Экспозиционного пространства субъектов Российской Федерации в информационных целях», потому мы его успешно реализовали и в



из-
да-
тельской
части.

Во-вторых, нам надо было просто выйти из близкого окружения в городе Костомукше, да и из Республики Карелии в целом, где мне не только не помогали, но негативно действовали и бездействовали по отношению к любым моим благим начинаниям.

В-третьих, нам надо было избежать застоя, который происходит в небольших и замкнутых средах, в том числе в информационных. Для этого, естественно, надо расширять границы как по вертикали — по уровню авторских материалов, так и по горизонтали — по географическому насыщению авторами, с их различными особенностями в подаче материалов из разных регионов России и стран зарубежья. Еще в то время в своей основе концепции мы приняли не только классическое отношение к работам авторов, но и, как принятие духовной пищи, принятие их по духовному уровню. Так у нас выработался принцип: «Издательству, авторам и читателям всё можно, но не всё полезно, а потому мы готовы к авторским новациям, к различным позициям и оценкам у издателей, авторов и читателей, но только в рамках морали».

Вскоре у газеты «ПИ 1» появилась газета «Интеллигент. Санкт-Петербург», где в настоящее время главным редактором и составителем номеров является Наташа Крофтс, со своими строгими академическими нормами в словесном творчестве, а потому и сейчас в эту газету многим авторам попасть очень и очень трудно. Наташа родилась в Херсоне (Украина), но уже продолжительное время проживает в Австралии. Далее «ПИ 1» мной было предложено отдать городу Костомукше, а к питерскому изданию добавлены были еще две газеты, т.е. «Интеллигент. Москва» и «Интеллигент. США». Так была сформирована медийная группа из трех изданий: международный издательский проект «Интеллигент». Редакторский состав еще в самом начале деятельности планировал издания журнала или даже нескольких журналов, но для этого нам надо было решать несколько иные проблемы и задачи. Ведь многие современные издатели просто пришли на место давно уже зарекомендовавших себя еще в советское время СМИ, только там многое переделали под новую социальную систему и массовое сознание. Такие издания финансируются из различных государственных источников. Другие издания существуют за счет средств авторов, в которых вся концепция — плати и напечатаем! Хотя в некоторых изданиях все же происходит отбор и редактирование по материалам, но в современном мире деньги — это большое искушение и не всегда многие могут это пройти. Поэтому такие издания по материалам порой не очень серьезного уровня и качества. Мы не имели ни того, ни другого варианта, потому

МЕДИА ГРУППА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИТЕРАТУРНО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
«ИНТЕЛЛИГЕНТ»

стали просто набирать объемы в своих трех газетах и в архивах, ожидая, пока количество реально можно перевести и в качественные журналы. Так, к 2011 году создавалась прекрасная творческая группа единомышленников, появились материалы с хорошим уровнем, а так же материалы об интересных творческих личностях. Именно в то время и начался выпуск двух журналов, один из которых альманах «Интеллигент. Избранное», где публикуются только словесники из разных регионов России и из разных стран, а также толстый журнал «Интеллигент. Нью-Йорк». Журнал «Интеллигент. Нью-Йорк» имеет постоянные рубрики: об известных и интересных художниках и писателях, о различных географических особенностях, международных конкурсах... Есть тематические материалы, например, о балете, о библиотеках, о различных СМИ и изданиях и так далее. В основном в газеты «Интеллигент. Москва» и «Интеллигент. США» попадают авторы через наших представителей, которые есть в разных регионах России и за рубежом. В наши журналы авторские материалы поступают в основном только по рекомендациям учредителей и редакторского состава, они обязательно обсуждаются перед публикацией. Я доволен тем, что в США с нами сотрудничают: Вера Зубарева, Зиновий Коровин, Сергей Гора и другие. Вообще, в городе Нью-Йорке прошло больше всех презентаций наших изданий, их там представляли Ирина Акс, Нина Большакова, Зиновий Коровин, Екатерина Асмус, Наташа Лайдинен.

Наши учредители получают большое моральное удовлетворение, когда помогают реализоваться русскоязычным писателям и поэтам, людям русской культуры. Хотя мы всегда рады и тем, кто готов нам помочь не только своим прекрасным творчеством, но морально и финансово!

— **Спасибо Сергею.**

В городе Костомукше все же есть творческие и бескорыстные люди и даже помощники — это Лена Пархоменко, Андрей Медведев, Вера Ильина и, готовые морально поддержать проект — Сергей Лебедев, Аниса Терентьева, Елена Ванюшова и др. отзывчивые люди.

В этом году Сергею и его супруге Светлане исполняются юбилейные даты соответственно 55 лет и 50 лет.

Я часто поддерживал Сергея морально и он мне помогал своей моральной поддержкой, а потому я взял на себя ответственность от всех интересных и удивительных, добрых его соратников и участников его проектов, поздравить Сергея и Светлану с их юбилейными датами.

Желаем ВАМ долголетия, здоровья, успехов в творчестве и в семейном благополучии!

Сергею и его проектам часто в различных уголках мира посвящают не только различные презентации и материалы, но даже и стихи, хотелось бы закончить парой стихов, которые написаны за океаном - в США:

Зиновий Коровин

(От председателя русскоязычных писателей г. Нью-Йорка)

«КОММЕРСАНТЬ» и «ИНТЕЛЛИГЕНТ»

Сергею Пашкову

Есть «Коммерсантъ», и есть «Интеллигент»—
издательства под разный индекс спроса:
у первого – что море для матроса,
второго – ограничен контингент.

Всё правильно. Чтоб дольше нам прожить,
нам надобно поесть, а также пить.
Господь предусмотрителен. И вот
для этой цели Он пришел живот.

Затем, пренебрегая хромосомой,
Он нашу душу сделал невесомой,
возможно, чтоб нам быть Ему подстать,
и сложно было дьяволу продать...

Всё так, но мировой закон гласит,
что тот, кто больше, будет большим сыт.
И, согласно массе, будет рад
живот сглотнуть газету «Коммерсантъ».

Ну, а душа, всегдашний инсургент,
попросит для себя «Интеллигент».
Господь нам душу дал. Господь её родитель.
Но кто родил газету для души?

Кого благодарить должны в тиши?
Сергей Пашков – газеты учредитель.

Издатели Инна и Володя
(Филадельфия, США)

БЛАГОДАРЕНИЕ

Многоуважаемый Сергей!
Простите форму обращения,
Но в США бытует у людей
Такая формула общения.

Вам пишет новый автор Ваш,
На одного нас больше стало.
Я рад, что «взят на абордаж»
Столь уважаемым журналом.

Об этом я давно мечтал,
Но смелости мне не хватало,
А вот сегодня я узнал:
Моя мечта вдруг явью стала!

Примите мой поклон, Сергей,
Хоть, может быть, поклон не в моде,
Но не хватает слов, ей-ей!
Вас уважающий, Володя.

Р. S. Мелочное видится если внимательно
присмотреться, равное видится лицом к лицу, а
великое видится на расстоянии, потому пройдет
некий отрезок времени и жители Карелии. а так
же жители города Костомукши смогут разглядеть
те великие дела и поступки. которые делал Сер-
гей Пашков!

Федор ПАНЬШИН



ГАЗЕТ —
МНОГО!
ПРАВДА —
ОДНА!

Юбилейная медаль
«Правда 100 лет», вручается
Пашкову Сергею Львовичу
в его юбилейный 55 летний год:
за сохранение и развитие русской
культуры на международной арене,
за проект «Интеллигент».

Переводы

Авторы: Христина Панджаридис - журналист. Димитър Стоянов – юридический эксперт. Проживают во Франции. Ищут издателя или литературное агентство в России для публикации своих остросюжетных, социальных романов. Обращаться:



Эмигрантка поневоле

НОВЕЛЛА

Джейсон снова ночевал на улице. Закуток у шахты, откуда дул теплый воздух из спортивного зала, спасал его от замерзания, но он все равно окоченел. К двум часам ночи он допил бутылку красного вина, сомневаясь, сможет ли спокойно дождаться очередного утра. Мороз разбудил его в пять часов. Он убрал грязный спальный мешок в рюкзак и сделал утреннюю зарядку. Эта привычка сформировалась у него в армии, которую он оставил пять лет тому назад. Было еще рано, и Джейсон подходил по крытому рынку, т. к. до вокзала ему было лень идти. Он устроился возле церкви в надежде, что ему подадут. По опыту он уже знал, что рано утром прохожие бывают более щедрыми. Он думал о том, что если ему повезет, то он смог бы собрать достаточно денег на дозу героина еще до обеда. Удача улыбнулась ему неожиданно – красивая славянка, которая обычно подавала ему не более одного евро, в этот раз подала ему аж десять евро. Похоже, ей удалось поменять работу. Джейсон так же отметил, что походка у нее стала более гордой.

Сегодня был ее первый официальный рабочий день. Уже прошло сорок пять дней – испытательный срок. Этого хватило ее работодателям, чтобы они смогли убедиться в невероятных способностях ее обоняния. В тех же способностях, которые ее мучали годами напролет, пока она мыла посуду в ресторанах.

Из-за своего обоняния она не смогла привыкнуть к жизни в общечитии. Вонь жареных бананов с чесноком и прочие экзотические блюда, приготовляемые эмигрантами, переполняли чашу ее терпения.

Представительница социальных служб так и не смогла понять, почему из-за каких-то запахов (по ее мнению, это были «претензии») можно отказаться от почти бесплатного ночлега.

Да, да, её феномен в обонянии улавливать малейший оттенок запаха, именно это оказалось ценнейшим умением и профессией, о котором не знали не только на ее родине, но пока еще не догадывались и в эмиграции.

Иногда Джейсону хотелось спросить, откуда она. Он смотрел на нее глазами исследователя, ищущего на карте определенную точку. Но он боялся, что в ответ может услышать, что она из Югославии. Страна, с которой связаны все его кошмары и его теперешнее положение. Положение пловца, чьи силы иссякают, а берега все не видно. То он готов плыть, пока земля не покажется его взгляду, то перед глазами начинают маячить черные силуэты отчаянья. Может, будет легче и проще забыть, расслабиться и пойти ко дну...

Когда-то, в другой жизни, Джейсон был пилотом американской авиации. Их части базировались в Италии и оттуда совершали полеты над Сербией. Жизнь была прекрасной. В барах и дискотеках крутились красивые итальянские ночные бабочки. Они мечтали прильнуть к его могучей теплой груди.

Деньги давали ему свободу пробовать все, не опасаясь, что источник иссякнет. Он летал, пил, занимался сексом. И все в больших дозах. Он любил полные бутылки и секс. Две итальянские девушки забеременели, но командование держало в руках выигрышные карты. Его отмазывали, при этом каждый раз предупреждали, что это в последний раз. Будучи пья-

ным, он часто дрался. После некоторых таких драк он не подходил к самолету целую неделю.

Это ему прощали. Но не кокаин!

Еще во время стажировки коллеги Неды начали относиться к ней с уважением. Особенно после посещения генерального директора французского филиала концерна. Ее хотели отправить на пять дней в США. Карта временного пребывания не давала ей права въезжать в страну «неограниченных» возможностей. Американцы признавали только паспорта с биометрическими данными, а у нее не было такого. Ее мечты никак не стремились в эту страну. Невозможность забыть пришедший с этой страной кошмар сразу сжимал ей горло, боль еще не уткнула в реку прошлого.

Когда-то, лет пять тому назад, в другой жизни, она была инженером Недой Ивановой. Она работала конструктором-чертежником в проектной организации и радовалась жизни. Ее супруг, Любен, работал инженером на заводе электроники. У них было двое детей. Когда родился ее сын Радко, она осталась дома в отпуске по уходу за ребенком на целых два года. У нее было молоко, и ее сын даже не пробовал искусственные смеси. Это спокойствие не повторилось с ее дочкой Цветой. Она отняла ребенка от груди, когда ей было всего десять месяцев. За ней нужен был уход как за экзотическим цветком. Хотя и редко, но улыбочивое личико дочки озаряло их жизнь.

Они зарабатывали хорошо, и с помощью своих родителей купили дом недалеко от завода. У них было и несколько соток земли, которую обрабатывали вместе со своей родней. Плодородная земля щедро одаривала их фруктами и овощами. Использовали на сто процентов биоудобрения – тенденция, еще не вошедшая в моду, но практиковавшаяся веками в этих землях. Они жили в самой процветающей стране на Балканах.

Неда не интересовалась политикой. Она знала, что у них счастливая жизнь. Она часто ездила к своему дяде в Германию и, естественно, сравнивала жизнь тут и там. Правда, его автомобиль ни в какое сравнение не шел с их Заставой. Но жизнь гастрабайтеров там казалась ей похожей на выцветший театральный занавес. Она не понимала, как ее дядя и сотни тысяч югославов терпели нищенское существование и отвратительное отношение к себе местных



людей. На фоне спокойствия и чистоты эмигранты казались ей похожими на собак в ожидании куска хлеба и подброшенной монеты.

Хотя ее лучшая подруга Ралица, прожившая три года в Италии, много рассказывала ей об обеспеченной жизни. Мол, благодаря работе в Италии, Раица и другие эмигранты имели такие материальные блага, о которых только могли мечтать другие. И, несмотря на это, она не могла себе представить, что сможет покинуть родину. Они купили небольшой немецкий трактор, привезенный одним эмигрантом. Они выплачивали за трактор три года, а если бы работали за границей, то смогли бы выплатить за шесть месяцев. Но зато не унижаясь, они жили в свободной и в собственной стране, и в собственном доме.

Когда начались перемены, у них было все. По мнению ее тети, которая была замужем за греком, их жизнь была намного лучше и спокойнее, чем жизнь самих греков. Правда, были люди, которые считали, что у них нет свободы слова и прочее, но лично она не считала, что эта свобода ей нужна. Они жили хорошо.

В начале Джейсон не нуждался в возбужденности, вызываемой кокаином. Жизнь была настолько целостной и экзальтирующей, что наркотики только слегка обостряли его ощущения. Он добился того, о чем мечтал. Он - летчик! Пилот самой могущественной армии на свете! Он молодой, неженатый, богатый и красавчик, по его разумению, и был счастливым человек.

Как-то вечером, после утомительных любовных игр, его подруга смотрела новости по телевизору. Не понимая ничего, он блаженно валялся. На экране показывали бомбардировщиков в полете. Он увидел нанесенный его коллегами хирургической точности удар по поезду. Он спросил у Паулы:

- О чем идет речь?

- По ошибке уничтожен пассажирский поезд. Есть множество погибших - 162 человека, из которых 22 ребенка.

- Ты хочешь сказать, что это и есть тот самый поезд, свалившийся в пропасть, который показали только что?

- Да. - Ее голос был спокойным, будто речь шла о 162 курицах.

Мать их! Уроды! Как это возможно? - голос Джейсона дрожал.

- Господи, Боже мой! - простонал летчик и, прозревая, добавил: - Операция называется „Милостивый ангел“! Наша „милость“ отняла жизнь 22 детей! В этом поезде должно было находиться оружие массового поражения!

- Глупости!! - бесстрастно перебила его девушка. - О чем ты говоришь? У югославов не было приятельских отношений с русскими из-за отказа вступить в Варшавский договор. У них оружие времен царя Гороха, - с издевкой заключила Паула.

- Но... - Джейсон остановился, чтобы не выдать военные тайны. Про себя сказал: - Я сам вчера бомбил завод электроники, в котором на самом деле выпускали оружие.

Девушка выключила телевизор и выходящим жестом поманила его продолжить гимнастику, которая их связывала. Но изящное тело итальянки уже не смогло возбудить Джейсона. У него раскалывалась голова.

От той жизни у Неды остался только Радко. Пять лет ей не удавалось перевезти его к себе. Она никак не могла выполнить условия,

которые ставили французские власти. Под пристальным взглядом бабушек и дедушек, постоянно испытывающих чувство вины, ребенок вырос очень избалованным. Раньше она обвиняла их, что они не позволили ей взять его с собой, когда ее принудили покинуть Югославию. Сейчас она их уже не обвиняла. Даже такой аполитичный человек, как она, смог понять, что виноваты в этом... другие! Она с болью вспоминала их развороченный дом, в котором погибла ее Цвета. Если бы она не пошла в магазин, она тоже бы погибла под руинами, но погибла бы, крепко сжимая руку своего ребенка.

В тот день не было воздушной тревоги. Ребятишки из детского садика играли в парке. Это их и спасло. Садик, как и их дом, находился в непосредственной близости от завода электроники. «Хирургически» точным ударом, американцы отняли жизнь 92 мирных людей. Среди них был и ее Любен. К счастью, «хирурги» не заделали детей в парке.

У Джейсона был переносной телевизор. Он ловил ВВС, и иногда он вместе с коллегами смотрел новости, в которых показывали репортажи об их успехах. Но после краткого комментария в итальянских новостях, произнесенной римской красотой, упомянутые «успехи» все чаще не давали ему покоя.

Паула так и не поняла, почему он ушел от нее. Крапива неудовольствия обжигала ее душу. Она знала, что у него осталось еще два дня отпуска, но он предпочел вернуться на базу. Ему не хотелось ничего объяснять, он не был готов к этому.

Пилот взял телевизор и пошел к Лучию. Они познакомились в каком-то баре, и на Джейсона произвели сильное впечатление его способности полиглота. Он твердил, что может свободно разговаривать на семи языках и понимать еще четыре. Он доказал это прямо в баре, начав разговор с тремя иностранцами. Это оказалось достаточным поводом для Джейсона, чтобы весь вечер угощать его и его подругу Ивон. Она была красивой французской, но, увы, не разговаривающей на английском. По словам Лучию, она не понимала и по-итальянски, что в какой-то степени объясняло их связь. Впоследствии американец понял, что ужасно некрасивую, но умный полиглот снабжал французскую красавицу наркотиками.

Лучию встретил его неохотно. У него не было привычки встречаться со своими ночными знакомыми утром. У него было много дел: сходить на лекцию, отнести белье в стирку и т.д. Когда Джейсон упомянул, почему он ему понадобился, итальянец ухмыльнулся. Он начал объяснять, что ими манипулируют, но Джейсон остановил его. Политика его не волновала. Ему нужна была запись всех новостей. Лучию посмеялся над ним, указывая пальцем на крышу и специальную антенну Киришман, которая ловила даже сигнал ТВ Белград. Договорились, что он запишет перевод всех новостей, которые сможет поймать. Военный заплатил половину договоренной суммы, и они расстались.

Весь город был в шоке! Это перешло все границы! Правда, они уже попривыкли к войне, уже восемь месяцев западная коалиция, представленная американцами, бомбила их страну без успеха, под предлогом...

Предлог...?

Неда не была шовинистом, но не понимала, зачем нужно отрывать кусок ее родины,

чтобы отдать его людям, которым они предоставляли приют уже много лет? Она вспомнила, как весь их класс помог Нидже спасти всю свою родню от ужасной нищенской жизни в Албании. Вся школа собирала деньги, на которые они подкупили албанские власти. Учителя объясняли им, что иногда такие неморальные поступки оправданы, во имя гуманитарной цели. Родственники приехали и тихо и спокойно поселились в их городе. Выучили язык и быстро интегрировались. Их дети пополнили начавшие опустевать классы в школе. Еще до того, как покинула свою родину, Неда знала, что у Нидже уже было двенадцать детей. А у ее двоюродных сестер - четырнадцать и пятнадцать! За несколько лет их колония разрослась, и их претензии на строительство мечети начали портить хорошие взаимоотношения. От Любена, родившегося в Приштине, она знала, что такой же процесс шел и в Косово. Они дали им автономию, которая позволяла проводить занятия в школах на албанском. Тогда она не имела ничего против, несмотря на попытку Любена объяснить ей, что происходит. Она обурвала его, мол, люди имеют право учиться на собственном языке, политика меня не интересует!

Она все еще была аполитичной. Но подарить своим гостям комнату, в которую их приютили из христианской милости, только потому, что они плодились как зайцы, и их стало больше, чем хозяев... нет уж!

Оставив кассеты Ивон, Лучию исчез куда-то на три дня. Француженка пригласила его и попробовала что-то объяснить ему про Голландию, но Джейсон не понял ее. Он включил кассету. Слушал запись, и лицо его мрачнело. В одном из французских репортажей говорилось об очередной ошибке НАТО во время бомбежки электронного завода. Их спецслужбы проверили и под заводом не обнаружили предполагаемого арсенала биологического оружия. К тому же еще во время этой же бомбежки были разрушены восемь домов и один детский сад, находившийся рядом с заводом. Сорока шести детям удалось спастись только потому, что они находились в соседнем парке.

Он пришел в ярость. Вместо стакана, предложенного Ивон, он поднял бутылку. Выпил ее залпом. Ожидаемое затмение не пришло быстро, потому он подал девушке пачку долларов, жестом указывая на очередную бутылку.

После погрома, Неда жила около месяца у своих родителей. Область была полностью разрушена. Большинство жителей работало на заводе. Завод тоже был разрушен, как и два моста над рекой Нишавой. Город превратился в город-фантом. Магазины закрывались один за другим. Люди стали походить на зомби. Думали только о том, как себя спасти.

Не она сама, а совет родственников решил, что она должна уехать к своему дяде в Германию. При этом, на первых порах, без своего ребенка. Она не смогла им противостоять. Она была единственным оставшимся молодым человеком среди них, кто смог бы это сделать. Родственники собрали остатки своих сбережений и организовали ее нелегальный переезд. Она знала, что родня надеется на нее, но все равно чувствовала себя отверженной. Дядя ее встретил улыбки. Из-за их сына, свободно говорящего свои мысли о войне, считая, что живет в недемократическом обществе. Потому уже им дали понять, что они сами тут нежелательные. Приютить Неду в этой ситуации можно

было посчитать еще одной провокацией. Он отправил ее в Страсбург, к своему другу, у которого была фирма для уборки. И вот так инженеру Иванова стала уборщицей.

Она не боялась тяжелой работы. Боялась она другого – похотливых взглядов работодателя Драгана. По-видимому, ему стало известно, что у нее нет мужа. Противный земляк постоянно намекал ей на близость. Чтобы прекратить это, Неда поговорила с его женой. Эффект был мгновенным. Но ей пришлось искать другое жилье. Госпожа помогла ей устроиться в общежитии для молодых работников. Ей купили какие-то документы, которые сгодились хотя бы для этого.

Джейсон пришел в себя в чужой постели. Рядом с ним спала Ивон. Он посмотрел на часы и понял, что сильно опоздал с возвращением на базу. Потом вспомнил о записанном репортаже. От возмущения голова пилота занемела и перестала болеть. Он потянулся за одеждой и увидел шприцы. Его взгляд остановился на маленькой точке, на вене левой руки. «О, Господи! Что же я такое творю?» - воспаленный ум искал выхода. Ему попала в глаза его форма, и он в ярости стал рвать ее. В высшей школе их готовили к потенциальным ошибкам во время исполнения военных приказов. Но никак не к этому! Он не был дураком и быстро осознал, что этот приказ, так же, как и те приказы – о поезде, о мостах в деревнях – не являлись ошибками! Это был способ поставить на колени этот гордый народ. Он хорошо помнил комментарии своих коллег, которые считали, что если кто-нибудь так же бомбил бы Чикаго, то они уже бы капитулировали.

Он не смог надеть свою разодранную форму, разбудил Ивон и отправил ее за новой одеждой. Пока девушка собиралась, он заметил, что она исключительно красива. Одежда определенно портила ее. Он попытался сказать ей об этом на своем ломаном французском. Она его поняла, ответила что-то и одарила его своей лучезарной улыбкой.

Настоящие проблемы Неды начались после оплеухи, которую она влепила одному из клиентов. Она убиралась у них дома уже несколько месяцев и специально попросила Драгана приходить туда только в присутствии хозяйки. Этот француз уже два раза пытался лапать за задницу, когда она нагибалась при уборке. Второй раз Неда не ударила его только потому, что хозяйка вошла на кухню. Госпожа поняла, что произошло, и извинилась по-своему – дала ей на 20 евро больше. Она надеялась, что мсье тоже понял. Она недооценила его похоть, а он недооценил силу ее пощечины.

Неда вспомнила поездку в Стамбул. Когда-то, в прошлой жизни, они с Любеном поехали туда в свадебное путешествие. И тогда она поняла, что это такое - настоящее преклонение перед женской красотой. Ее рост 1,85 и ее формы не производили впечатления в Сербии. Но в Турции все началось на границе. Первый же таможенник, зашедший в их автобус, увидев ее, встал как вкопанный. Пялился на нее, разинув рот. Время от времени произносил «машалла». Только через десять минут шофер смог вывести его из этого состояния и заставил позвать начальника пограничного поста. Часто минуя эту границу шофер уже знал местные нравы и заранее собрал у пассажиров деньги, чтобы купить этому начальнику складной велосипед. Он уже достал его и собрал. Шеф пришел, но не обратил никакого внимания на взятку. Он тоже в свою очередь стал перед ней,

как вкопанный. Без конца говорил «аферим» и «ашколсун». Его лицо выражало почти религиозное преклонение. Десять минут в этой ситуации заставили Неду почувствовать себя неловко. Она бесцеремонно вытащила торчащий из чужого багажа цветок, подала его начальнику и, улыбаясь, словами и жестами объяснила, что хотела бы продолжить путешествие. Турок откланялся и вышел из автобуса задом наперед, не упуская ее из виду. Чуть не убили, когда спускался по ступенькам. Увы, после него в автобус заглянула вся заставка, и пассажирам пришлось узнать все слова турецкого языка, которыми выражали восхищение. Только через несколько часов, и только после того, как все служащие смогли порадоваться ее красоте, забыв о своем велосипеде, шеф лично вызвался сопровождать их до первого турецкого города. Когда наконец-то он вышел, Неда заметила, что, несмотря на задержку, остальные пассажиры смотрят на нее с уважением. Но самое странное было то, что она уловила это и в поведении Любена!

Их злоключения продолжились на Бап Чарши – стамбульском рынке. Она осталась одна в магазинчике буквально на минуту, но тут же кто-то успел сильно ущипнуть ее за зад. Не задумываясь, с разворота, она дала сильную пощечину обидчику, после чего на его лице остался глубокий, красного цвета, след. Пренебрегая болью, жирное, довольное, улыбающееся лицо турка выражало бесстрашную готовность получить еще одну пощечину. Ее крики привлекли внимание Любена, который своим ростом в 2,10м и могучими плечами охладил пыл турка.

Джинсы и свитер подошли идеально. Рубашку не было видно. Джейсон отправился к банкомату снять немного денег. Позвонил на базу и сказал, что заболел, но не сообщил, где находится. Он сообразил, что и другие офицеры иногда пропадали на неделю без отпуска. После строгого выговора их возвращали обратно. Вопрос был в том – хочет ли он снова туда? Он решил подумать. Вернулся обратно к Ивон, и они пошли пообедать. Мысль, что скоро может оказаться без зарплаты, сделала его экономным. Впервые обратил внимание на цены в ресторане. После обеда погуляли бесцельно по городу. Забредли на рынок, где он за бесценок закупил себе много одежды. Он осознал, что уже готовится к далеко не цивилизованной жизни.

Джейсон позвонил своей больной матери и попросил у нее телефон их адвоката. Женщина забеспокоилась и попыталась его расспросить, зачем ему понадобился этот номер. Он уклонился от ответа, но знал, что мать догадается о проблемах сына.

То, что он узнал от своего адвоката, совсем его не обрадовало. Так как он получал государственную стипендию и подписал договор на десять лет, то в случае нарушения договора, ему грозил не только военный суд, но и финансовые обязательства на ближайшие тридцать лет. Юрист посоветовал закончить миссию, так как он считал, что она все равно скоро завершится. В Вашингтоне упорно ходили слухи о предстоящей капитуляции Милошевича.

Ивон настояла, чтобы они вернулись в квартиру Лучио. Когда они пришли туда, он понял, что она просто хотела очередную дозу героина. Он попробовал ее отговорить, но его французский и его мотивация не были достаточными. Осознавая то, что делает очередную глупость, но мечась в поисках убежища от подавляющих мыслей, он позволил ей уколоть и себя. Ощущение безмятежности бросило их в постель.

Обиженный французский нахал написал заявление в полицию. Он не принял извинения Драгана в виде 500 евро. Отказался и от 1000, и от 2000. Работодатель хотел избежать проверки по поводу нелегальной рабочей силы, но это ему не удалось. Его оштрафовали на 25 000. Но самое странное было то, что это для нее не имело никаких последствий. Более того, пожаловавшийся француз получил три месяца условно за свое посягательство. Свидетельские показания его жены сыграли решающую роль. К тому же, его жена подала на развод.

Неда осталась без работы. Так как она регулярно отправляла деньги на родину, у нее не было никаких сбережений, то она должна была любой ценой работать. За зловонное общежитие она платила 140 евро в месяц, при этом могла там и питаться. Поэтому, хоть и с забитым ватой носом, осталась там жить. Ее никто не трогал, так как она заплатила за два месяца вперед (это было обязательным условием).

Она подрабатывала в разных местах, устраивалась на 2-3 дня, замещала посудомоек в ресторанах, но этих денег не хватило бы даже на аренду жилья.

Некоторые из бывших клиентов Драгана соглашались брать ее без договора, а это уже давало ей надежду перевезти к себе сына. Но для того, чтобы привезти сюда сына, ей нужен был официальный трудовой договор.

После возвращения Лучио из Голландии, они сняли номер в гостинице. Дни проходили беззаботно, под воздействием героина. Ивон была неглупой девушкой, и ее компания была ему приятна. Но все менялось, если не было порошка морфея.

Уже после первого месяца его отсутствия на службе, он был объявлен дезертиром. Ему удалось-таки снять свою последнюю зарплату, как и все свои сбережения. Однако эти средства таяли быстро, и он задумался о работе. Лучио предложил ему заняться распространением наркотиков среди своих бывших коллег. Пока у них еще были деньги, Джейсон отказывался. Потом зависимость от героина заставила его согласиться. За несколько месяцев он составил на несколько лет, и его коллеги иногда не могли его узнать. Но его бизнес процветал, и он уже снабжал и остальные войска американской базы. Он удивился тому, что очень многие парни сидели на игле. Теперь, когда он тоже был одним из них, подумал о том, на чем держится самая могучая армия мира. Хотя о политике он не рассуждал, он ее ненавидел, но мораль из всего этого он осознавал. Доходы от наркотиков превысили зарплату авиатора. Но все чаще его друзья предупреждали о том, что военная полиция разыскивает его. И не только из-за дезертирства. Два раза еле обошлось. В минуту просветления он решил свалить из этого места.

Они оказались в Риме, где Ивон арестовали за наркотики. У нее нашли лишь небольшую дозу, и поэтому ей дали всего шесть месяцев условно. В Милане уже он попался с 1 гр героина. Остальное ему удалось выкинуть буквально за минуту до этого. Его освободили, так как у него нашли документы американского военного, да и количество было небольшим. Он понял, что легко может оказаться в тюрьме. Они решили уехать из Италии. Три года испытательного срока для Ивон во Франции истекли. Обстоятельство, а так же ее знакомства, направили их туда.

Бернадет, у которой она убиралась, была раньше преподавателем, а потом из-за болезни ушла на пенсию. Ее мать, 82-летняя старушка, страдала болезнью Альцгеймера. Иногда, когда кто-нибудь из официальных сиделок отсутствовал, Бернадет вызывала Неду. Они сблизились, насколько это было возможно в Эльзасе. Несмотря на расстроенные нервы, у учительницы было обостренное чувство справедливости. Когда она узнала в общих чертах историю Неда, решила принять участие в ее судьбе. Она приложила немало усилий, чтобы найти работодателя, готового подписать официальный трудовой договор с посудомойкой. Неде пришлось ехать в Сербию, чтобы получить в посольстве рабочую визу. Бернадет оплатила ей билет туда и обратно.

Счастливая, Неда вернулась на родину на пять дней. Ее сын вырос и изменился. Она взяла его с собой в Белград, пока оформляла документы. Ребенок чувствовал себя неловко, он отдалился от матери. Хотя она и пробыла на родине недолго, но успела понять, что многие ее знакомые и близкие люди изменились. И не в лучшую сторону. Но ей не хватило времени, чтобы спросить у них, в чем дело, а сама она так и не нашла объяснений. Ее родители пришли забрать мальчика. Ее расстроила его радость, но ей стало стыдно от того, что ревнует сына к собственным родителям. Она села в самолет и, на этот раз официально, въехала в Страсбург. Вечером ее ждала гора грязных тарелок, сковород и кастрюль. Она мыла и пела.

Они устроились на ферме у сестры Ивон. Запаса героина им бы хватило на три-четыре дня. Джейсон предпринял необходимые действия, чтобы получить свой международный паспорт из США. Адвокат отправил ему паспорт вместе со счетом за свои услуги. Но это значило, что он больше не сможет пользоваться его услугами. Ивон обещала своей сестре не вмешивать ее в свои наркотические дела. Поэтому они вселились в заброшенный дом вблизи канала. На те небольшие деньги, которые Джейсону отправила его мать (Джейсон не хотел тратить именно эти деньги на наркотики), они купили и оформили небольшую и подержанную машину. Она-то и стала основным источником дохода. На ней они добились несколько раз до Испании, откуда перевозили наркотики. Они заняли у сестры денег на десять дней и поехали. Ивон знала местных распространителей. Товар быстро окупился и принес им даже прибыль. Они вернули сестре долг. Так начался их черный бизнес. Подмешивали в наркотик добавку, чтобы и им хватало. Жизнь потекла, опять одурманенная сексом и героином. Девушка начала колотиться два раза в день. Ее молодое и красивое тело увядало очень быстро. Джейсон предложил ей пойти к врачу, но она категорически отказалась. Ее сестре удалось привести врача в их заброшенный домишко. Приговор врача был суровым: или срочно госпитализироваться, или ждать неминуемую смерть.

Ей не было тяжело убирать в комплексе, несмотря на его большие размеры. Но ее раздражали запахи во время мытья посуды. Она затыкала нос кусочками воска, предназначенными для ушей. Ватные тампоны не справлялась с задачей. Но даже с воском в носу и с закрытыми глазами, она могла точно сказать, какая еда лежала в тарелке до того, как ее отравили в бак для биоотходов.

Она решила в шутку попробовать отгадывать блюда, которые прежде находились в каждой тарелке. Вначале она определяла только основные продукты. Потом она выгащала беруши и начала тренироваться. Скоро она начала разгадывать, из чего состоял гарнир, а затем стала улавливать и запахи приправ. Со временем она добилась совершенства и стала отгадывать тончайшие нюансы запахов. Через два года она уже могла уловить даже запах духов клиентов. Рецепты шеф-повара уже не были для нее секретом. И если он менял даже какую-нибудь мелочь в ингредиентах, она сразу это определяла.

Отношения с коллегами у нее были хорошими. Они видели, что Неда работает не шадя себя. Все любили веселую девушку, и она стала чем-то вроде талисмана. Может быть потому, что она ненавидела, когда ее трогают. Кто-то пустил слух, что если прикоснешься к Неде, весь день будет удачным. Она не могла понять, почему это все крутится вокруг нее с утра, пока одна из официанток не рассказала ей об этом суеверии. Она приняла игру, но не стала им облегчать доступ к „удаче“.

Как-то утром, будучи в хорошем настроении от неуклюжих попыток шеф-повара прикоснуться к ней, она упомянула о том, что во вчерашнем блюде повар забыл добавить дикую мяту. В ответ на его изумленный взгляд, она ответила, что поняла это после того, как вымыла все тридцать семь тарелок после этого блюда. Повар не поверил, но прикоснулся к ее руке как бы случайно, вроде в знак благодарности.

Отвезли Ивон в больницу через четыре недели после посещения врача. Она была в таком состоянии, что не могла сопротивляться. Ее конец уже был очевиден. Джейсон тоже лег в больницу. Он хотел быть поближе к ней. Через восемь дней, проведенных в бесконечных сумасбродных разговорах, Ивон умерла. Ей было 23 года. Он долго плакал, но не пошел на похороны. Он остался во Франции, так как понял, что в этой стране даже бездомные имеют право на бесплатную медицинскую помощь. Он принимал метадон, который успокаивал тягу к героину. Через месяц его выписали. Он купил метадон и вернулся в заброшенный дом. Там он обнаружил, что у пустыни имеются свои ступени, и последняя ступень не допускала пока его присутствия, так как за ней уже наступает небытие. Он снова заколотил окно и уехал на «двух лошадях»* в Голландию. Из страны тюльпанов отправился в Мец, где пробыл несколько месяцев. Полицейским удалось развязать одну цепочку сбывта, в которой он был мелкой гачкой. Ему случайно удалось избежать неприятностей, он просто забыл про встречу с наркодилером. Про акцию полиции ему рассказал сосед в магазине, которого он там встретил случайно. Джейсон осознал, что если его поймут, то отправят на родину, где ему грозит от 30 до 50 лет тюрьмы. Эта история, как и смерть Ивон, привели его к решению о прекращении перевозки наркотиков.

Прошло всего лишь восемнадцать месяцев со времени его солдатских подвигов в Югославии, когда волею судьбы он оказался в Страсбурге. Ему нравилась немецкая подтянутость этого французского города. Здесь жили жесткие люди, но при этом сострадательные. Оказалось, что можно жить и на подаяния. Если день удавался, то ему хватало и на еду. Он принимал стабильную дозу метадона, но ему никак не удавалось ее уменьшить. Он подобрал собаку, чтобы она составляла ему компанию и грела его своим теплом в холодные зимние

ночи. Но из-за собаки его не пускали в приюты даже в самые большие морозы.

Он проживал вместе со своей собакой и свою уже «собачью» жизнь. И только иногда человеческое сострадание опять превращало его в человека.

Время текло медленно. Неда с нетерпением ожидала завершения трех лет, чтобы обновить свою рабочую визу. Каждый год в течение этих трех лет она должна была представлять документ от того же самого работодателя. Она и не собиралась искать другую работу. Но ей выдавали только карту, разрешающую временное пребывание и визу только на год. И только через пять лет она могла бы забрать ребенка к себе. Только после получения карты, действительной на пять лет, она могла жить с сыном. В целях экономии она снимала чердачную девятиметровую комнатку. И не звонила часто в Сербию. Каждый сэкономленный цент она отправляла туда. В ответ получала фотографии своего подросткового сына и милые письма от родителей. Друзья ее забыли. В редких письмах она читала их бесконечные жалобы на жизнь, за которыми угадывалась зависть к ее жизни здесь. Она их не понимала. Пусть и в нищете, она бы предпочла жить на родине. Но как их убедить, что и здесь бананы не растут на глазах! Ей оставалось еще три месяца до пятилетней карты.

Шеф-повар серьезно испугался ее замечания по поводу его рецепта. На этот раз он попросил ее пересчитать все ингредиенты. Она это сделала и дополнила, что замена одного из ингредиентов портит блюдо. Прекрасневшее лицо повара свидетельствовало о том, что у него скоро случится истерический приступ.

– Как именно тебе удалось отгадать все ингредиенты? – опять спросил он.

Смущаясь, Неда объяснила, что это можно понять по тарелкам, из которых ели люди. Взбешенный, он выкинул на помойку еду из приготовленного для подачи блюда, и перед удивленным помощником сунул ей тарелку под нос. Спокойно и медленно посудомойка ответила, что эта еда приготовлена сегодня, так как запахи еще свежие. Она пересчитала все ингредиенты, в том числе и приправу, чей вкус она не знала, но различала ее запах.

– Ты подглядывала за приготовлением! – не мог унять свое беспокойство повар по поводу эксклюзивного рецепта, унаследованного от его бабушки, и который он держал в строгом секрете. Он закрыл Неду в своей комнате и на скорую руку придумал новое блюдо. Потом высыпал все из тарелки. Все присутствовавшие при этом прикинулись, будто ничего не замечают. Неда опять отгадала все ингредиенты. Шеф-повар немного успокоился и дал ей спокойно закончить уборку. Но в его голове уже рождались планы.

Пожилая женщина с трудом передвигалась, опираясь на палку. Она регулярно подавала ему по два евро и каждый раз нежно поглаживала его по голове. Деньги, конечно, имели значение, но эти прикосновения к его грязным, слипшимся волосам, напоминали Джейсону о ласках его собственной матери. Были дни, когда он, озлобленный от холода и отсутствия наркотика, считал этот жест попыткой искупления перед Творцом, к встрече с которым она явно готовилась. А иногда, когда у него было хорошее настроение, он специально ходил помывать на вокзал, чтобы не пачкать святую руку

женщины. Еще он помнил толстого человека, похожего на мясника, который подбрасывал ему пару монет по пять евро. Жест милосердия, видимо, менял что-то в нем, так как тот отходил с видом молочника.

Больше всего ему запомнилась высокая, всегда улыбающаяся иностранка. Она носила поношенную, но всегда чистую одежду. Уже больше года, каждое утро в семь пятнадцать, она проходила мимо церкви, но никогда ни разу не прошла мимо него. По-видимому, она сама нуждалась, и поэтому Джейсон радовался от всего сердца, даже если она подавала всего 20 центов. Для него этот ритуал стал намного важнее, чем достоинство монет. Он считал эту женщину олицетворением человечности, и это помогало ему переживать собственное горе. Дни, когда ее не видел, становились серыми и грустными, несмотря на героин в венах.

Он попытался начать разговор с ней. Почувствовав английский акцент, она удивилась и остановилась. Спросила, откуда он?

Джейсон запомнил ее потускневшее лицо от ответа. Он пожалел, что не соврал. Он мог спокойно сказать, что он из Австралии или из Англии... Но уже было поздно. Разговор не получился, и она ушла.

Но, к его удивлению, этот ритуал продолжился и в дальнейшем. Ее одежда постепенно становилась лучше, а денег, брошенных в миску – больше. Походка, тело, все ее существо уже излучали добрую улыбку, которую раньше можно было разглядеть только в глазах. Но все это было мелочью в ожидающем их заговоре с судьбой.

Переживая, Неда вошла в кабинет Базиля. Не так уж много было людей, лично познакомившихся с хозяином боулинга и трех ресторанов в городе. Те, кто заходил в этот кабинет, уходили оттуда или с увольнением, или с повышением. Она не ожидала повышения. Но остаться без работы за два месяца до окончания срока действия карты... ей не хотелось думать об этом. Она набралась смелости и вошла. Кроме эксцентричного итальянца, в кабинете был и шеф-повар. Когда он заговорил про необыкновенные способности ее обоняния, женщина успокоилась. Ей предложили пройти тестирование, но на этот раз это, видимо, веселило шеф-повара. Итальянец, в свою очередь, вошел в роль красного быка. Он посадил их в свой огромный лимузин и отвез в другой ресторан, находившийся в центре города. Обеспокоенная по поводу того, что Базиль их запер в комнатушке, Неда вспомнила, что так с ней уже поступали, как и с другими эмигрантами, когда шли комиссии и проверки заведений. Хозяин вернулся с грязной тарелкой и стал расспрашивать ее об ингредиентах. Она назвала восемь ингредиентов, шеф-повар не согласился с двумя. Базиль все записал, а потом пригласил шеф-повара второго ресторана. Быстренько пресек его попытку спрятать рецепт, напомнив ему о повышении по поводу рождения его третьего ребенка. Ингредиенты совпали восемь из восьми. Потом провели еще один эксперимент: добавили еще более разнообразные ингредиенты. Результат был все тот же. Ее шеф сиял, второй повар паялился, а Базиль, удивленный, но сохранивший хладнокровие, распорядился, чтобы их отвезли обратно на работу.

Несколько дней позже хозяин нашел её за уборкой бильярдного зала. Вежливо поздоровался и пригласил её в свой кабинет. Он предложил ей новую, более легкую работу, с большим окладом. Но при одном условии: найти новую посудомойку, достойную её заме-

нить с двухнедельным испытательным сроком. Ей дали пятнадцать дней на все эти дела. Три года она не брала отпуск, и вместе с этим отпуском получились необходимые три года. Базиль дал ей заветную аттестацию на пятилетнюю карту. Обещал ей помочь связями в префектуре (местной управе).

В тот же вечер Неда пошла в общежитие. Там жил молодой парень из Туниса, с которым раньше они работали вместе, и который смог произвести на нее хорошее впечатление. Араб сразу согласился. На следующий день уже работали вместе. Через пятнадцать дней парень подписал трудовой договор. А она должна была подписать договор с Нестле. Она переживала, несмотря на заверения Базиля, что не будет никаких проблем.

На новом месте ее встретили хорошо, протестировали ее умения еще несколько раз, и она подписала официальный договор с испытательным сроком в 45 дней. С некоторой неловкостью ей сообщили, что пока идет испытательный срок, не смогут ей платить больше 2600 евро после вычета налогов. В ответ на ее ошеломленный взгляд (не так его поняли), ей сказали, что с подписанием постоянного договора ее зарплата возрастет до 3600, а к концу года и до 4000. Еще каждый год зарплата будет увеличиваться на 3% и еще ей причитаются...

Неда отключилась, она не верила ни ушам, ни глазам своим.

Джейсон опускался все ниже. Попытки купить метадон вместо героина не помогали. Все чаще у него случались ломки, всего восемь-девять часов после первой дневной дозы. А он помнил, как мало прожила Ивон, начав принимать две дозы в день. Он боролся, но знал, что смерть крепко держит его в своих героиновых лапах.

Бабушка, что ходила с тростью и подавала Джейсону, уже умерла. По ее желанию, родственники пригласили его на похороны. Он плакал так горько, как плачут о матери. Она завещала ему сто евро и горшок со странным растением. Он получил наследство и пошел в ботанический сад, чтобы отдать цветок. Организация ЕСПА (приют для собак) уже не разрешала ему держать собаку. Он не мог уже и за растением ухаживать.

Его измучила совесть. Он помылся, купил телефонную карточку и позвонил матери. Она еще держалась, насколько это позволяли ей болезни и возраст. Он наврал, что все с ним хорошо, что работает и... но он понял, что она не поверила. Он пожалел её всего наилучшего, и только эти благие слова вошли в материнскую душу. Он поспешил повесить трубку до того, как заплакал. Купил на черном рынке метадон с намерением лечиться. Но, еще покупая, знал, что он только временно будет замещать вторую дозу.

Яркие события в его жизни были уже редкими. Поэтому исчезновение улыбочивой женщины с пышными черными волосами, проходившей в 7-15, было событием. Он сник, увидев ее в другом конце города с ребенком. На ней была элегантная одежда, и она излучала какую-то новую жажду жизни. Она изменилась. Чтобы заглушить боль, он сказал себе, что это не она.

Уже восемь месяцев Неда работала в Нестле. Первый месяц она по привычке проходила в 7-15 мимо церкви по дороге к кафе. Она оставляла парню уже больше денег, но этого все равно было недостаточно, чтобы вытаски-

его из павшего состояния. Ее мучило бессилие ему помочь. Она сняла хорошую трехкомнатную квартиру с огромной террасой в пригороде Страсбурга. Ей выдали карту, которая позволяла ей работать и находиться в стране десять лет (может, и правда Базиль помог?). Она привезла сына. Родители ее тоже приехали, но скушали по дому и уехали обратно в Сербию. Она занялась перевоспитанием своего избалованного ребенка. Это было очень тяжело. Парень чувствовал себя заложником и вел себя соответственно. Ей пришлось периодически отправлять его обратно на самолете к бабушке и дедушке. И каждый раз, когда он улетал от пожилых людей, у них сердца разрывались. У нее тоже. Несмотря на свой успех, она чувствовала себя несчастной. Она добилась положения в обществе и денег, но этот мир был ей чужим. Она потеряла и ту частичку мира, которую когда-то насильно у нее отняли.

Джейсон был все еще жив, но уже принимал по две дозы в день и уже смирился со своим близким концом.

Мимо церкви проезжала одна из очень длинных «президентских» машин. Она остановилась и сдала назад. Оттуда выскочила женщина со знакомым лицом и поздоровалась. Сначала он узнал улыбку, потом волосы, а потом и саму славянку.

- Видно, у вас дела идут хорошо – проговорил он.

- Я хочу пригласить Вас пообедать со мной – ответило видение. – Вот вам немного денег, – сказала она, протягивая пачку соток – приведите себя в порядок. Приходите в ресторан Совета Европы. Знаете, где это? Там еще есть боулинг, он находится напротив здания совета. Буду ждать там вас в 12. Вы ведь придете? – она не дождалась ответа и исчезла.

А может, все это ему привиделось в наркотическом бреду? Но пачка денег осталась в его руках. Он начал пересчитывать, сколько метадона сможет купить на эти деньги. Если купить его на черном рынке, то хватило бы на тридцать месяцев. Но он все равно бы столько не прожил. В момент просветления он решил, что это его последний шанс, путь на час, но опять стать человеком.

Он собрался, пошел в салон красоты и быстро бросил несколько сотенных купюр, опасаясь, что его выставят. В салоне купюры тщательно рассмотрели под специальной лампой, после чего отношение к нему резко изменилось. Его помыли, почистили, подстригли, навели лоск и принесли новую одежду. Брюки оказались чуточку длиннее, но их укоротили, прямо не выходя из салона.

Через два часа из салона вышел совсем другой человек. Ужасно дорогой элегантный костюм сидел на нем, как на манекене. Его преобразование удивило и его самого, и работников салона. Он заплатил, даже не посмотрев на счет, и у него все равно осталось несколько соток. По дороге зашел в цветочный магазин, около которого он раньше ночевал на удобных скамейках, и заказал огромное количество цветов. Он попросил, чтобы их доставили сразу в ресторан и украсили стол. На карточке он написал: «Для дамы с самыми красивыми волосами». Он был убежден, что не ошибется. Он знал, где находится ресторан, и пошел туда пешком. Ощущение нового человека подавляло поднимающийся героиновый голод. Его рука полезла в карман и нащупала таблетку метадона – это была единственная вещь, которую он взял из своего старого тряпья. Он шел уверенно бодрым шагом двадцативосьмилетнего мужчины.

Неда пришла заранее. Она хотела увидеться со своими бывшими коллегами. Но скоро почувствовала неловкость, которую она вызывала у них. Рядом с ней выпячивал грудь Базиль и угоднически улыбался. Может быть, бывшим коллегам просто было трудно принять бывшую уборщицу в ее новой роли? О ней говорили по телевизору и радио, писала пресса. Ее называли «страсбургским феноменом» и приглашали везде. Ее экспертизы стоили миллионы. Нелегко было бедным связать это все с их неутомимой Недой – врагом пыли и грязи.

Она села за крайний столик и попросила убрать четыре лишних стула. Потом появились цветочники и, не спрашивая, начали украшать стол. Когда она начала протестовать, к ней подошел пожилой мужчина, он представился и подал ей подписанную открытку. Ее ослепительная улыбка вознаградила его за все двадцать лет декораторского труда.

В ресторан вошел молодой мужчина и отправился к столу. Она не сразу его узнала, и даже хотела что-то сказать.

- Мой внешний вид отвечает вашим требованиям, госпожа? – она вспомнила его американский акцент.

Неда потеряла дар речи. Жестом она пригласила его за стол. Их неловкость мешала и без того трудной их языковой коммуникации. Вокруг них витала какая-то магия, но не из знакомых – не любовь и не ненависть... Молчание не было тяжелым, оно их связывало. Потом они говорили обычные слова любезности: «спасибо за цветы», «очень мило», «спасибо за костюм», но эти слова их разделяли, они звучали как-то неуместно.

Неда заметила хороший выбор, сделанный из богатого меню. Это так же, как и выбор одежды, говорило о хорошей жизни, предшествующей жизни на улице.

Они обедали и слушали музыку, специально подобранную шеф-поваром. Он включил для них болгарскую народную музыку с твердым убеждением, что это сербская музыка. Балканские напевы, как бы качавшие ранее одни и те же горы, уносили ее туда.

- Что это за музыка? Кажется, она вас разволновала – разрушил магию собственного хрупкого душевного мира Джейсон.

- Болгарская народная, – ответила женщина, и ее голос медленно, но все более уверенно начал сопровождать знакомый с детства Балканский гимн**. Углубившись в воспоминания о родном. Аплодисменты в зале были прерваны пожилым мужчиной, поднимающим тост на болгарском: «За Болгарию!» От переполняющего вдохновения Неда перенеслась в край среди вековых лесов, ее голос возвысился, почти достигая вокального мастерства певицы, исполняющей гимн. Красота этого мига залила весь ресторан. Весь персонал, спрятавшись за кулисами, счастливо смотрел и слушал свою Неду.

Песня кончилась, и все начали аплодировать. Пожилой мужчина поднял бокал и произнес на болгарском языке: «За Болгарию». Все попытались повторить его слова, насколько смогли. Только Неда сказала: «За Балкань» - думая о том, что эти люди путают эти две страны. Ведь человек не спрашивает имени у муравья, на которого наступает.

Быстро съели десерт, Джейсон оплатил счет, и они вышли. Отправились в парк с озером. Вдруг Неда заговорила:

- Я должна Вам объяснить кое-что. Когда то, т. е. всего лишь несколько лет тому назад,

я была нищей эмигранткой. Как вам известно, ведь мы встречались с вами довольно часто. То, о чем Вы не знаете, это наш обычай – загадать желание, когда делаешь добро. Каждый день, когда я Вам подавала, я загадывала оказаться у себя на родине вместе со своим ребенком. Мое желание осуществилось. Я Ваш моральный должник. Я тоже хочу сделать Вам добро, получив так много от судьбы. Я знаю, что Вы страдаете наркотической зависимостью. Но я так же знаю, что Вам все еще можно помочь. Я договорилась с частной клиникой, Вас обещали туда принять и вылечить за шесть месяцев. Это будет нелегко. Мне тоже было нелегко. Я работала уборщицей и посудомойкой в ресторане, в котором мы пообедали. Я говорю Вам об этом, чтобы Вы знали – выход есть! Лишь бы было сильное желание. Вот адрес моей подруги, она – социальный работник. Я все оформила для поступления в клинику и для Вашей реинтеграции. Я уже живу у себя на родине и редко приезжаю сюда. На профессионализм моей подруги Вы можете рассчитывать. А сейчас мне нужно идти. Меня ждет сын.

Подавая ему руку в первый раз, она спросила:

- А как вас зовут?

- Джейсон Дейн, – ответил парень, и уголки его глаз увлажнились. - А вас?

- Неда, – ответила она, исчезая в огромной машине.

Сон закончился, но Джейсон все еще был в дорогом костюме, с оставшимися несколькими сотнями в кармане. Еще не было двух часов дня, и он решил встретиться с социальным работником прямо сейчас, пока все еще чувствовал себя человеком. Он легко нашел адрес и позвонил. Из домофона донеслось дежурное: „После обеда не работаем с клиентами.“ Он уже собрался уходить, когда увидел взгляд молодой девушки в окне. Она быстро открыла окно и извинилась, что посчитала его клиентом. Входная дверь зажужжала, и Джейсон вошел. Пока поднимался по лестнице, думал о том, что хорошая одежда открывает многие двери, если тебя по ней оценивают.

- Мне нужна мадам Нику! – сказал он голосом бывшего бравого офицера.

- Сейчас подойдет. А могу я узнать, по какому вопросу? – забеспокоилась секретарша. Она подумала, что это внезапная проверка, так как часть денег ассоциации поступает от американского благотворительного фонда.

- По личному! – тщетно попытался успокоить ее Джейсон.

- Хотите кофе, чай? О ком мне передать?

- Кофе с молоком, пожалуйста. Меня зовут Джейсон Дейн.

Очевидно, Неда не успела сообщить его имя, потому что мадам Нику тоже выглядела встревоженной. Расположившись поудобнее в кресле, он сказал, что он пришел по рекомендации Неды на лечение в клинику. Женщина не сразу смогла понять, что такого мужчину

привело сюда. Через несколько минут, когда она успокоилась, что это не проверка, начала объяснять, что все уже договорено и нанять уже других врачей нельзя.

- Вы не так поняли, мадам. Лечить будут меня!

- Но она мне сказала, что речь идет о...

- О божже, да? А я и есть божж!

Она широко раскрыла рот от удивления, а он продолжил:

- Сегодня утром она мне дала денег, чтобы я помылся и привел себя в порядок. Мы даже пообедали вместе. Я прямо с этого обеда.

- Но... - она все еще пребывала в замешательстве. У вас есть с собой документы?

- Пожалуйста, – мужчина протянул свой паспорт.

- Так вы... вы американец?

- Да, и что?

- С вашего позволения, я ей позволю на мобильный. Я не могу поверить, что она делает это для американца! – сказала она, набирая номер. Неда подтвердила, но женщина переспросила еще раз, объясняя, что речь идет об американце. Положила трубку и добавила:

- Извините меня, пожалуйста! Выходит, она и вправду простила... - скорее всего, самой себе, – добавила она.

- Простила что? Причем тут тот факт, что я из США?

- Она вам разве не сказала? Она же сербка. Ее муж и ее дочь погибли под руинами во время бомбежки завода электроники... Что с вами?

- Жизель, дорогая, позвони в скорую помощь! Он потерял сознание. Не могу нащупать пульс!

P.S. Мы осознаем, что рассказ сентиментальный, но считаем, что он имеет место быть в современной жизни.

*Перевод с болгарского языка
Сергея ПАШКОВА*



Музыка

Без тринадцати двенадцать



Трискайдекафобия — болезненная боязнь числа 13. Этот страх считается суеверием, исторически связанным с религиозными предрассудками. Иногда это также относится к номерам домов и помещений.

Во время Первой мировой войны в составе русской армии вместо «13-й» армии была создана Особая армия.

В современной «Формуле-1» нет болида под номером 13.

В оперных театрах Италии часто отсутствуют места с этим номером.

Всё вокруг меняется каждый миг, и в каждый момент мир представляет собой сумму иных обстоятельств, чем секундой до или после. Поэтому выбирая временную и пространственную точку своей встречи с миром, мы занимаемся совершенно реальной магией, может быть, даже единственно возможной магией, потому что каждый раз мы решаем, в какой именно мир нам вступить.

В. Пелевин. «Числа»

Александр Блок, в поэме «Двенадцать» придавший значимость апостолов асоциальным личностям из революционного патруля, в порыве поэтического преувеличения поставил между ними почти что математический знак равенства. По сути он был прав — и те, и другие были революционерами, то есть провозвестниками новизны и символами перемен: времени, нравственных ценностей, системы.

Почему вообще дюжина, а не десятка? Потому что на руке 12 фаланг, если их считать большим пальцем той же руки, то есть если прикосновение кончика большого пальца к каждой фаланге считать за единицу.

Любому числу можно придать мистическое значение, как легко доказала героиня У.Эжо в «Маятнике Фуко», но дюжина как система счисления, таит в себе бездну притягательности. Не только апостолов было двенадцать, но и рыцарей Круглого Стола. И звезда Давида имеет 12 углов. Двенадцать сыновей Иакова основали двенадцать колен Израилевых; двенадцать месяцев составляют год, число дважды двенадцать — количество часов в сутках, как «Двадцать четыре прелюдии и фуги», и так далее, вплоть до «Двенадцатой ночи» Шекспира или «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

Каждый из нас привязан к числам так или иначе. Одни внимательно следят за астрологическими предсказаниями, основываясь на дате своего рождения, другие маниакально складывают и вычитают всё, что видят, высчитывая шанс своей удачливости и пытаются предугадать во всем улыбку фортуны: счастливый билет в трамвае, хороший билет на экзамене, номер машины впереди на трассе... Сложные манипуляции производятся с номером рейса самолета, временем отлёта и местом в салоне: повезёт или нет?

Что мы безотчетно загадываем, решаясь сделать выбор? Какие цифры мы выбираем среди прочих, устанавливая пароль на компьютере? Словом, в большей или меньшей степени каждый поддается соблазну увидеть в случайных цифрах перст судьбы, чтобы успеть пристроиться к направлению его вектора.

Музыка и существующий строй темперации тоже связаны с великой дюжиной.

Каждый композитор, какой бы он ни обладал неземной артистической натурой, не свободен от власти чисел и в принципе только и делает, что поверяет алгеброй гармонию. Гармония — это слово благозвучно уже само по себе — подразумевает строй и порядок, и термин этот приводит к музыкально-эстетическому понятию: науке объединения звуков в созвучия и закономерности их последования в принятой темперации. Темперация же имеет в виду деление октавы на двенадцать равных интервалов, а именно — в привычном случае европейской музыки, начиная с 18 века — полутонов. Ранее неравномерно темперированные инструменты не позволяли с акустической точностью транспонировать и модулировать в тональности далёкой

степени родства; «взросление» развивающейся музыки потребовало вмешательства физики и математики. Баховский «Хорошо темперированный клавир», это *кратковременное перемирие, длящееся менее ста пятидесяти лет* — по Т. Манну, на самом деле еще не писался для инструментов в современной темперации, она появилась позже. Помимо камертона существовал оргельтон. Камертон был настройкой для камерной инструментальной музыки, а оргельтон — для органной. Бах должен был писать для органа определенной церкви, настроенного по определенному оргельтону. И еще во времена Моцарта существовали клавесины, у которых в октаве было не 12, а 17 клавиш. То есть после «до» шел «ре бемоль», тяготевающий к «до», а потом уже «до диез» для разрешения в «ре», и так далее.

Одним из первых авторов, давших теоретическое обоснование 12-ступенной равномерной темперации в трактате аж 1584 года, был китайский принц Чжу Цзайхой. Среди первых теоретиков нового равномерно темперированного строя в Европе называют Генриха Грамматеуса (1518) и Винченцо Галилея (1581). Фламандский математик Симон Стевин в своём труде «О теории певческого искусства» (ок. 1585) дал математически точный расчёт равномерной темперации. Написанная на родном языке Стевина его работа не получила отклика; известность к ней пришла спустя 300 лет, в 1884 году, когда она была опубликована и переведена на другие языки.

Таким образом невозможно с достоверностью указать, кто именно изобрёл равномерную полутоновую темперацию, но можно довольно точно определить, кто решил от неё отказаться.

Додекафонные методы сочинения музыки были разработаны представителями «нововенской школы» в начале 1920-х годов, хотя ещё раньше к идее использования рядов неповторяющихся звуков интуитивно подошли А.Н. Скрябин, Н.А. Рославец, Е. Гольцман, Н. Обухов и ряд других композиторов XX века. Да что уж там, ещё на рубеже XIII-XIV веков Филипп де Витри, идеолог движения Ars nova, призывал отказаться от диатоники, перестать согласовывать между собой голоса при помощи консонансов и избегать строгой ритмики.

И Арнольд Шёнберг пришел к тому, что сейчас называется додекафонией, то есть техникой музыкальной композиции, использующей серии из «двенадцати лишь между собой соотношенных тонов», не сразу. Его струнный квартет «Просветленная ночь» (1899), позднее переписанный для струнного оркестра, один из самых ранних опусов, всего-то номер четыре — это сочинение, где постуль «серийной техники» еще не звучит на страницах, и текст партитуры — традиционно-романтическое высказывание в духе Вагнера, максимально приближенное к стихотворению Рихарда Демеля, вдохновившему Шёнберга на написание «Ночи»:

*Шли двое рожей холодной обнажённой.
Вдогонку им луна. К ней взгляды их обращены.
Луна же над высокими дубами держала бег.
Ничто не омрачало небосклона, лишь черные дубы бросали тень.*

В 1903 году Шёнберг знакомится с Густавом Малером, ставшим для него примером гениального композитора, твердо идущего к своей цели и не признающего в искусстве компромиссов, невзирая на непонимание. Так, Шёнберг прощается с вагнерианским началом и начинает находить себя в себе самом.

Шёнберг, как экспрессионист, сочетал в себе способность к сильным эмоциям с дисциплинирующей требовательностью холодного интеллекта. Вероятно, именно эта природная особенность и породила в нем начала того, что позже выкристаллизовалось в собственный метод. Случайно или нет, время личных потрясений совпало для Шёнберга с пересмотром его музыкальной эстетики и полным изменением стиля. Летом 1908 года жена Шёнберга Матильда влюбилась в художника Рихарда Герстля и ушла из семьи. Несколько месяцев спустя, когда она вернулась к мужу и детям, Герстль — по не выясненным до конца причинам — покончил жизнь самоубийством. «Ожидание» (1909) и «Лунный Пьеро» (1912) написаны Шёнбергом в атональной манере, как нарочно, после временного исчезновения гармонии в семье, а серийность двенадцати тонов пришла к нему в 20-х годах и легла в основу «Серенады» для

ансамбля и баритона и Сюиты для фортепиано, не говоря о дальнейших работах. Нельзя не упомянуть, что вместе с «Пьеро» появилось на свет ещё одно его изобретение: метод Sprechgesang – вокальная речитация, нечто среднее между чтением и пением, рекомендуемое экзотическое понижение или повышение интонации певца.

Напряженная экспрессивность музыки Шёнберга долго мешала разглядеть светлые стороны его музыки. Даже Ганс Эйслер, ученик венского маэстро, отзывался о нем так: «Основное настроение музыки Шёнберга – это страх». А ведь лирическая струя в его творчестве очень сильна. «Лунный Пьеро» – прямое продолжение вокальных циклов романтиков от Шуберта до Малера, хотя форма, избранная Шёнбергом, отличается от классической, и тут опять главенствуют числа. Структура цикла основана на мистических в европейской традиции числах 3 и 7. Двадцать один номер цикла словно распадается на три части со своей логикой развития в каждой.

Принцип холодного конструирования музыки математическим разумом нашел свое отражение в ошеломительном романе Т. Манна «Доктор Фаустус». Шёнберг был справедливо возмущён присвоением его интеллектуальной собственности, поданной автором как изобретение его литературного героя, поэтому во втором издании романа писателю пришлось опубликовать приписку о том, что двенадцатитоновая система принадлежит не его книжному детису, Адриану Леверкюну, а действительно существующему композитору и теоретику. При этом монологи Леверкюна и его литературных собеседников точно передают язвительную холодность ниспровергателей традиций, давая понять читателю, на какие святыни замахнулся Шёнберг, будучи прототипом главного персонажа:

«Контрапункт – это священно-холодная игра чисел. Бах был изобретателем темперированного клавира, а значит, способа многозначно толковать и энгармонически видоизменять любой звук, а значит, новейшей романтической модуляционной техники, и Бах заслуженно получил то суровое прозвище, которым наделил его веймарский мудрец Гёте, назвав его гармонизатором. Гармонический контрапункт? Его нет в природе. Это ни рыба ни мясо».

О трудноисполнимости своих новомодно-изобретённых музыкальных текстов герой высказывается еще пренебрежительнее:

«...Предел исполнительских возможностей! Безжалостное равнодушие великого художника к земной технике – вот что меня здесь больше всего забавляет. Какое мне дело до вашей проклятой скрипки!»

Гордыня – несомненный смертный грех Адриана Леверкюна. Что было грехом Шёнберга, у которого Томас Манн позаимствовал главную идеологическую базу музыкальных принципов? Было ли это грехом?

Нет, несколько. Но здесь мы подходим вплотную к феноменальному, но не редкому явлению.

Повелитель колебаний и обертонов, создатель музыкальных систем и жёстко вычисленных каркасов, Шёнберг был несвободен от магии чисел и был зависим от них до болезненности, до фобий, до смертного страха.

Арнольд Шёнберг, ярко выраженный трискайдекафоб, всю жизнь сознательно избегал числа 13. настолько сознательно, что отказался однажды арендовать устраивавший его дом только потому, что тот значился под этим номером. Он пересчитывал буквы в названиях своих сочинений, и, если их сумма давала в итоге тринадцать, он укорачивал коварное слово на один знак, не заботясь о том, что это противоречит правописанию. Так случилось с его последней оперой: она стала называться «Моисей и Арон», потому что сумма букв в правильном написании «Moses und Aaron» давала роковое число.

Трудно понять, откуда в человеке столь рационального склада поселяется такое суеверие.

Даже в современной нам Ирландии суеверие держится до сих пор. Номера машин в ней должны начинаться с двух цифр, показывающих год изготовления автомобиля: 98 или 05. Всё было хорошо, пока дело не дошло до 2013 года. Чтобы не выпускать опасных числовых монстров на дорогу, власти совершенно официально приняли следующее решение: начала номеров этого года стали трёхзначными, а именно: 131 и 132, где 131 обозначает, что автомобиль изготовлен с января по июнь 1913 года, а 132, соответственно, с июля по декабрь.

Существует библейское предание, что Иуда, предавший Христа, сидел за столом тринадцатым, но кто знает, откуда и с кого надо было начинать считать, чтобы «подбить» результат к соблазнительно-мистическому выводу. Из-за этого всегда была в ходу примета: если за трапезой собралось тринадцать человек, один из них умрёт в течение года. Существовала даже профессия «четырнадцатого гостя», которого приглашали на встречу, чтобы избежать несчастливо-

го числа. В Америке для борьбы с этим суеверием был создан «Клуб Тринадцати». А в христианстве существует апокрифическое убеждение, что Сатана (погубитель Фауста, классически данный Т. Манном Леверкюну в соблазнители), был тринадцатым ангелом божьим.

С религией у Шёнберга были сложные и неровные отношения. Родившись рокового 13 числа в сентябре 1874 года в еврейской семье в венском квартале Леопольдштадт, в бывшем еврейском гетто, он в 1898 году переходит в протестанство, а в 1933, как раз при приходе к власти нацистов, в синагоге Парижа он проходит обряд возвращения в иудаизм! – и в том же году эмигрирует в Америку.

В Америке число тринадцать давненько пытались отменить, что, разумеется, никак не являлось причиной эмиграции Шёнберга, но было ему крайне симпатично. В некоторых зданиях (например, в гостиницах Нью-Йорка) этажи нумеровались и нумеруются так, чтобы не нервировать трискайдекафобов: после 12-го этажа может сразу следовать 14-й, или же в здании могут существовать этажи 12А и 12Б. Многие авиакомпании при нумерации мест в пассажирских самолётах избегают тринадцатого ряда, и ряд 14 следует сразу за 12-м. Но страх перед проклятым числом преследовал Шёнберга и сопутствовал ему везде, стоя за спиной любой дюжины, любого сложного интервала, любого боя часов, возвещавшего полдень, как в новелле Эдгара По «Чёрт на колокольне»:

...До полудня оставалось только полсекунды. Колокол должен был вот-вот ударить, а внимательное наблюдение за своими часами было абсолютной и насущной необходимостью... Ни у кого не было времени, всем надо было считать удары колокола.

— Раз! — сказали часы...

— Два! — продолжал большой колокол.

— Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять! — сказал колокол.

— Одиннадцать!

— Двенадцать! — сказал колокол.

— Унд тфенатсать тиасофф и есть! — сказали все старички, поднимая часы.

Но большой колокол еще с ними не покончил.

— Тринадцать! — сказал он.

— Дер Тейфель! — ахнули старички, бледнея, роняя трубки в снимая правые ноги с левых колен. — Дряннацать! Дряннацать часов!

По воспоминаниям дочери Шёнберга он часто, наткнувшись на сопротивление музыкального текста в сочиняемой партитуре, в сердцах пересчитывал такты от начала периода и сердито восклицал: «Чему же удивляться, ведь это тринадцатый!»

Интересно, что связанный всю жизнь со звуками Шёнберг ещё и написал более 300 картин – гораздо больше, чем музыкальных произведений, словно хотел именно так выразить себя, обладая комплексом косноязычия Моисея из собственной оперы: «О слово, которого у меня нет!» Он был профессиональным художником и даже членом Прусской академии искусств. Некоторое время он входил в художественное объединение «Синий всадник», объединявшее художников экспрессионистского толка. Множество его полотен носят название «Видение» или «Взгляд». Многочисленные автопортреты Шёнберга написаны с величайшим разнообразием, но нет ни одного, где он изобразил бы себя радостным (хотя в жизни, по отзывам окружающих, это не соответствовало действительности).

Всю жизнь он считал датой собственного рождения дурным предзнаменованием и боялся того дня, когда ему должно было исполниться семьдесят шесть лет, потому что в сумме эти цифры составляли роковое число. В последний день жизни, 13 июля 1951 года, он, уже полгода как семидесятишестилетний, остался на весь день в постели, объяснив, что чувствует приближение смерти. Родные пытались уговорить его встать и прекратить эти глупости, но он отказался.

За тринадцать минут до полуночи, в 23 часа 47 минут он произнёс слово «гармония» и скончался.

Без тринадцати двенадцать произошло то самое пресловутое математическое действие, которое дало в сумме минус один – и на одного великого художника на земле стало меньше. Так для него полночь наступила на тринадцать минут раньше, чем для остальных.

Но одним из самых известных высказываний Шёнберга незадолго до смерти стало его светлое признание:

— Ещё и в до мажоре можно много чего сказать.

Майя ШВАРЦМАН
Иллюстрация: Арнольд Шёнберг,
автопортрет, 1910 год



Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984 г. Из России уехала в 1990 г. Живу в волшебном г. Генте (Бельгия) с волшебными же детьми.

МУЗЫКА ЖИЗНИ

Пятно, узор, черта, случайный блик
отождествленья, дым иносказанья, —
как мостовая плитами впрытык,
мир вымощен кивками узнаванья.

Помесячно растащен календарь,
по мавзолеям рифм расквартирован,
и памяти услужливый словарь
приходит на язык с инстинктом вровень.

Пейзажи узнаваемы извне
и изнутри, с подсказками заглавий
и авторов. Пруды манят Моне,
в ветвях цветет Ван Гог, а звуков гравий

расхищен по метафорам поэм
запечатлен в симфоний нотном гвалте,
и временами года вхож ко всем,
одетый по сезону от Вивальди.

Шестое чувство просит новизны,
приправ сравнений, пряностей инверсий,
всего, что спит на доньшке казны,
диковинки, всего, что против шерсти,

что лихорадкой взвинчивает пульс
при первобытных поисках названья,
чему ещё не знает цену вкус
сиюминутного переживания.

* * *

Не только богомазом, который всем в округе
рисует позолотой светящиеся нимбы,
не только дипломатом, чьи действия упруги,
манёвры неподсудны, а цели анонимны,
приходит осень мягко, влетаясь терпеливо
в янтарную токкату пшеницы и люцерны.
Желтеют ноты зёрен, и нету перерыва
меж цепью репетиций и собственно концертом.

Из летнего клавира лист за листом на землю,
слетает, отыгравшись и потеряв оттенок,
и, в забытьё впадая, луга, рыжая, дремлют,
и вянут, осыпаясь, календари на стенах.
Придётся переслушать длинноты нот белёсых
и оstinato вьюги, и зимних песен темень,
пока весне удастся бесплодный чёрствый посох
растормошить, сподвигнув на волшебство цветенья.

Ещё не время снегу, ещё нести колосьям
аккорды долгих капель, пока зима как неслух
не засвистит с галёрки, — царит на сцене осень,
и высится в полнеба орган дождей отвесных.
На нём играет ветер, отбросив ливня фалды,
утапливая в лужи педали инструмента,
и набухают корни под кожей асфальта,
как выпуклые вены у статуи чинквеченто.

ФЛАНДРИЯ

Во внутреннем дворике наледь никак не сойдёт
с шершавых решёток в тени боковой галереи.
Но воздух светлеет, и близится солнцеворот,
и зелень сквозит в прошлогодних соцветьях пырея.
Теплеют и пашни и вечно бесцветный пустырь,
и виды в долину из пасмурных окон аббатства,
Март дышит на стёкла, пейзаж расправляется вширь,
и тянет от света сошуриться и улыбаться.

К концу февраля на поверхность выходит земля
непешной медведицей, всласть належаившись под снегом.
Подснежников мелкие крестики метят поля,
сияя как вышивка шёлком на фартуке пегом.
Неяркой фламандской весны принимая парад,
деревню и пруд озирает с холма колокольня.
Осевшие в тающий наст вереницы оград
дают сосчитать пордевшие за зиму колья.

На крыше сарая бахвалится зобом петух,
цепляясь за скат уцелевшей единственной шпорой.
В овине ягнята к коленям своих повитух
доверчиво жмутся, не ведая участи скорой.
Собака лениво следит за ватагою коз,
лежит, разомлев, у раскрытых ворот сыроварни,
откуда носилками горы янтарных колёс
таскают к телегам вспотевшие крепкие парни.

За кузницей бродят в колючем оттаявшем рву
заросшие, грязные овцы, — давно их не стригли,
и с тёплой земли выбирают губами траву,
шарахаясь вбок от порывов гудения в тигле.
Спешат подмастерья: горячее время пришло
мотыги прямить, затупившийся выправить лемех.
И птицы спуют по двору, теребят помело
и прутья воруют в заботах о будущих семьях.

В просторном гнезде на пятнистой от сажи трубе
над старой пекарней белеет торжественный аист.
Как божий избранник, как столпник стоит на столбе
навершием местного мира, лощён и осанист.
На хлопоты ржанок и славок, синиц и стрижей
от рощи окрестной до дальних изогнутых плавней
он важным владыкой взирает с вершины своей
и в строчке обыденной высится буквой заглавной.

РАХМАНИНОВ

По колено в сугробах
стоит хоровая капелла
занесённого сада,
но, даже застыв до корней,
дышит музыкой,
полными нотами гнёзд и омелы
в узловатых аккордах

на чёрных линейках ветвей.
 На холодной бумаге,
 на снежном горбате бархане
 расставляя стволы
 вертикалями тактовых черт,
 в терпеливом безмолвии
 сад набирает дыханье,
 но с вступлением медлит,
 к замёрзшим певцам милосерд.

Выжидает:
 кто голос подаст?
 кто не выдержит первым?
 (Обернёшься во тьме — никого.
 Только сдавленный всплеск,
 только шорох.)
 И ловят потом напряжённые нервы
 низкий сдержанный гул
 и сучков настороженный треск. —

То ли стужа во мгле
 заряжает украдкой винчестер,
 то ли щёлкает пальцами регент,
 дающий затакт? —
 А деревья с закрытыми ртами
 молитвенно *Vespers**
 принимаются петь,
 обернувшись лицом на закат.

Поднимаются вихрей столбы,
 с колокольным набатом
 разрастается купол небесный,
 а вьюга полна
 монотонной мольбы.
 Покачнувшись на склоне покатом,
 зажигает светильник
 над чёрным пюпитром луна.

Оркестровую ямой
 лошина темнеет,
 и воет
 в ней метель, завивая позёмку
 в воронки валторн.
 Строго движется музыка
 под неусыпным конвоем
 снегопада,
 и держит педаль
 замороженный дёрн.

Убыстряет движение ветер,
 за ним в ураганном
 нарастании тема звучит,
 на крыло подхватив
 голоса,
 и долина гудит под ногами органом,
 повторяя и множа
 пронизанный скорбью мотив

Над безлюдьем плывёт
 полновесного звука громада,
 над равниной встаёт
 иллюзорным собором из тьмы
 белоснежная мощь,
 полифония зимнего сада,
 сокровенной красы
 и величия русской зимы.

**Vespers* — «Всенощное бдение», *opus 37*

* * *

*В каком году — рассчитывай,
 В какой земле — угадывай...*
 Н. Некрасов.

И снова толчками за мутью стекла
 развалина очередного вокзала
 с разбитым перроном назад поплыла.
 «Простите... я вас не расслышал...» — сказал он.
 В вагоне кипел нескончаемый спор
 о вечных проблемах, о клятой политике:
 схватились, друг друга беря на измор,
 ярясь и ругаясь, задиры и нытики.
 Пока электричка ползла под уклон,

её пассажиры, сельчане и дачники,
 случайно сойдясь за плацкартным столом,
 азартно трясли кулаками табачными:
 всяк ведал азы прогрессивных начал,
 командовал миром, ворочал реформами.
 И только один безучастно молчал,
 в окно за столбами следя семафорными.
 Рыбак ли, грибник? Ни ведра, ни бахил.
 Пристали с пристрастьем. Мотнул головою,
 как будто очнулся, и сам повторил
 задумчиво: «...о существующем строе?»

И вдруг загорелся: «О, как удалось
 меня угадать вам, не зная заранее!..
 Меня, изучившего тему насквозь,
 и данного строя слугу по призванию!
 Все знают, конечно, что раньше другим
 он был, — среднетоновым и пифагоровым,
 и, шаткостью низких частот уязвим,
 он в их диссонантах ворочался боровом.
 Согласен, возможно, что позже найдут
 и более точный уклад температуры,
 и вычислят тоньше размах амплитуд, —
 об этом бы даже не стал препираться я,
 но, строй сберегая, я, собственно, сам
 лишь тем и живу, чтоб, убрав посторонние
 помехи, его привести к образцам,
 приближенным к точной и чистой гармонии!..»

В чугунном молчанье, накрывшем вагон,
 застыли слова, и предметы, и спорщики,
 узлы на полу, на столе самогон
 и тяжкие запахи быта прогоркшего.
 Лишь чей-то под лавку засунутый таз
 звенел, да стучали колёса рассыпчато.
 «Блаженный», — шепнула, неловко крестясь,
 старушка в дешёвом заношенном ситчике.
 Оратор, смутясь, огляделся вокруг,
 как будто кого призывая на выручку,
 полез по карманам и выронил вдруг
 с пронзительным звоном двузубую вилочку.
 Нагнулся поднять, уронил сторяча
 опять, распрямился и с видом сомнамбулы
 направился прочь, извиненья шепча,
 и скрылся за дверью в грохочущем тамбуре.

Соната № 2, b-moll, op.35, Lento

Не то мишень, не то витки орбит
 видны на свежем пне. Когда-то клёном.
 он был, а ныне лес над ним стоит,
 оцепенев в молчаньи похоронном.
 На древесине ровные круги
 сужаются к темнеющему центру,
 как к омуту, и сжатием дуги
 вливаются в смолистую плаценту.
 Там спит воспоминание о ростке,
 о сладостном младенчестве растенья
 в пыльце, тычинке, клейком молочке
 и зелени двудольного мышленья.
 Сны отрочества. Набуханье жил,
 томление корней в постылой почве,
 выпрастыванье листьев, словно крыл,
 и первый взрыв в доселе спящей почке.
 Круги всё шире — прутья наголо,
 мятежный рост под тесною корою,
 и нежное пернатое тепло
 прижавшегося к ветке козодоя!..
 А на краю — расплывчатая мель
 бороздок, словно немощные стансы
 о старости с наростами омел,
 о горечи осеннего пасьянса.
 По замкнутой округлой колее
 вращаются царяпины скупые.
 Жизнь дерева на спилённом стволе
 видна в посмертной дактилоскопии.
 Подставь шершавый деревянный срез
 под хвойную иглу, и пусть с шипеньем
 закружится пластинка, чтоб воскрес
 дух дерева, оплаканный Шопеном.

* * *

ПАЛОМНИКИ

Памяти пианистки М. В. Юдиной

Водяная мембрана, прогибаясь и пенясь,
чутко слушает жизни надувной шепоток.
О прибой океана повседневная ересь
разбивается в брызги, утекает в песок.

Возникают и гибнут минареты и башни
под руками дитяти на прогретой мели
по законам завидной, вековой, бесшабашной
человеческой тяги к переделке земли.

Рассыпаются страны, воздвигаются горы.
Это всё ненадолго, этот мир не всерьёз:
по минуте песчаный поднимается город,
оседает без толку и уходит под снос.

Так, податливей ваты, подневольно, спросонья
изменяется глобус, шар трепещет земной,
становясь, как когда-то — под ребячьей ладонью, —
ноздраватою сдобой, первобытной мукой.

ЦВЕТНОЙ СЛУХ

Сойдя с велосипеда, он решил
передохнуть и, обогнув подмостки,
свернул на луг. Шуршанье крепких шин
он слышал сизым. Воротник матроски
промок в траве, когда он навзничь лёг,
до синевы черничного напитка.
Он сунул в рот горячий стебелёк
и опершись на локти стал следить, как
медлительный и важный махаон
описывает сложную орбиту
вокруг вьюнков, как будто посвящён
в гротескнейшие тонкости гамбита.
Наперерез его ходам вилаась
капустница и билась, невзирая
на правила, за белых, горячась
и собственную партию играя.
С цветка перелетая на цветок,
две бабочки в полуденной нирване
собой являли цветовой подлог,
не совпадая с собственным названьем.
Ни розово-фланелевого «м»
не виделось в окраске махаона,
ни золота от солнечных фонов
в капустнице, ни жестяного тона
от «ц»...

Как странно выглядят слова
в недостоверно выкрашенном мире!
Всё это обнаружилось, едва
он азбуку узнал. Лишь в кашемире
на материнской шали был узор,
похожий приблизительно по цвету
на краски букв: оранжевый повтор
ворсинок «е», чернильные пометы
густого «а» сквозь палевое «и»...
А как цвели в гостинной разговоры,
пока он лежа на полу бои
солдатиков устраивал, и фору
давал любимцам! Помнилось ему
название «Цусима», с баритонным
и влажным блеском, спуском в полутьму
и шоколадно-тёмным обертоном...

Пора домой. Там ждут к обеду двух
гостей, а после чая будет теннис.
И по площадке карий сладкий дух
от земляники, что, кипия и пенясь,
в варенье превращается, пойдёт,
и девочка с соседней белой дачи
мяча увидит упоённый взлёт
от крепкой каучуковой подачи...
Так грезит он в траве, хмельной от пут
звонящих слов, кружась в их хороводе.
И слышно издалёка, как зовут
из-за ольховой рощицы: «Воло-одя!..»

*

«...А люди там могут плясать босиком
на углях!» — «А змеи в стране
Калабрии
ночами охотятся за молоком —
и прямо из вымени тянут, и не
забьёшь их ни граблями,

ни вилами...» — «Это ещё хорошо,
что не через коптов плывём:
там сотнями
зелёные твари кишат, и ещё
поганые яйца кладут, прямоком
вдоль Нила, по отмели!» —

«А в Скифии люди с ушами такой
невиданной величины —
как простыни!» —

«А то гиппоподы: нога не стопой
кончается — конским копытом! чудны
дела твои, Господи!..»

...О Господи, чудо яви: замолчать
заставь неумных врунов
на палубе.

Мутит от болтанки, и факельный чад
глаза застигает, но чудится вновь,
что в дымке опаловой

за сумрачной кромкою водных громад,
на чёрных сутулых холмах,
над скалами
встаёт из тумана неведомый град, —
хотя ничего не увидеть впотьмах
глазами усталыми.

Подошвы растрескались, ноет спина,
опорки и шляпа, и плащ
изношены,
да что там, и посох разбит, и сума
худая роняет сквозь дыры, хоть плачь,
сухие горошины.

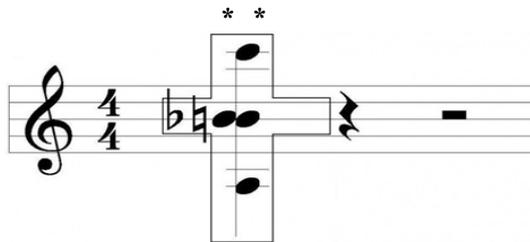
Уж все позабыли, зачем и пошли,
в дороге то мор, то разбой,
а вскорости
и сами, рассорившись, в ход костыли
пустили: никто не хотел за водой
идти и за хворостом.

Какой только речи ни слышно в толпе:
остзейская, швабская молвь.
Карабкаясь
и жалуясь, сколько ещё по тропе
брести нам?.. Но вот уже пристань и мол,
а там и арабские

фелуки — как будто последний заслон
на долгом и тяжком пути
к Спасителю...
Живыми причалим — пойду босиком,
мне лишь бы добраться и то донести,
чего не расхитили

в дороге ни мздой, ни поборами, ни
соблазном греховным, ни злом,
ни бедами.

...А что прошепчу я в безмолвной тени
гробницы, на камень упавши крестом,
того я не ведаю.



*Приидите, благословенные Отца Моего,
наследуйте уготованное вам Царство...
Матф 25:34*

Ступень за ступенью, всё выше, туда,
к скамье деревянной, к церковному куполу,
на слух, наугад, к исполнению труда,
к служению великому и неподкупному.
К небесному царству, в отеческий дом
позволь мне добраться концами неблизкими,
кружную дорожкой, окольным путём,
вслепую — к престолу иерусалимскому.

Не в пыльной ватаге, идущей пешком,
не просто бродягой вослед за скитальцами,
бредущими к чуду овечьим гуртом,
явлюсь, но — дорогу измеривши пальцами.
Всяк служит по-своему: кто, донага
раздевшись, рубашку пожалует узнику,
кто хлеба убогому, я же — слуга,
Тебе присягающий с помощью музыки.

Воскресная месса, венчальный канон,
хорал отпевальный возносится с клироса —
нет праведней службы с библейских времён,
чем та, что из звуков нечаянных выросла:
из гулкой ракушки, из дыр тростника,
из кожи бараньей, затянутой натуго
вкруг дудки, из полого рога быка,
из лирной дуги, семиструнное радути.

«Гряди, голубица!..» Прекрасней четы,
меняющейся обручальными кольцами
вблизи алтаря, — абсолют красоты,
возлюбленных звуков литые пропорции.
Мажорным потоком высоких тонов
воспеть жениха и невесту, и шафера,
дождаться конца ритуала, и вновь
вернуться к Тебе на органную кафедру.

Что смог я? Из звуков, из гравия нот,
из беглых фрагментов, лихими коленцами
волнующих душу, гудящих вразброд,
построить собор трёхголосной инвенции;
как чётки, на ощупь тона перебрал,
разбег мануалов удерживать копулой*,
чтоб фуг и мотетов изменчивый нрав
на тонике долгой застыл бы как вкопанный.

Смиранный паломник, слепой ученик,
покорный участник похода небыстрого,
ходок терпеливый, я неба достиг
тропой ораторий, густыми регистрами.
Восторги признаний и слёз ураган
вложил с содроганьем в творенья подручные
послушник и раб, Иоганн Себастьян,
избравший орган в восхожденья попутчики.

* * *

*«Мария Вениаминовна вышла из поезда в Лейпциге, сняла обувь и босиком пошла к могиле Иоганна Себастьяна Баха. «Наши» это сочли за чудачество. Но когда паломники идут босые за тысячи километров поклониться гробу Господнему, разве это чудачество?»
Из воспоминаний.*

*По брови укрывшись платком,
по солнечным улицам тенью,
Мария идет босиком
к пещере Его погребенья:
не плакать, не множить тщеты,
но только коснуться руками
угрюмой могильной плиты,
потрогать бесчувственный камень.*

*Менялам, свершающим торг,
проходим, дельцам краснощёким
темны её муки и скорбь,
и сила её невдомёк им —
куда и по суше и вброд
она преклоненьем влекома,
и что она в сердце несёт
умершему, словно живому.*

Кому — докучная наука
и фортепьянная гимнастика,
полифоническая скука
холодной баховской схоластики,
а ей, что обоготворяла
его до отзвука последнего, —
ей откровение роля
звучало речью проповедника,

«Искусство фуги» как соцветье
навстречу раскрывалось с клавишей
гармонией, за два столетия
не выцветшей и не слухавившей.
Инвенции она читала
как текст священного писания —
и потому босой с вокзала
пошла, едва прибыв в Германию.

Цветеньем безмятежной вишни
весна в послевоенном Лейпциге
дорогу обрамляет пышно,
как при курфюрсте и эрцгерцоге —
стоят деревья хором певчих,
как будто в париках напудренных,
и небо сверху — словно чепчик
в крахмальных облачных зазубринах.

Простуженный железный флюгер,
всю жизнь гортань от ветра прятывший,
бодрясь, скрипит на всю округу,
вращаясь над старинной ратушей.
Игрушечный цветочный рынок
близ улиц Вагнера и Лютера
под утренним поливом вымок
и вымыл ландыши и лютики.

Домохозяйки со ступенек
сметают пыль, с зеркал и рамок.
Кивая, старый добрый пфенниг
всех зазывает в недра лавочек.
Завидев ценники и бирки,
туристы в магазины ломятся.
А мимо них к высокой кирхе
идёт великая паломница —

простоволоса и разута,
в своём движении медлительном
не замечая ни маршрутов,
расхваленных путеводителем,
ни красоты выюнков на клумбах,
расцветших синим и малиновым,
ни разместившихся на тумбах
больших афиш с её же именем.

И, словно свита за вельможей,
скользят приставленные штатские
за нею следом, при прохожих
боясь докладывать по рации
о ней — властям не подыгравшей,
живущей словно бы на реверсе
у времени, вдали от маршей
и лжи краснознаменной ереси.

Минуя площади и скверы,
она идёт смиренной поступью,
неся пылающую веру
к надгробью собственного господя,
чтоб ноты к голосоведенью
посильную прибавить толику
и на высотах разрешения
воскреснуть в вознесённой тонике.

* Копула — механизм органа, с помощью которого включенные регистры одного мануала (клавиатуры для игры руками, их может быть до семи) могут звучать при игре на другом мануале или педали.

Молодые голоса Москвы и Нью-Йорка

Young Opera Singers of Moscow and New York



Бетховенский зал Большого театра был выстроен при капитальной реконструкции 2005-2011 годов глубоко под землёй, почти на уровне метро. Он камерный и по размеру (около 300 мест) и по своей сути: здесь проходят концерты вокалистов и музыкантов оркестра, устраиваются творческие вечера ведущих солистов и тематические программы. Редкий в современной архитектуре полукруглый амфитеатр, где, как на арене цирка, артисты находятся ниже публики. Каменная отделка стен придаёт акустике излишнюю гулкость, требующую времени для привыкания.

За прошедшие со дня открытия три сезона этот зал уже обзавёлся своей публикой, завсегдатаями. Почти полон он бывает и на достаточно изысканных, посвящённых одному композитору или музыке определённой страны вечерах с участием артистов Молодёжной оперной программы. Объявление о концерте 3 июня «Молодые голоса Москвы и Нью-Йорка» появилось в афише внезапно, меньше чем за 2 недели до события. Легко понять причину – любое отклонение политического маятника в эти тревожные дни могло сорвать прилёт американских гостей в Россию.

Однако, билеты разошлись за два-три дня, и возможность попасть в зал осталась только у прессы или своих, через служебный подъезд. Что вызывало такой ажиотаж – то ли хорошо составленная программа из «ударных» оперных арий и дуэтов, то ли любопытство к заморским певцам, судить не берусь. Но за два года регулярного посещения вокальных вечеров не припомню такого аншлага в Бетховенском, заполненных стоящими друзьями и коллегами участников верхних галерей и, главное, такого высокого градуса восприятия публики. Когда даже не самое удачное выступление встречалось долгими дружными аплодисментами.

Прочитываю пресс-релиз концерта:

Программа усовершенствования молодых музыкантов была создана при крупнейшем оперном доме США еще в 1980 г. по инициативе музыкального руководителя театра

Джеймса Ливайна (проект получил имя четы Линдемманов, оказавших ему финансовую поддержку). Начинающие певцы, концертмейстеры и дирижеры получают возможность иллюминировать свое мастерство под руководством профессионалов высочайшего класса — музыкантов и солистов театра, а также приглашенных педагогов (в настоящее время среди педагогов программы им. Линдемманов можно назвать Ренату Скотто и Кэрл Ванесс). С 2010 г. молодежную программу Метрополитен курирует Джульярдская школа — самое престижное музыкальное учебное заведение США.

Молодежная оперная программа Большого театра России, созданная в 2009 г., во многом обязана опыту американских коллег. У истоков МОП стояли Дайана Зола, одна из руководителей молодежной программы в Метрополитен-опере и артистический менеджер Нью-Йоркского театра Ленор Розенберг; первым приглашенным «коучем» (пианистом-репетитором) молодежной программы стал ветеран Метрополитен, к сожалению, недавно ушедший из жизни Джордж Дарден.»

Молодёжную программу Большого театра возглавляет выглядящий гораздо моложе своих 52 лет профессор Дмитрий Юрьевич Вдовин. Среди его учеников такие уже известные в лучших оперных домах мира певцы как тенора Дмитрий Корчак и Максим Миронов, баритоны Василий Ладюк и Родион Погосов и многие другие. Энтузиаст и Учитель по призванию, сочетающий в себе Папу Карло и Карабаса Барабаса, вникающий во все стороны существования ребят в театре, вплоть до их личных и бытовых проблем. Ему слово о данном вечере:

«Я думаю, что сейчас как никогда важны такие проекты - встречи с участием молодых артистов, да и просто молодых людей из разных стран. Высота, на которой стоит над нами классическое, художественное наследие наших народов, не позволяет размениваться на низменные порывы и инстинкты. В этом, может быть, великая охранительная, сдерживающая роль культуры. В концерте будут участво-

вать представители разных исполнительских школ. Оперное искусство глобализовано давно, задолго до появления самого термина «глобализация». Но это очень хорошая, добрая тенденция, в основе которой – духовное общение, сотрудничество, учение, дружеское партнерство. Ради всего этого доброго, для познания друг друга мы все и собрались сегодня. Нами двигает взаимоуважение и интерес к тому, что и как мы делаем в своей профессии.

Российские певцы совершенствовались в Молодежной программе Линдемана при Метрополитен Опера. В нашей Программе работали и работают многие американские артисты, периодически к нам приезжают для знакомства и совершенствования певцы из Вашингтонской молодежной программы, а наши артисты – стажировались в Вашингтоне.

Надеюсь, этот взаимный интерес не иссякнет.

В свое время Петр Ильич Чайковский, чей юбилей мы будем праздновать в следующем году, чья музыка будет звучать и сегодня вечером, своим концертом открыл легендарный зал Карнеги Холл в Нью-Йорке. Вэн Клайберн спустя много лет вызвал беспрецедентный взрыв любви на первом конкурсе им. Чайковского в Москве. Наша общая история не проста, но в ней много славных событий. Надеемся, что жизнь нам подарит продолжение, достойное этих великих имен и прекрасных моментов творчества».

Небольшую команду из трёх молодых американских певцов возглавил ведущий концертмейстер «Метрополитен-опера» Ховард Уоткинс. Признаюсь, впервые увидела в роли аккомпаниатора академических вокалистов столь колоритного персонажа: ниже среднего роста, бритоголовый, в очках, с кожей цвета жжёного кофе – джазмен или исполнитель спиричуэлс, при чём тут классика! Оказалось, у мистера Уоткинса манера игры подчеркнута корректна, даже суховата по звуку, ближе к старинной музыке, клавесину. Его знания об оперной «кухне» покорили московских коллег ещё накануне концерта, на мастер-классе.



Марина Коста-Джексон. Партия фортепиано – Ховард Уоткинс (США)

Начну с гостей, не только из вежливости, они и открывали вечер. Что может лучше взбудоражить зал, чем знаменитая Каватина Фигаро из «Севильского цирюльника» Россини? Вот с ней буквально выскочил Джон Мур. Обаятельный, чернокудрый, живой, как ртуть. Баритон очень мощный, сочный. Много актёрства, на грани хорошего вкуса и развязности, вплоть до свиста в паузах для колорита. Но в звучании, и в Серенаде «Дон Жуана» Моцарта и в обоих дуэтах, слышна регистровая пестрота, как бы недоученность вокальной позиции. Также самое отмечу и у обеих девушек – сестёр Джинджер и Марины Коста-Джексон. Крупные, красивые голоса, масса достоинств, но некая «диковатость» или непричесанность в тембре, словно не пели они в начале обучения вокализы и арпеджио, а сразу начали со сложных арий. Знатки балета уверяют, что западные танцовщики, не проходившие с детства классический станок, потом всегда проигрывают на пуантах выпускникам российских школ. Вот и здесь услышалось что-то вроде того. Хотя обе сестры явно талантливы и хоро-



Джон Мур и Джинджер Коста-Джексон.

ши собой – брюнетки латиноамериканского типа. Джинджер Коста-Джексон была заявлена как меццо-сопрано. Она явилась кокетливой Розиной в дуэте с Джоном Муром – Фигаро. И, покорила зал игривыми руладами, закончила номер неожиданным для меццо «ре» третьей октавы, трудным даже для сопрано. Ещё больше блеска и упоения Россини Джинджер показала в Рондо Анжелины из оперы «Золушка». И совсем нетрадиционно прозвучала Церлина в исполнении меццо, в дуэте с Дон Жуаном: “La ci darem la mano” (Дай, ручку мне, красотка).

Марина Коста-Джексон – драматическое сопрано, её плотный голос лишь на пол оттенка светлее сестры. Обе арии, в разных отделениях, были исполнены с предельным трагизмом. И редкая у нас Ария Саломеи из «Иродиады» Жюль Массне, и популярнейшая Ария Тоски Дж. Пуччини. Правда, именно “Vissi d’arte” – обращение Флоры Тоски к Богу, показалось несколько «фольклорным» по исполнению. Утрирую, но вспомнилась Бурлакова Фрося из старого фильма «Приходите завтра».

Ещё одна американка – сопрано Эмма Макдермотт, уже больше года живёт в Москве и является коучем Молодежной программы по английскому языку и репертуару. Она лишь второй раз принимает участие в концерте. Сложнейшая Ария Лизы «Откуда эти слёзы» из «Пиковой дамы» Чайковского была спета ею на приличном русском языке, с пониманием музыки и сути образа героини. У неё тоже очень большой голос, который с трудом подчиняется певице. Но по сравнению с тем, что приходилось слышать в классе прошлой осенью – у Эммы явный вокальный прогресс.



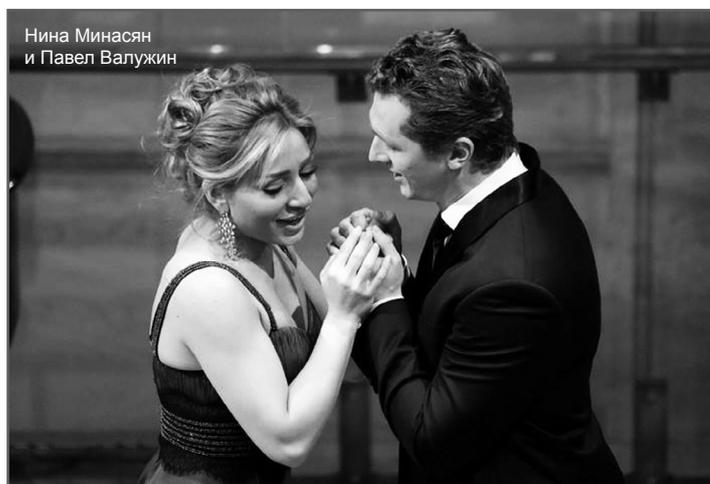
Эмма МакДермотт.

Перехожу к нашим «молодёжникам». Не скрою, что знаю всех ребят лично, слежу за их успехами и год, и два, и дольше – в зависимости от времени поступления в Большой театр, слышала не только в парадно-концертной, но и в обстановке класса, репетиций. Потому не стану придираюсь и «разбирать полёты», а познакомлю читателей с ростками и бутонами, что расцветают очень быстро. Шутка ли – недавние выпускники

Молодёжки баритон Алексей Лавров и меццо Оксана Волкова уже вовсю поют в Метрополитен-опера! Последняя даже открывала прошлый сезон в партии Ольги в «Евгении Онегине» вместе с Анной Нетребко.

Но в начале о нашем концертмейстере. Павел Небольсин – внук легендарного дирижёра Большого театра В.В.Небольсина, знакомого меломанам по записям опер в 40-60гг. прошлого века. Родители Павла – тоже музыканты, дирижёр и оперная певица. Первые опыты аккомпанемента у Павла были с мамой, лет в шесть, как только начал заниматься на фортепиано. И по признанию самого музыканта оперные клавиры он в детстве-юности ставил на пюпитр и читал взахлёб, как его сверстники приключенческие романы. Тогда же, наверное, выбрал своё призвание – работу с оперными певцами. Рояль у Павла Небольсина звучит всеми красками оркестра, его туше близко смычковому легато струнных, вокалистов он чувствует на интуитивном уровне, за что ему платят горячей симпатией не только молодые, но и зрелые штатные солисты Большого театра. Он тоже прошёл суровую школу Молодёжной программы, ведь туда принимают и пианистов, желающих стать концертмейстерами.

Далее пойду сверху вниз, по голосам, как в партитуре.



Нина Минасян
и Павел Валужин

Самое высокое по восприятию и подвижное сопрано у Нины Минасян, выпускницы Молодёжной программы, ныне солистки Большого театра. Она стала очаровательной Джильдой в дуэте с Герцогом из «Риголетто» Верди. По сравнению с товарищами Нина – уже опытная артистка, исполнившая на сцене Большого театра и виртуозную Царицу ночи в «Волшебной флейте» Моцарта и харизматичную служанку Деспину в его же *Così fan tutte*, последней премьеры театра. Уроженка Еревана, выпускница консерватории им.Комитаса, Нина с природной армянской музыкальностью сочетает особую сладость в тембре, что отличает её лирико-колоратуру от стандартных холодных «флейт». Но владением техникой уже может соревноваться с инструментом. Нина Минасян миниатюрна и изящна, на неё приятно смотреть.

Странно, но другая потенциальная Джильда предстоящей в следующем сезоне премьеры «Риголетто» Кристина Мхитарян ещё не исполнила значимых партий в Большом. Хотя её лауреатский список обширен, включая первую премию на Конкурсе Королевы Сони в Осло летом 2013года – впервые в истории победила отечественная исполнительница. Кристина родилась в Новороссийске, своими вокальными родителями считает сестёр Лисициан, у Рузанны Павловны закончила Академию им.Гнесиных. Её голос можно считать драматической колоратурой. Тёплый и плотный тембр



Кристина Мхитарян и Юлия Мазурова

на середине, отточенные верха, музыкальность и артистизм на высшем уровне. Труднейшая Каватина Амины из «Сомнамбулы» Беллини вызвала шквал оваций, а проказливая Норина в дуэте из «Дон Паскуале» Доницетти дала почувствовать актёрскую искромётность Кристины, обладающей пленительной «скрипичной» фигурой и женственно привлекательным лицом.



Ольга Кульчинская и Арсений Яковлев

Лирическое сопрано Ольга Кульчинская в 24 года спела партию Марфы в возобновлении исторической постановки «Царской невесты» в феврале этого года. На роль её утвердил сам Г.Н.Рождественский, дирижировавший премьерой, рецензии строгих критиков положительные. Однажды пришёл в голову удачный эпитет – тембр Ольги, как антоновское яблочко с морозца: свежий, звонкий, но округлый. Сам звук радует, ласкает. Кульчинская родом из города Ровно (Западная Украина), музыкант в 3-м поколении, перед поступлением в Киевскую Национальную музыкальную академию на вокальный факультет получила диплом по специальности «теория музыки». Её пчелиное трудолюбие и скромность, умение глубоко вникать в суть исполняемого произведения отмечаются всеми. Милейшая сценическая внешность и особый шарм в умении одеваться, держать себя даже в обычной обстановке отличают эту умную девушку. Вальс Джульетты из «Ромео и Джульетты» Гуно в исполнении Ольги был полон блеска и молодого ликования, и, пожалуй, особенно жаль было такую веселую, умирающую во цвете лет Виолетту в финальном дуэте из «Травиаты» Верди.

Есть у нас и своя Карменсита – Юлия Мазурова. Не роковая корпулентная женщина-вамп, а по-французски изящная, с лёгким, но сочным меццо-сопрано, хорошенькая и гибкая, как Эсмеральда. «Сегидилья» у Юлии хорошо впета, слышится как эффектный концертный номер. Целиком партию Кармен Юлия исполнила прошлым летом на оперном фестивале в Ницце. Она родилась и закончила музыкальное училище в Казани, продолжила образование в Санкт-Петербургской консерватории. В конце мая состоялся дебют Юлии в первой

крупной партии на Новой сцене Большого театра – Дорабелла в *Così fan tutte* ей удалось и порадовала публику и критиков.

Как многие женщины, питаю особую слабость к тенорам. В нынешнем составе Молодёжной программы их аж четверо! По уважительной причине не участвовал в этом концерте замечательный Сергей Радченко. Но трое других хороши были каждый по-своему, хотя заканчивают только свой первый сезон в Большом театре.

Богдан Волков родился в Донецкой области и учился вокалу в Киеве. Это очень светлый, углу



Богдан Волков. Партия фортепиано Павел Небольсин.

блѐнный в себя, увлекающийся восточной философией и эзотерикой молодой человек, скорее похожий на «ботаника» в жизни, но легко поддающийся гриму, превращаясь чуть ли не в сказочного принца. Его матовый мягкий лирический тенор отличает качественное звуковедение, владение легато и пиано. Такой голос хочется слышать в духовной музыке или произведениях старых мастеров. Богданом уже спета ответственная партия Лыкова в «Царской невесте» и Моцарт в концертном исполнении «Моцарта и Сальери» того же Римского-Корсакова. В этот вечер он проникновенно и как-то по-своему спел Ленского, ту самую Арию «Куда, куда», что старшее поколение сразу ассоциирует с фильмом «Музыкальная история» и незабвенным С.Я.Лемешевым.

Павел Валужин, убедительно спевший Арию Рудольфа из «Богемы» Пуччини, прорезав зал высоким «до», и ещё ярче прозвучавший в дуэте из «Риголетто» с Ниной Минасян, может претендовать на теноровые партии типичных первых любовников. Выделанный крепко-лирический голос, музыкальность сочетаются у него с прекрасной спортивной фигурой и словно резцом выточеными чертами лица. Павел родом из Белоруссии, но консерваторию заканчивал в Санкт-Петербурге, по классу И.П.Богачёвой, прославленной меццо Марининского (тогда Кировского) театра 60-80х годов.

Далее – о неком природном чуде. Арсений Яковлев самый юный участник Молодёжной программы, ему только 21 год. Единственный москвич, студент 2-го курса ГИТИСа (факультет Музыкального театра), и с первых своих профессиональных шагов в Академии хорового искусства до сегодняшнего дня - ученик Д.Ю.Вдовина. Арсений вырос в семье музыкантов, вдохнул воздух кулис ещё в раннем детстве. Его отец тоже пел в Большом, и тоже тенором. В начале 90-х Аркадий Мишенькин был ведущим солистом, к сожалению, рано ушедшим из театра. Чудо в том, что за без малого два десятилетия, прошедших с ухода со сцены кумира моего поколения Владимира Андреевича Атлантова, впервые в голосе этого мальчика почувствовала волнуемое до оторопи тембральное сходство, пусть и не буквальное. Драматические тенора вызревают поздно, годам к 30, а тут уже слышны тёмно-бархатистые низы, терпкая середина и насыщенный верх. Голос всё время в развитии, раскрывается и набирает силу, и хоть бывают ещё моменты неопытности, но у Арсения, кроме породистого «штучного» тембра, есть редкое в тенорах вообще, и особенно в наши дни качество - мужское начало. К тому же высокий рост и голова римского полководца, сценичность на генетическом уровне сулят через несколько лет обрести, наконец, Большому театру, своего *tenore di forza*. Волнение от дерзости первого выхода на публику с Ариозо Германа «Прости, небесное создание» из «Пиковой дамы» наложило на темперамент, и получилось такое неприкрытое отчаянье, что верилось, если прогонит Лиза – застрелится ведь! А в дуэте из «Травиаты» с Ольгой Кульчинской, который тоже впервые случился у Арсения, он показал себя не просто партнёром, но искренне влюблённым, и даже скромные концертные объятия молодых людей не смотрелись формально.

На сегодняшний день в Молодёжной программе только один баритон – Андрей Жилиховский. Наблюдая за певцом вот уже третий год, не перестаю удивляться его совершенствованию и росту. Исполненная в концерте тесситурная Ария Ирода из оперы «Иродиада» Жюль Массне - великолепная мастерская работа. Огромный, богатый обертонами, заполняющий зал голос, владение всей палитрой музыкальных оттенков, смысловая наполненность текста на хорошем французском. Вообще, у Андрея особый лингвистический талант. Уроженец молдавского села до 20 лет не знал русского языка. Начал учить его, только поступив в Санкт-Петербургскую консерваторию. Сейчас его русский безупречен, никакого акцента даже в разговоре, чёткая дикция в пении. Разве что лёгкость и красота итальянского у Жилиховского, что проявилась в недавней премьере Моцарта *Così fan tutte* и на этот раз в большом дуэте из «Дон Паскуале» Доницетти с Кристиной Мхитарян, выдают его родственную принадлежность к романской языковой группе. Впрочем, французские, английские и немецкие коучи тоже не скупятся на похвалы способностям Андрея. Плюс у него выигрышная фактура латинского мачо и светящиеся синие глаза, опасные для чувствительных особ.



Даниил Чесноков



Андрей Жилиховский и Кристина Мхитарян

Даниил Чесноков – бас. Настоящий, глубокий, почти чёрный по тембру. За такими голосами раньше гонялись церковные чиновники, сменявая самых басистых солировать в лучших храмах. Подобную практику Даниил, родившийся близ Владимира, прошёл в хоре Сретенского монастыря. Сейчас он заканчивает Московскую консерваторию. Его первый выход на концерте с Арией Фиско из «Симона Бокканegra» Дж.Верди запомнился рокочущей нижней нотой – фадиез. Но как высоченный и худой как Дон Кихот парень смог преобразиться в комичного увальня Фарлафа из «Руслана и Людмилы» Глинки стало сюрпризом. Да и вокально техничное быстрое Рондо «Близок уж час торжества моего» было близко к отличной оценке.

В завершение концерта сёстры Коста-Джексон запели волшебную Баркаролу Оффенбаха из «Сказок Гофмана»: «*Belle nuit, o nuit d'amour*» - прекрасная ночь, ночь любви. Сопровождали их в четыре руки за одним роялем оба концертмейстера – Ховард Уоткинс и Павел Небольсин, что смотрелось и шуточно и символично одновременно, особенно когда на сцену стали парами в обнимку выходить все участники концерта, слегка подпевая солисткам.

Пока политики сшибаются лбами в битве самолюбий и интересов, проливая кровь простых людей, СМИ со всех сторон полны ненависти, лжи и грязи, блоги Интернета и даже Фейсбук трещат по швам от полярности мнений и неумения слышать друг друга, такое счастье, что есть ещё островки гармонии, где внемлют словам апостола Павла: «нет ни эллина, ни иудея», и только Музыка – царь и Бог. И тихим эхом откликается в душе Шаляпинский всхлип из «Персидской песни» Рубинштейна: «Аааах! Если б навеки так было...»

Татьяна ЕЛАГИНА

Фото - Дамир ЮСУПОВ, Большой театр.

«О, не буди меня, дыхание весны...»

Трансляция «Вертера» Массне из Метрополитен-оперы



Как это часто происходит, литературные сюжеты, используемые для музыкального воплощения («Фауст», «Пиковая дама», «Жизнь богемы» и многое другое), сильно от этого меняются, и их можно было бы назвать просто-напросто перелицованными, не будь у этого слова в русском языке ощутимо пренебрежительного оттенка. Между тем, та же самая канва, будучи вышита просто по-другому, начинает жить совершенно своей жизнью, а не жизнью клона первоначального источника.

Перенести историю Вертера и Шарлотты из мира германской литературы конца восемнадцатого века во французскую оперу девятнадцатого — всё равно что разбудить поцелуем спящую красавицу через сто лет: как ни целуй, проснётся другой человек.

Характеры Вертера и Шарлотты, их взаимоотношения, нерв сюжета, менталитет и чувствительность героев — всё стало другим. Поэтому глупо ожидать «гётичности» от Массне, а вот прелесть французской лирики при задушевном мелодическом и драматическом развитии, при дивной оркестровке, при филигранной «выработке» музыкальной ткани, при точном попадании в золотое сечение с «арией Оссиана» — поражает и трогает несказанно.

В интервью, данном в антракте спектакля, режиссёр «Вертера» Ричард Эйр на вопрос, что послужило для него главной вдохновляющей идеей при осуществлении постановки, отвечает: «Музыка. Просто музыка Массне». («Уж сколько их упало в эту бездну...» — под эту кажущуюся посторонней цитату я вздыхаю о том, сколько уже режиссёров отвечало точно так же на этот вопрос, а потом оказывалось, что под словом «музыка» имелось в виду что-то совершенно другое, нежели ожидали слушатели и зрители. Но тут...)

Художник по костюмам и декорациям Роб Хауэлл, режиссёр Р. Эйр, дирижёр Алан Алтиноглу и постановщики

света и видеопроекций Питер Мамфорд и Вендалл Харрингтон вкпе с исполнителями главных партий представляют спектакль такой грусти и прелести, что дух захватывает. Это не слепок пасторального вейцларского ландшафта, не муаровые французские турнюры.

Это стильная, щемяще старомодная красота, которая до малейшего колебания совпадает с трепетом каждого музыкального оборота.

Постановщиками создана особая аура миновавшего времени, не слишком привязанная до последнего бантика или изгиба спинки стула к определённому стилю, но та, которую не то узнаешь, не то вспоминаешь со смутным головокружением, та, которой больше нет. Это кружевная красота и непридуманная добротность старых открыток: она не современна, чуточку манерна, расслоена, припудрена возрастом, но не скажешь, что от этого она ненастоящая.

Свет и использование видеопроекций поставлены так, что дух захватывает: никакой эклектичности, искусственности; показывают смену времён года, например, и сердце замирает, как точно и нежно это соответствует каждому мелодическому изгибу в музыкальном вступлении к действию. Буквально на две минуты в первом действии, когда молодёжь отправляется на бал, игра света и подвижность декорационных выгородок создают феерическую картину «наезда камерь», и к зрителю сквозь листву приближается дом, стоящий за садом, его зал и кружащиеся пары гостей с ностальгической — иначе не скажешь — атмосферой провинциального праздника.

«Вертер» — роман эпистолярный, и вот уже третье действие начинается через занавес, подсвеченный проекцией испанского нервным почерком желтоватого листа. На самом деле, что уж тут такого необычайного, в чем находка? Да ни в чём. Просто сюжет и музыка, как долго падающий осенний лист, кружатся вокруг примет времени: «au temps des cheveux

et des chevaux...» — во времена кос и лошадей, и бумажных писем...

И этой нежностью полон весь спектакль.

Вертер (Йонас Кауфман), Шарлотта (Софи Кош), Софи (Лизетт Оропеза), Альберт (Дэвид Бизич) — все партии спеты совершенно безупречно, поэтому придётся остановить поток превосходных прилагательных и постараться выразить своё восхищение по-иному. Хотя останавливаться жалко.

Музыка Массне темнеет и сгущается к 3-му и 4-му действиям, как будто взрослеет вместе с Вертером. Какой нервный волнообразный аккомпанемент качает музыку в начале 4-го действия, давая понять о смятении и полной потере устойчивости, какой дикий болевой аккорд-стон проносится и растворяется в следующем — и как удалось композитору найти такую гармонию в 19 веке? ведь это всё равно что заглянуть на пятьдесят лет вперёд. А сколько по всей опере солирующих инструментов с каденциями, и как это верно — на все голоса — передает его одиночество!

К сожалению, Кауфман при безупречности его вокала стилистически и тембрально больше герой «Сказок Гофмана», такой демонически-байронический небритый поэт, нежели порывистый и неопытный светлоокий Вертер.

Пожалуй, первую половину спектакля Кауфман даже несколько переигрывал, пока корчился на скамейке в саду и заламывал руки при решении уехать. Немного всего этого было слишком, в то время, как Вертер первых двух действий — это совершенная Тая Ларина с романтической книжкой и любовью с первого взгляда, которая хлопает глазами и выкладывает всё, как есть, из-за отсутствия жизненного опыта. И тембр у Кауфмана слишком тёмного окраса для невинной романтики. А вот с третьего действия болевая точка совпадает с колоритом его голоса, и всё идёт просто идеально, слёзы брызжут из глаз, когда он возвращается к Шарлотте, к своей гибели, и поёт «Оссиана», осознавая всё это и прощаясь... и век бы слушал это диво, и просто душа вон.

Шарлотта в исполнении Софи Кош была чудесна: холодноватая, вся в постных убеждениях как в доспехах, ни на шаг не подпускающая Вертера; певица голосом всё выразила на пять с плюсом. Лирика Шарлотты — вся из катехизиса, она же провинциальная мешаночка, ходячая добродетель, у которой ничего нет в голове и сердце кроме правил чистописания. Это Вертер её награждает немислимыми



достоинствами и только такой и видит.

Прелестна была сестра Шарлотты Софи, вот уж воистину голос-колокольчик. Хорошо пели Шмидт и Иоганн — не успела увидеть фамилии исполнителей. Украсил сцену детский хор: и пением Рождественского гимна, и раскованной живой игрой в мизансценах.

Кроме того, поражает, как в «Мет» умеют реалистично изображать смерть с кровью (хотя звучит это несколько издевательски, как строчка из меню). Просто мороз по коже, и ведь не жалуют никаких костюмов. Вертер стреляет себе под сердце, и — я понимаю, что раздавливает капсулу под рубахой, но в тот же момент на спине вымахивает такое же пятнище, чтобы показать, что пуля прошла навылет, точно, как в романе, и абсолютно синхронно хлещут кровавые брызги фонтаном по стене, по обоям.

И всё-таки вся опера — это Кауфман и его голос.

И ария первого действия («O nature...»), и ария Оссиана («Pourquoi me reveiller...») — всё спето по нарастающей, дивным, мрачным по окраске тенором, с прекрасной школой глубокой грудной резонанции.

И всё 4-е действие «смертельно раненный» Кауфман допеваёт прозрачным, но железно оперным верхним регистром, с закрытыми глазами, что потрясает. Этот голос искупает всю оперную искусственность ситуации, я понимаю, что так не поют самоубийцы после пули навылет, как не должна петь Дездемона, как не должна петь после «мешка» Джильда.

Но этот тот самый оперный обман, в который не веришь умом, но от которого не в силах отказаться сердце.

Мучительно видеть его неудобную позу на полу. Его конвульсии и агонию. И — счастье слышать полчаса его пения с закрытыми глазами. Под оркестр. Железные нервы и уши (и выучку!) надо иметь, чтобы вступать на слух, не глядя на дирижера. И так петь дуэт.

Оркестр под управлением А. Алтиноглу был пленителен.

С таким чувством, нюансами, чистотой и скорбью — это было так прекрасно, что даже трудно было это вынести, бывает же такое.

Так ли звезды сошлись, или так я была настроена, но для меня спектакль прозвучал как абсолют красоты. И было совершенно всё равно, что всё происходит в паре комнат и ничего не движется, и нет глобальных патриотических сцен или картин народного гнева. Это была частная драма одного запутавшегося сердца, заполнившая собою весь мир.

Майя ШВАЦМАН

Автор фото — Ken HOWARD

Паломничество в Томаскирхе

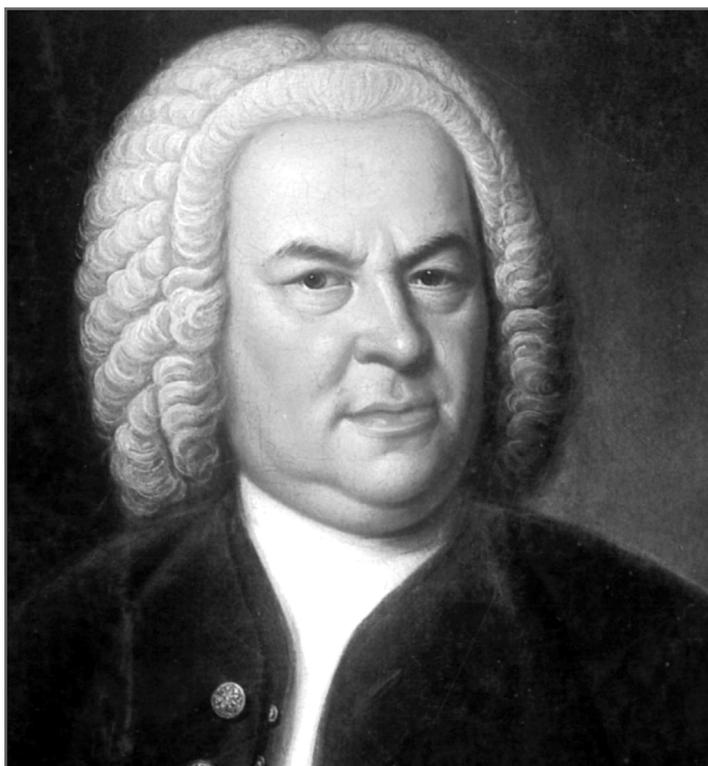
Труднее всего представить его не величественным. Просто человеком. Например, невыспавшимся. Держащимся за щёку от зубной боли. Смеющимся или танцующим. Проголодавшимся. Вообразить его маленьким мальчиком – ведь был же он когда-то таким? Или даже просто без парика – ну невозможно. Был он кудрявым шатеном или плотно остриженным бронеютом, кто скажет теперь?

*Ступень за ступенью, всё выше, туда,
к скамье деревянной, к церковному куполу,
на слух, наугад, к исполнению труда,
к служению великому и неподкупному.
К небесному царству, в отеческий дом
позволь мне добраться концами неблизкими,
кружную дорогой, окольным путём,
вслепую – к престолу иерусалимскому.*

Примерно за полторы тысячи лет до рождения Иоганна Себастьяна Баха один из отцов церкви, Климент Александрийский, выступал против париков, ибо «благословение Божие не может пройти сквозь искусственные волосы». Его современник Тертуллиан был ещё решительнее: «Все парики являются личинами и измышлениями дьявола». Откуда им было знать, что благословение Божие будет пребывать с ним независимо от того, как он будет выглядеть.

Он достался нам всем в незыблемом виде, и мы привыкли к нему такому. Альберт Швейцер упоминает о трёх его прижизненных портретах: «Один хранился в музыкальной библиотеке Петерса, куда попал по наследству от Филиппа Эммануила; его дочь продала этот портрет в 1828 году лейпцигскому флейтисту-виртуозу и инспектору консерватории Грензеру. Второй принадлежит школе Фомы. Третий подлинный портрет Баха принадлежал органисту Киттелю из Эрфурта, последнему ученику Баха. После смерти Киттеля <...> во время наполеоновских войн, когда церковь заняли под лазарет, он исчез из храма вместе с другими ценными картинами».

Швейцер выпустил биографию Баха в 1904 году, когда снос лейпцигского кладбища при церкви св. Иоанна для расширения её фундамента ещё был живой новостью десятилетия: почти через 150 лет после захоронения, в 1894 году



*Этот лейпцигский кантор –
Божье явление, ясное и все же необъяснимое.
Ф. Мендельсон, 1829 г.*

люди занялись поиском останков великого композитора. На могилах не сохранилось ни имён, ни пометок, и единственным ориентиром в поисках стала запись в старой церковной книге, в счетах от могильщика: Бах был похоронен в дубовом гробу. Также остались сведения, что могила была расположена к югу от церкви. В указанном месте среди прочих нашли три дубовых гроба и произвели эксгумацию останков. Череп одного усопшего был разрушен, в другом гробу оказалась женщина, и в третьем обнаружили череп и скелет невысокого, но предположительно крепкого человека, каким мог быть при жизни Бах. С черепа был сделан слепок, а затем, уже по слепку, лейпцигский скульптор Карл Зеффнер создал портрет Баха, руководствуясь материалом тогдашних исследований о соотношении мягких частей лица и костей черепа. «Полученный таким образом бюст оказался не только поразительно похожим на два подлинных портрета Баха, но даже превзошёл их живым и характерным выражением», – написал Швейцер.

В 2008 специальная компьютерная программа, используя бронзовую модель – точную копию черепа Баха, воссоздала портрет коренастого мужчины с короткими седыми волосами. По заверениям антрополога К. Уилкинсон и скульптора Д. Эткен из Шотландии, им удалось восстановить облик Баха почти с 80-процентной точностью: большие серые глаза, густые брови, крупный нос, несколько выдающаяся вперед челюсть. Получившееся изображение немного похоже на портрет кисти Элиаса Хауссмана, созданный в 1746 году.

В 1949 году из полностью разрушенной за время войны Йоханнескирхе саркофаг Баха был перенесён в церковь Св. Фомы, где Бах при жизни и был кантором. И в 1950 году, в год двухсотлетия его смерти, в Лейпциге впервые прошёл Международный конкурс имени Иоганна Себастьяна Баха.

*Не в пыльной ватаге, идущей пешком,
не просто бродягой вослед за скитальцами,
бредущими к чуду овечьим гуртом,
явлюсь, но – дорогу измеривши пальцами.
Всяк служит по-своему: кто, доната
раздевшись, рубашку пожалеет узнику,
кто хлеба убогому, я же – слуга,
Тебе присягающий с помощью музыки.*

В том же 1950 году в один из июльских дней в послевоенном Лейпциге прохожие могли видеть грузную темноволосую женщину среднего возраста, медленно идущую босиком по городу. Она вышла из поезда на вокзале, сняла обувь и босиком отправилась к Томаскирхе, к могиле Баха. Это была пианистка Мария Вениаминовна Юдина, которая, по воспоминаниям современников, сначала хотела проползти этот путь на коленях, но – под давлением лиц определенного сорта, сопровождавших её в первой и последней заграничной поездке – отказалась от этого намерения и пошла к могиле босой. Она шла по только начавшему отстраиваться после бомбардировок городу, мимо афиш с собственным именем, совершая паломничество к надгробию собственного господина. Она несла ему своё «Верую», идя к нему, как голос в голосоведении фути идёт к просветленному разрешению тоники.

Вся её жизнь была примером избранничества и стойкости, заданными её характером и глубокой религиозностью. Когда в Ленинграде началась блокада и множество людей стремилось уехать в эвакуацию, Юдина рванулась в осаждённый город, чтобы играть там. Когда умер опальный Пастернак, она (вместе с С. Нейгаузом и С. Рихтером) была там, в Переделкине, и играла у его гроба. Это была её искренняя христианская потребность к разделению чужого страдания, её путь к небу, её паломничество, которое она совершала всю свою жизнь. Она прошла этот путь и страницами баховских сочинений. Его музыка – это тоже своего рода паломничество, стремление к божественной гармонии, внутреннее восхождение, шестствие длиной в жизнь, полное глубокой благодарности Создателю.

Юдина воспринимала Баха почти как пятого евангелиста и именно им в те годы отгораживалась от ереси, звучавшей вокруг. В её понимании его музыка несла в этот мир исцеление прокаженным. По свидетельствам очевидцев и близких ей людей, сумевших выразить словами свои чувства от её игры, её исполнительская манера Баха в те годы захватывала ораторской приподнятостью, звуки текли из-под её пальцев, как речь проповедника, весомость и рельеф её интонаций, отчасти медлительных и тяжеловесных, приближались к высотам стиля апостольских посланий.

*Воскресная месса, венчальный канон,
хорал отпевальный возносится с клироса –
нет праведней службы с библейских времён,
чем та, что из звуков нечаянных выросла:
из гулкой ракушки, из дыр тростника,
из кожи бараньей, затянутой натуго
вкруг дудки, из полого рога быка,
из лирной дуги, семиструнное радуги.*

Чтобы повторить маршрут М. В. Юдиной в Лейпциге, мне нужно было выйти с вокзала на улицу Гёте, после неё свернуть направо на Томасгассе и, миновав церковь св. Николая и погребок Ауэрбаха с фигурами Фауста и Мефистофеля, прийти к Томаскирхе. Можно было явиться и со стороны Мартин-Лютер-ринг.

У входа в Томаскирхе стоит памятник Баху работы Зеффнера установленный в 1908 году. Бронзовая статуя великого музыканта на суровом постаменте из ракушечника возвышается над толпой. Она заменила собой прежний неброский памятник, созданный в 1843 году на средства, собранные Мендельсоном, и открытый в присутствии 81-летнего внука Баха, Вильгельма Фридриха Эрнста. Ныне этот небольшой первый монумент перенесён в зелёную зону парка у Диттрихсринга.



К тёмной плите надгробия в церкви сейчас вплотную подойти нельзя, но она тем не менее украшена цветами, вид которых говорит о том, что это вовсе не официальное приношение администрации музейного комплекса. Один цветок подсолнечника, букет фиалок, пара уснувших роз.

За право петь в этой церкви хоры со всех концов земли стоят в очереди. Но то, за чем приезжаешь в Лейпциг, чтобы стать ближе к нему, сокрыто совсем не в ней...

Музей Баха, самый известный исследовательский дом с научной библиотекой и колоссальным собранием аудиозаписей, обладающий его архивом и являющийся частью Лейпцигского университета, находится в двух шагах от Томаскирхе, и это почти к нему повернут лицом строгий бронзовый памятник.

Бах не жил с семьёй в этом доме, как ошибочно сообщают некоторые источники. Он в нём просто бывал, и весьма часто, поскольку это был дом торговца мануфактурой Бозе, с которым Бах был в самых дружеских отношениях.

Музей встречает посетителя широчайшим генеалогическим древом семьи Бах, где Иоганн Себастьян вовсе не является исключением, как музыкант, наоборот: единственным отступником от такого или иного вида музыкальной деятельности выглядит его двоюродный или троюродный брат, занимавшийся продажей ковров, гобеленов и прочих видов ткачества. Его имя виновато занимает свою строку в сонме канторов, органистов, клавесинистов, капельмейстеров и педагогов семьи Бах, часть из которых снабжена музыкальной ссылкой: их сочинения отчасти сохранились, и их можно прослушать, нажав кнопку электронного аудиоида. Так, послушав их творения, практически неотличимые от его музыки по манере, стилю, избранной форме, дивишься тому, как непредсказуема потеря времени. Кто знает всех этих Виллибальдов-Фридрихов и Иоганнов-Николаусов так, как знают его?

В следующем зале стоит маленький скромный орган-шпильтш, за которым Бах играл в 1743 году, и при нём очень простая скамья. Прекрасные музейные вещи, на которые взираешь с трепетом и ждёшь снисхождения благодати: о, если остался на них после множества жизненных перепетий и реставраций хоть малый след его прикосновения, то ты почувствуешь его... Здесь же подвешены металлические трубы, имитирующие органные. У каждой своё значение: в них вмонтированы записи органных произведений Баха, услышать которые можно, благоговейно обняв ладонями трубу и прикинув ухом к крошечным отверстиям в ней. Дырочки сделаны на разных уровнях, в том числе и с учётом детского роста.

Зал с коллекцией музыкальных инструментов, для которых писал Бах: маленькое семейство избранных, подобное существующему в Израиле Библейскому зоопарку. Там собраны лишь те животные, которые упоминаются в Ветхом Завете. Здесь же – лишь те инструменты, которые взял он в музыкальный ковчег своих партитур.

Ещё комната: собственная семья Иоганна Себастьяна. Семеро детей от первой жены, Марии Барбары Бах, и тринадцать от второй, Анны Магдалены Вилькен. Из двадцати детей впоследствии лишь девять (по другим источникам – десять) пережили отца.

*«Гряди, голубица!..» Прекрасней четы,
меняющейся обручальными кольцами
вблизи алтаря, – абсолют красоты,
возлюбленных звуков литые пропорции.
Мажорным потоком высоких тонов
воспеть жениха и невесту, и шафера,
дождаться конца ритуала, и вновь
вернуться к Тебе на органный кафедру.*

Жизнь Баха не отмечена любовными страстями и необыкновенными амурными приключениями. Добропорядочный бюргер, он был хорошим и любящим мужем обоим своим избранницам, любил семью и детей, и сыновья вспоминали его потом как твёрдого нравом, но общительного и весёлого человека. Одной из его привязанностей была курительная трубка, поскольку Бах был закоренелым любителем кнастера, и даже оставил шуточное четверостишие, посвященное пагубной привычке:

*От табака мой ум яснее.
О трубка, ты – мой верный друг!
Не расстаюсь – о нет! – я с нею,
Приятен с нею мой досуг.*

Анна Магдалена, дочь придворного трубача из Вейсенфельса, была моложе мужа на 16 лет, но стала надёжной опорой всей его жизни. Исследователи, изучающие рукописи Баха, подчас не могут прийти к единодушному мнению, какие из партитур выправлены рукой автора, а какие переписаны рукой его жены. Анна Магдалена была очень музыкальна и обладала красивым сопрано, и вскоре после свадьбы была зачислена певицей в кетенскую капеллу.

Через два года после переезда в Лейпциг, в 1725 году, на свет появилась «Нотная тетрадь Анны Магдалены Бах», которую теперь при обучении игры на фортепиано не минуют ни одни детские пальчики. Тетрадь пополнялась, сложность пьес возрастала, и к сюитам и менуэтам прибавлялись песни с трогательными названиями «Подари мне свое сердце», «Если ты рядом».

В музее есть даже сохранившаяся часть стены из дома Бозе, окрашенная, по обычаю того времени, наполовину в тускло-зелёный, наполовину в серый цвет. Есть и окованный железом сундук семьи Бахов с толстой верхней крышкой, в плоскости которой виден сложный механизм замка. В нём хранились самые важные и ценные предметы: деньги, серебро, документы и рукописи. Смотришь на его размер и поражаешься: как невелико было имущество семьи, если всё самое ценное умещалось в этот сундучок. Сейчас собрание дисков с записями его произведений займёт почти столько же места.

Ещё одна витрина представляет серьёзное исследование изменений почерка Баха в течение жизни и секрет его скоро-

писи и сокращений. Здесь же перья и способ их очинки. Чернила и их состав – оказывается, он сам готовил себе чернила. Бумага, которой он пользовался, и водяные знаки на ней.

Небольшой садик прямоугольной формы в тылу дома, где иногда устраивались чаепития и музицирование на свежем воздухе, если позволяла погода.

Но главное ждало меня в комнате, окрашенной в темно-зелёный цвет и называющейся «Сокровищницей».

Если идти вдоль левой стены, то сначала приглушённый свет выхватывает из темноты портрет отца Баха; затем его лицо. Потом можно склониться к подлинным рукописям, к нотам, написанным его рукой, их меняют в витринах раз в полгода. И почти у самого выхода, на стене справа в небольшом навесном шкафу заперт скромный стеклянный ларец с несколькими странными предметами. Когда наклоняешься рассмотреть их, сердце вдруг сжимается.

*...Что смог я? Из звуков, из гравия нот,
из беглых фрагментов, лихими коленцами
волнующих душу, гудящих вразброд,
построить собор трёхголосной инвенции;
как чётки, на ощупь тона перебрал,
разбег мануалов удерживать копулой,
чтоб фуг и мотетов изменчивый нрав
на тонике долгой застыл бы как вкопанный.*

В стеклянной шкатулке лежат два выщербленных кусочка дерева (вроде тех, что можно увидеть в горшках с орхидеями), смятый позеленевший напёрсток и бурая металлическая пряжка. Надпись гласит, что при работе на кладбище в 1894 году эти вещи были найдены сохранившимися в могилах Иоганна Себастьяна Баха и Анны-Магдалены, и вместе с щепами их гробов, как реликвии, помещены в этот ларец.

(...От танцовщицы осталась лишь брошка, а от солдата маленький кусочек олова, – написал Андерсен.)

Это всё, что осталось от непостижимого музыкального евангелиста и его жены. И вот эта пряжка, то ли с его ремня, то ли с его плаща, и особенно бедный напёрсток той, для которой был написан прелестный менуэт соль-мажор, звучащий по всему миру из-под маленьких рук начинающих музыкантов, ударили меня в самое сердце.

Это всё, что сохранилось от человеческой жизни.

«Подлинной религией Баха было вовсе не лютеранство, а мистика. Всё его мышление пронизано чудесным, страстным, радостным желанием смерти», – написал А. Швейцер.

Верить ли?..

*Смиренный паломник, слепой ученик,
покорный участник похода небыстрого,
ходок терпеливый, я неба достиг
тропой ораторий, густыми регистрами.
Восторги признаний и слёз ураган
вложил с содроганьем в творенья подручные
послушник и раб, Иоганн Себастьян,
избравший орган в восхожденья попутчики.*

Майя ШВАРЦМАН



Соло рабочей пчелы



И в искусстве, и в других сферах существует множество профессий категории «рабочих пчёл». Их много, они безмянны и трудолюбивы, все на одно лицо, но именно их трудами и есть в улье и мёд, и порядок, и царица. В музыке это не только настройщики инструментов, учителя сольфеджио, репетиторы балетных классов, артисты хора, оркестранты-туттисты, осветители, декораторы и костюмеры оперных театров, но и концертмейстеры вокалистов. Дирижёр поднимает на ноги оркестр в благодарность за исполнение симфонии, хор единодушно кланяется на сцене после концерта, а педагог-концертмейстер, подготовивший сложнейшую заглавную партию с певцом, не выходит кланяться никогда. С одним из таких героев закулисья я и разговариваю сегодня: это Ирэна Савельева, проработавшая с вокалистами в различных оперных театрах больше 25 лет, из которых уже 11-й сезон – в Национальной опере Будапешта.

— Попробуем понять и выстроить всё сначала. Вот приходит певец распеваться первый раз – его назначили на роль, и надо эту роль с ним выучить, или студент является на прослушивание, или нужно подготовить кого-то к конкурсу с определённой программой. Как провести урок и проверить певца на готовность быть певцом? Словом, как узнать с первых звуков, выйдет ли толк из человека, и ясно ли сразу, что с ним делать дальше, и делать ли?

— Слышно сразу, умеет ли вокалист распределять дыхание таким образом, чтобы не петь горлом, а дальше – всё разнообразно. Мышечная работа, рефлексы требуют наработки,

а в пении сложность в том, что рефлексы нарабатываются сознательно – со стороны певца. Мы имеем дело со взрослым человеком, личностью, может быть, он уже спел много всего, но так и не понял, что спел – по молодости, спел здоровьем, а не правильной техникой, которая спасает от проблем с голосом. Тут важно заручиться доверием. Мы можем достичь результата, если мой коллега-певец способен перестроиться на роль воспринимающего и верящего мне на слово ученика.

Иногда приходит человек с сильным голосом, на начальном этапе пение ошеломляет, вот уж, где всё в порядке со внутренней акустикой. Но послушаешь такой лесостепной голос, и что? Вой в бочке, поёт и не понимает, интеллектом не берёт того, что ему полагается знать, чтобы произвести впечатление.

Когда я занимаюсь с певцами, мой авторитет знающего язык человека (венгерский, английский, русский) работает на благо. Чистое произношение помогает вокалу. Русский язык, например, очень певучий, правильно настраивающий певческий аппарат, но, к сожалению, труднодоступный к копированию для европейских певцов. А когда я вмешиваюсь в певческий процесс, не опираясь на язык, который знаю с детства, тогда сложнее, надо пользоваться системой упражнений, это целый комплекс. С понимающим меня вокалистом я могу достичь оптимальной формы за несколько минут. И всё: он разогрет, он идёт на сцену, поёт на нужном языке, не устаёт.

— Существует ли какая-то «азбука вокалиста», которая всем подходит?

— Азбуку вокалиста парой слов не пересказать, как и всю методику. У меня есть определённые буквенные сочетания, которые я использую в оптимальном для каждого конкретного певца диапазоне. Основой вокализации является нижне-рёберное дыхание и положение гортани вниз. Что это значит, объяснить сложно, но это слышно сразу по звуку. Затылок должен быть открыт, и «зевок» активен. Нормальному человеку, который, как господин Журден, «разговаривает прозой», даже эти словосочетания непонятны.

«Маска» вокалиста должна резонировать, «маска» – это передняя часть головы, анфас: нос, лоб, скулы. Семьдесят процентов резонирования приходится на голову, остальное – трахея, связки, грудные косточки, именно они дают голосу обертоны, добавляют красоты тембру. Мне говорили, что когда певец «поймал» правильный резонанс, то, отзываясь, вибрирует всё тело, и что эти ощущения сродни самым незабываемым земным наслаждениям. А если ещё вспомнить, что при этом певец пропускает через себя энергию композитора-творца, то получается, что хорошие вокалисты – самые счастливые люди, Божьи дудочки.

Одна из моих учениц – певица венгерского радио. Чтобы держать голос в тонусе, приходит учиться индивидуально. Мы занимаемся Брамсом, Шубертом, Шуманом, и ей моя система занятий подходит идеально.

— Но как настроить аппарат певца, как научить вокалиста управлять своим голосом, даром, талантом, природой, как его сделать, в конце концов?

— Нужно воспринимать тело как пространство звучания. У духовика есть дополнительный резонатор в форме инструмента, а у певца только его голова и туловище. Принцип перманентного дыхания, которым владеют духовики, подходит и певцам. Дыхание – через нос, потому что именно через такой вдох можно представить и действительно открыть резонаторные пространства в голове. И «зевок», о котором твердят все педагоги, тоже ощущается через вдох. А направлять звук нужно в купол, в нашу природную анатомическую сферу, потому что твёрдое и мягкое небо сливаются при работе мышц,

удерживающих выдох. И в куполе есть конкретные точки, куда надо направлять гласную! Диафрагма и межрёберные мышцы, сопротивляясь выдоху, помогают создать нужную нам акустическую сферу, открыть глотку, опустить гортань. Звуковая волна, вызываемая колебанием связок из трахеи, где прячется голос, попадая в купол, может управляться ещё разными мышечными микроусилиями и достигать резонаторных полостей. На физическом уровне схема именно такая. Я использую на уроках звуки отдельных букв, комбинации слогов, пропевая которые, можно этого состояния достичь. И получается та самая внутренняя акустика, которая у кларнетиста в кларнете, у гобоиста в гобое и т.д.

Большинство педагогов вокала сразу начинают искать резонаторы, упустив из вида формирование звукового мешка, или «коробки», как я это называю. Горло сжимается, гортань задирается, звуковая волна неуправляема, певец кончается. Впрочем, существуют разные методики.

— **Я не раз слышала, что идеально петь в опере можно только на родном языке или предельно хорошо знаемом, чтобы не просто голосить зазубренные тёмные тексты, это так?**

— Петь можно на любом языке. А вот осмысленно петь, понимая каждое слово, каждый всхлип, можно, только хорошо зная язык исполняемого. Я не говорю о произношении, это отдельная история. Как педагог по русскому репертуару, могу сказать, что нужно стремиться к идеалу, к чистому произношению без акцента, и можно этого достичь. Не только потому, что у большинства певцов хорошие уши и способность к подражанию, но ещё и потому, что они поют на опоре. Правильное дыхание способствует артикуляции, помогает чисто произносить слоги, складывать слова. Фонетика и хороший вокал неразрывно связаны. Например, в русском языке, произношение буквы «у», способствует правильному положению гортани, а значит, правильному прикрытию звука. Научившись пропевать этот звук на опоре дыхания, можно выровнять весь диапазон. Остальные гласные насаживаются на «у», как жемчужины на нитку. В венгерском языке этот звук приближен к губам, поэтому убедить моих вокалистов в том, что опёртое и глубокое «у» строится дальше, ближе к затылку, и что это лучше для произношения и вообще для всего остального, было непросто. Но тот, кто решился попробовать, тот выиграл. Например, Левенте Мольнар освоил переходный регистр именно благодаря этой букве. А если человек имеет ровный переходный регистр, то многие проблемы отпадают сразу и навсегда.

— **Ровный переходный регистр — это технический термин, которого может и не знать публика, заполняющая театр. Слушателей как раз задевает другое: произношение. Ты говоришь, что осмысленно петь можно только на родном или на идеально известном. Получается, если ты русский, то тебе никогда «не светит» в Байройте спеть Вагнера, даже если голос вагнеровский? или наоборот, итальянцу, идеально поющему Инквизитора, Досифея никогда не осилить по причине языка?**

— Когда я работала над произношением даже с очень хорошими и талантливыми певцами, то поняла, что мы часто переставляем слоги механически, как будто собирая конструктор «Лего». Соединяем, разъединяем: точка, тире, точка, пауза, тире... Азбука Морзе. Механику оживит только музыка: чувство, интонация, драма. Не зная языка, певец ориентируется только в ключевых фразах. Мы стараемся запомнить, о чём речь, но всхлипнуть, замереть, внутренне улыбнуться, актёрски пережить, — нет, не получается. Гениальные русские оперы Чайковского, Мусоргского, которые любят и ставят в Европе, — это всё психологический театр. Можно выучить, но прожить... Помню, сколько сил я потратила с тем же Мольнаром, чтобы просто перевести ему пушкинскую фразу «Но я не создан для блаженства; ему чужда душа моя», когда мы учили

«Онегина». Перевести не только точно, но «по-пушкински», чтобы прожил, прочувствовал и спел!

Я уверена, что с операми на других языках всё обстоит точно также. Другое дело, что европейские певцы владеют европейскими языками. А русский... Мы восхищаемся нерусскоязычным певцом, освоившим партию Бориса, как Рене Папе, отдаём должное титаническому труду, отточенному произношению, но мы слышим и видим, что что-то не то... Ведь есть понятие стиля, а стиль вокалиста — это музыкальная речь и просто язык.

Вагнера лучше всего поют немцы, или те, кто знает язык с детства. У него слово нераздельно с драмой, в этом суть его оперной реформы. Но наш гений Мусоргский, — можно у него всё выучить, положить на это дело весь свой талант, и всё равно будет слышно, что человек не проживает. Понимает, но не проживает! Пение будет от ума, а не от сердца. Хотя и от ума — хорошо, есть же интеллектуальный театр. Но опера — искусство чувственное.

— **Обычно каждый сведущий в вокале человек знает, что имеется в виду, когда говорят: вагнеровский голос, барочное сопрано. Надо ли это понимать как узкую специализацию?**

— Сравню со спортом. Есть спортсмены легкоатлеты и есть тяжеловесы. В операх Вагнера действуют не люди, а полубожества. Какими голосами можно передать необходимые Вагнеру эмоции? Получается, что певцы, посягающие на подобные роли, должны обладать физическими качествами сверхлюдей. Пение идёт час, два, три, зрители мужественно слушают, вот третье, четвёртое действие, когда Зигфрид с Брюнгильдой битый час выясняют, что есть любовь, и этот музыкальный наркотик входит в кровь слушателя и действует... Какой ценой это даётся исполнителям? В сложнейших операх Вагнера, которые ставят не только в ведущих театрах, но и в провинциальных, нераскрученных, с обычными певцами, «рабочими муравьями», когда часто всё упирается в «допоёт — не допоёт»? Для которых настолько это сверхчеловечно, что не до красоты, — это пение на переходных нотах, причём часами, причём какими-то полуречитативами...

Вот Эрда — низкая, написанная для альты партия, а где мы сейчас найдём стенобитный вагнеровский альт? Это редчайший голос. Ещё и ля-бемоль надо спеть, после гудения в малой октаве. Что для этого требуется, какая выучка?

Децибелы, мощное дыхание, выдержка атлетов. Как правило, если певец вышел на вагнеровский репертуар, то к Моцарту он уже не возвращается, просто не может! Весь певческий аппарат настраивается на марафон, если можно так выразиться. Для того, чтобы петь ажурные мелодии, полные замираний, трелей, украшений, колоратур, тоже нужна физическая подготовка. Главное — умение распределять дыхание. Если получается владеть выдохом настолько, чтобы мышцы могли «завязывать бантики», то мы слышим великолепный стиль бельканто, красивое пение, тонкость отделки, изящную и точную артикуляцию. И в пении Моцарта это совершенно необходимо. Мы пишем тонкими кисточками на прозрачном звучании оркестра. Театр Моцарта, глубина эмоций, правда отношений — всё должно передаваться тонко и точно.

Вагнер — игра со сферами. Певец поливает голосом, если можно так выразиться. Могучий оркестр; вокал служит лишь дополнительной краской к звучанию оркестра, а в оркестре звучит одновременно до сотни инструментов. Для подобного звукоизвлечения требуется стать тяжеловесом, а на это требуются годы, требуются силы, требуются мозги и умное выстраивание репертуара, чтобы не навредить двум маленьким связочкам, не износить их раньше времени.

— **Как понять то, что баритон, скажем, может петь Моцарта, но не готов к Пуччини или Верди — в чем тут загвоздка? Казалось бы, диапазон его, ноты те же, слова выучит?**

— Юная Чио-Чио-Сан на вопрос о возрасте отвечает: «Минуло мне пятнадцать, я старушка совсем», и в этой фразе заключается парадоксальный ответ на вопрос, что имеется в виду, когда говорят о том, может ли – и когда может – певец петь партии в операх Пуччини. Я ещё не встречала хорошую Чио-Чио-Сан моложе тридцати лет. Веризм предполагает сшибку страстей, раздолье страстных мелодий, выразительную и мощную, перекрывающую оркестр, голосовую экспрессию. И здесь на первое место мы ставим драматический талант, помноженный на физическую составляющую.

В пятнадцать-двадцать-двадцать пять лет эту партию не спеть. Пробуют спеть арию «Un bel di vedremo» и, кажется, всё получается, звуки на месте. А роль не потянуть, потому что много пения в среднем регистре. Опять же нужна хорошая техника дыхания.

— **Дыхание, техника, резонаторы... Драма, экспрессия, произношение... Получается, что главных «трёх китов» не найти, абсолютно всё имеет определяющее, базовое значение? Или всё же есть верховный бог в пении?**

— Дыхание в пении – вот основа. Пение есть озвученный выдох, и никакой мистики в этом нет. Должны быть развиты необходимые для вдоха-выдоха мышцы, чтобы снять напряжение со связок. Вот мы опять подходим к тому, что для укрепления техники безопасности, если можно так выразиться, нужны опыт и время. Исполнение драматического репертуара Пуччини и Верди, конечно же, задача для умных и опытных, иначе – травмы, потеря голоса. Как много певцов сходят с дистанции потому, что надорвались, не рассчитали силы, не рассчитали умение вдыхать и выдыхать вместе с голосом, и потому что драматические оперные партии вынуждали их форсировать голос!

Пение – сложный комплекс. Просто вокализировать – нет драмы и игры. Играть и рвать всё на куски – получается мелодекламация, а не пение. Мелодекламацию плохо слышно в зале. Оркестр скрежешет, гремит, идёт музыка, сложная для восприятия, например, «Синяя борода» Бартока, красивая и яркая певица вибрирует на сцене от эмоций и выразительности, а в зал ничего не идёт. Надо осваивать легато, продолженное дыхание техники бельканто. А у другой, сильной венгерской меццо, – наоборот! С ней занятия иного качества: лавина звука. Как организовать этот поток, как им управлять? Попробуйте набрать ведро воды под Ниагарой. Прошу её сфокусировать голос в точку обязательно, тогда и красота появится, и тембр. И вот готовим роль, ищем вместе, и прошу её найти в себе хоть что-то от Кармен, пантеру, что ли, убрать инерцию пения, вязкость. Мощь и сила есть, а чтобы в партии Сузуки добиться выразительного произношения «riccina», уходит семь потов.

— **А что должны понимать оперные режиссёры, берясь за постановку? Часто работа концертмейстера-педагога летит насмарку, потому что певца заставляют в мизансцене стоять к залу спиной, висеть на канате или ещё что-нибудь, или производить действия, противоречащие тексту, в угоду фантазиям постановщика, и вся подготовительная работа по вокалу, чувствам, выразительности пропадает зря?**

— Жанр музыкальной эксцентрики хорош на арене цирка. Мы восхищаемся артистами, играющими на рояле лежа, стоящими на голове или летающими на трапедии, потому что в цирке нам предлагают жанр виртуозного владения телом, физического мастерства, направленного на развлечение. Однако, они ведь не исполняют сонату Листа! Потому что, чтобы её действительно сыграть, просто нажать все клавиши, педаль, исполнить мастерски, необходимо находиться в равновесии! Вверх головой, с прямым туловищем, сидя, с опорой. Так вот, тело пианиста – это одно. А его инструмент? Кто-то из режиссёров попробовал когда-нибудь играть на рояле, стоящем на одной ноге? Одиночный звук издать можно. Но «Аппассионату»?

Оперный театр это не цирк, и современные режиссёры просто обязаны это понимать. Певцы – это живые ходячие инструменты, для того, чтобы пелось, их инструменты необходимо держать в равновесии. Это касается, кстати, и душевного равновесия! Я знаю певца, который сломался физически на много лет только потому, что лицо Отелло, которого он пел, вымазали синей краской по заказу режиссёра, показывавшего, как он далёк от штампов, или от расизма, или ещё почему-то. Один мой ученик с трудом поддался концепции режиссёра в Баварской опере, когда Белькоре появляется на сцене таким «коммандос», вульгарным и грязным, со рваной кровавой раной на лице. Тонкая организация артиста просто рушится от того, что надо сочетать несочетаемое. Имя Белькоре означает «прекрасное сердце»! Через год он пел этот спектакль в Венской опере, в классической постановке, тогда только и удалось восстановиться. Я не могу себе представить, чтобы Хуан Диего Флорес, певший с ним в том же спектакле Неморино, согласился бы выйти на сцену в чём-либо таком, с синим лицом, и сделать глупость в угоду фантазии режиссёра, не соответствующей музыкальной правде Доницетти.

Большие певцы, самые известные и востребованные на лучших сценах мира, оговаривают для себя это самое равновесие: душевное – в первую очередь, физическое – во вторую. Мне довелось видеть процесс создания спектаклей в Лондоне, в Париже, в Мюнхене, в Вене. В Мадриде, кстати, при постановке «Севильского цирюльника» всё было так организовано, что певцу ни о чём не надо было беспокоиться. Однако взамен требовалась такая же точность в исполнении мизансцен. Никакого выхода из границ или переигрывания. Могу сказать с уверенностью, что певцов там уберегли от цирковой эксцентрики, но спектакль был живой, с массой находок, с неожиданной подачей второстепенных ролей, с новым освещением затёртых персонажей. Всё было точно, а клише при этом не было. Но сейчас это скорее исключение, чем правило.

Я, например, отношусь к творчеству Д.Чернякова скорее со знаком плюс, чем минус. Он знает, чего хочет. «Симон Бокканегра» в Мюнхене помещён в двадцатый век, но все коллизии сохранены. Где эти дожди и абстрактная средневековая Флоренция – и где я? Но в его спектакле энергия колотится о стены. Он помещает сцену в коробку, практически всегда его художники ставят стены в кулисах. И персонажи носятся от стенки к стенке, конфликт сфокусирован, энергия прёт в зал. И всё же...

Опера – это прежде всего музыка, а не просто вызывающее передвижение людей по сцене в угоду чьим-то амбициям, красотой в ней надо искать долго и рассматривать любовно, через лупу. Красота в палитре звучаний голосов, в тишине, в пространстве между оркестром и репликами солистов. Тишины должно быть много!

— **Ты объехала полмира со своими вокалистами, распевая их, разогревая, готовя, выслушивая – из-за кулис, с галёрки, из партера, – утешая, подбадривая, поздравляя. Не задевают ли тебя аплодисменты, которые всецело достаются им, хотя ты знаешь, какая титаническая работа за твоей подписью стоит за каждым успехом?**

— Успех мною настроенного инструмента и осознание того, что наша методика оказалась правильной и даёт прекрасные результаты – это уже само по себе восхитительно. Такое положение вещей присутствует почти везде: люди на первом плане бьют рекорды, и все это видят, а тренера и штаб, которые за этим стоят, не замечает никто. Это не ошибка природы, а правила игры.

Я всегда понимала, что в моём характере есть нечто, сто процентно соответствующее моей профессии. Это стойкость оловянного солдатика, который дал честное слово, взял ружьё «на караул» – и встал за кулисами навсегда.

Майя ШВАРЦМАН

На концертах IV Рождественского фестиваля духовной музыки



Духовная музыка — особый жанр, интерес к которой объединяет и воцерковлённых прихожан, и агностиков, и академических музыкантов, и меломанов-любителей. Исполнение предназначенных для храма песнопений в концертной обстановке существенно отличается по стилю от канонического, о чём недавно говорил наш выдающийся хормейстер В. Н. Минин. Но ощущение Света, высокая духовность, льющаяся со сцены Светлановского зала Дома музыки, создавала эффект присутствия на Служении, несмотря на разность жанров и коллективов.

С творчеством ансамбля древнерусской музыки «Сирин» знакома давно, почти с момента создания коллектива в 1989 году. Посчастливилось работать над их первыми студийными записями в Государственном доме радиовещания в начале 90-х годов. И уже тогда поразила непохожесть исполняемой музыки на все известные дотоле жанры. Вот цитата из буклета фестиваля:

Ансамбль исполняет древнерусские богослужебные песнопения XV-XVIII: знаменный, путевой, демественный распевы, строчное и знаменное многоголосие, ранний партес, монастырские распевы, партесный концерт. Особое место в репертуаре занимают духовные стихи. В 2000 году ансамблем было реконструировано «Пещное действо» — древний богослужебный чин.

...«Сирин» много и плодотворно сотрудничает с композиторами и режиссёрами, такими как Анатолий Васильев, Кама Гинкас, Валерий Фокин. Специально для ансамбля написаны «Плач Иеремии» и «Заповеди Блаженства» Владимира Мартынова, «Музыка для Рождества» и «Слово» Павла Карманова, музыка к спектаклю «Шинель» Александра Бакши и др. «и др.» чуть расширю.

Пение на стыке церковного и народного, с большим вниманием и пониманием старообрядческого наследия.

Отсюда, наверное, и ощущение забытого-сокровенного, и недавний саундтрек к сериалу Н. Достая «Раскол». За 25

лет повзрослели ветераны «Сирин», пришли новые участники взамен выбывших.

Постоянство в руководителе и создателе — Андрее Котове. Певец, хормейстер и фольклорист, выпускник Гнесинской академии, долгие годы занимавшийся изучением особенностей аутентичного пения русской средневековой музыки и народных песен, начинавший сам в ансамбле Дмитрия Покровского.

Андрей Котов выработал и особый вокальный стиль, особенно заметный у женской половины ансамбля.

Лёгкое, без малейшего напряжения пение, в отличие от фальцета отлично слышимое и на пианиссимо, и не бестембровый «белый» звук, и не нарочито открытое народное. Как правильно назвать — пусть решают профессионалы от вокала и фольклора. Но слова оперной Снегурочки «и слушаешь — и таешь!» очень здесь подходят. А ещё веришь всему, понимаешь каждое старославянское, даже диалектное слово и часто предательски наворачиваются слёзы.





Не случайно, наверное, в «Сирине» сакральная дюжина исполнителей — шесть женщин и шесть мужчин.

Каждый из них — настоящий музыкант и личность, все достойны поимённого перечня. Но это, надеюсь, отдельная будущая тема. Слаженность и впетость произведений изумляет. Не то что ни одной фальшивой, а даже сомнительной ноты или гармонии не услышала за весь концерт! И ведь не просто стоят и поют, а всё время действуют. Или сдержанно меняются местами, кланяются как в Рождественских стихирах и раннем партесе XVII века, или устраивают настоящую Народную драму «Царь Ирод».

Говорят, все мы в Рождество становимся слегка детьми. Может быть!

Но и современные дети избалованы высокотехнологичными зрелищами, спецэффектами и т.д. А тут — вынесли большой мешок, разобрали из него корону из фольги для Ирода и смешные картонные мечи для стражников, красочные подлинники старинные сарафаны певиц прикрыли то чёрным плащом, то нежными ручными кружевами Ангела. И зазвучали лубочно-наивные стихи про избиение младенцев и приход Волхов, чередуемые с удивительным пением.

Даже не театр, а его древняя предтеча — мистерия,ปริимитивная и понятная всем.

Но вот явилась к трону Ирода Рахиль с последним уцелевшим ребёнком, и взмахнули мечами жестокие стражники. Тёмно-синий тучок, изображавший младенца, остался целым, но стенала и горевала Рахиль взаправду, с интонациями русской похоронной плакальщицы, что способны пробраться до нутра любого. Слышала наяву однажды: душераздирающе страшно!

В общем, внимали все старинному действу искренне, как и не снилось модным «режоперам». И совершенно естественно в самый момент Чуда, рождения Спасителя, раздавалось стройное многоголосие по-грузински. Древний напев на звучном, но непонятном языке подчеркнул мистику момента. Завершилось представление пререканием Ирода и Смерти, справедливым возмездием душегубцу и, естественно, выносом Рождественской звезды под ликующее «А в Ерусалиме».

Заключительный номер программы — «Сей стих о любви» на музыку Андрея Котова. Стилизация столь хороша, что только после, из буклета, поняла авторство этой светлой, глубокой, какой-то северно-скитской вещи. И «на бис» уходили Сиринцы со сцены под партесные «Многая лета».

Второе отделение того же вечера 12 января стало в лучшем смысле контрастом первому.

Архиерейский праздничный мужской хор Свято-Троицкой Александро-Невской лавры из Санкт-Петербурга — коллектив молодой, создан в 2010-м году в преддверии подготовки празднования 300-летия Лавры.

«Основными задачами стало возрождение церковно-певческих традиций Невской Обители, поиск малоизвестных

песнопений и введение их в празднично-концертную практику, расширение репертуара и гастрольной деятельности», — из буклета фестиваля.

Академизм высшей пробы.

Шестнадцать мужчин звучали мощно и стройно — опять интонационно не к чему придраться. Не стану утомлять перечислением всех семнадцати номеров программы. Это произведение позднего церковного многоголосия, начиная со Степана Дегтярёва (1766-1813) и Дмитрия Бортнянского (1751-1825) и заканчивая авторами 20 века. Среди них, наряду с сугубо духовными авторами А. Кастальским, Я. Чмелёвым и Дм. Аллемановым, и светский классик Александр Гречанинов.

Особое имя — Николай Голованов, тот самый — кто не в курсе — главный дирижёр Большого театра и кремлёвский фаворит, дирижировавший сводным оркестром на панихиде по Сталину в марте 1953 года. Николай Семёнович, будучи глубоко религиозным человеком, писал свои духовные хоры-любые сочинения «в стол», как отдушину, не надеясь услышать их исполнение. Его «Тебе поем» хор исполнил очень проникновенно.

И Гречанинов «удался», если это слово применимо к духовной музыке. «Единородный сыне» окунул в традиции древнего распева. Во время пения «О тебе радуемся» с громким хлопком, почти как выстрел, лопнул фонарь в зале. Но хор даже не прервал легато! Только молодой, сияющий постоянной улыбкой залу регент Антон Марущак, чуть повёл взглядом. Песнь Гречанинова «Воскликните, Господеви!» прозвучала безупречно.

Оригинальная обработка европейского рождественского «хита» «Ночь тиха» Грубера дала понять, что и западный репертуар хору не чужд.

Изюминкой финала стали украинские колядки в обработке Миколы Леонтовича.

«Що то за предиво», «Землю юдейську» и особенно запомнилась ласковостью мелодии «Пречистая Діва». Ну а на бис Архиерейский хор явил всю мощь в «С нами Бог» А. Зиновьева.

Прекрасно, когда послекуисе от концерта не обманывает ожиданий, когда чуточку завидуешь сама себе, что побывала там. Что может быть ещё сильнее в шкале положительных эмоций? Разве встреча с чем-то совсем новым, другим, экстра-класса. Тогда замираешь в восхищении: «вот какие чудеса могут творить люди». Всё это о Патриаршем хоре кафедрального собора Святой Троицы в Тбилиси.

Грузия — одна из самых «певучих» стран,

где даже в глухой горной деревушке крестьяне за праздничным столом и теперь легко строят полифоническое многоголосие на зависть консерваторам. Что уж говорить о специально отобранных, обученных церковных певцах?

Друзья-сверстники и постарше, кто бывал ещё в Грузинской ССР на экскурсиях, сразу делились, как зашли в сельский храм, древностью камней сравнимый с византийскими базиликами, и обмерли от ангельского пения. Но что делать — не довелось тогда, а теперь в независимую Грузию слетать и вовсе посложнее, чем в Испанию или Германию. Только купленная много лет назад в культурном центре З. Церетели компакт-кассета давала первое представление о дивной смеси амвросианской в основе монодии, щедро расцвеченной грузинским многоголосием.

Всё это было в концерте 14 января. Канонически легко переводимые на русский родные православные названия: «Иже Херувимы», «Аще и во гроб снизошел еси», «Ангел вопияше», открывшие концерт. И более специфичные: «Ты есть Лоза», обращённый к Богородице, или «Улхине» — «Помилуй, даруй радость утешения», спетые в начале второго отделения.

Суровая арханка напева, что могла слушать и великая царица Тамара, смягчалась почти неземным пиано, лежащим на органичных глубоких басах.

Цепное дыхание — фантастическое, бесконечное! Ощущение, что ещё малость — и воспаришь вместе с музыкой.

Но созданный в 1998 году по инициативе и с благословения Блаженнейшего и Святейшего Католикоса-патриарха Илии II коллектив кроме всего богослужебного цикла участвует в известных фестивалях, активно гастролирует. Помимо уникальных средневековых грузинских полифонических произведений (начиная с V-VI века) исполняет и народные песни, а также сочинения других стран и эпох.

Полный состав хора — 60 певцов, на сцене Светлановского зала насчитала максимально 36. Удивило, что типично грузинские лица в меньшинстве. Молодые, от 30 до 40 лет интеллигентного средневропейского вида мужчины, далеко не жгучие брюнеты. Но что они творили своим пением! Поверию, если у кого-то из публики от такого звучания прошли или сильно ослабели хронические болячки.

Terra incognita — это произведения современных грузинских церковных авторов.

Счастье, что хоть маленький кусочек этого богатства приоткрылся нам. «Псалом» Иосифа Барданашвили, «Прощай» и «Хорал» Иосифа Кечакмадзе — пример того, как традиция гармонично сочетается с веяниями 20 века, создавая истинную Красоту.

Нечто космическое, опрокидывающее любые понятия о технике мужского хора а capella — «Экзерсис» Иосифа Кечакмадзе, исполненный без слов, большей частью с закрытым ртом. Эти малые секунды, взлёты и падения динамики от пяти пиано к фортиссимо, пряно-острые гармонии! Любой голливудский оскароносный создатель саундтреков к «внеземным» фильмам, услышав такое, должен бы разбить навороченный синтезатор, и смиренно попроситься в ученики.

Один из хормейстеров — Звиад Болквадзе — выступил на сей раз и как композитор: «Есть где-то блаженный мир», и сам исполнил другое своё произведение «Жизнь». Оба номера слушались с трепетом. Солировал совсем молодой (1981 г. р.), но

очень крепкий и мужественный Звиад с полной самоотдачей. Его не вполне академический, с приятной народной патиной баритон как нельзя лучше подошёл к песнопению, в котором, наверняка, и слова значимые, философские. Но даже без перевода было понятно — о чём это.

Хочется поблагодарить обоих хормейстеров-регентов — Свимона Джангулашвили и Георгия Донадзе.

В первом, академическом отделении, где все участники и дирижёр стояли в простых чёрных рубашках и брюках, это был Свимон Джангулашвили — высокий, очень худой мужчина на вид лет за сорок. Трепетные руки, нервное тонкое лицо, излучающее энергетику. Владение коллективом полнейшее!

Второе отделение сделало акцент на «традиционную грузинскую народную полифонию».

Оказывается, любой скромный интеллигент, надев черкеску с газырями и прицепив кинжал у пояса, резко хорошеет! И хормейстер здесь вышел под стать — Георгий Донадзе: молодой, плотный, с антично-крупными чертами лица и каким-то особой формы кинжалом. Настоящий джигит!

Восемь народных песен чередовали могучее многоголосие древних трудовых и земледельческих напевов и явно более поздние любовные сольные номера под аккомпанемент пандури (грузинская трёхструнная разновидность лютни). На пандури мегрельскую лирическую играл и сам хормейстер.

Градус отклика почти аншлагового зала повышался от номера к номеру, аплодисменты переходили в овацию, неслись крики «браво» и «спасибо». На бис выложившиеся тбилисцы преподнесли сюрприз — «Подмосковные вечера». С неожиданно минимальным акцентом и, естественно, вкусо по-грузински гармонизованные.

В первый вечер старого православного Нового года 14 января захотелось поверить, что оказавшийся возможным по церковным каналам приезд потрясающего грузинского Кафедрального хора даст новое начало полноценному культурному обмену между Россией и Грузией, вопреки интригам политиков.

Татьяна ЕЛАГИНА

Фотографии предоставлены пресс-службой ММДМ





Детский бал в Гентской опере

Рождество уже миновало, а до мартовского роздыха, называемого здесь Крокус-каникулы (по имени первых весенних цветов) с традиционным карнавалом, ещё далеко. Обычно в середине января Фландрская опера предоставляет одно из своих красивейших помещений, зал Люлли, для детского бала в исторических костюмах.

Прохожие на улице с умилением оглядываются на стекающих к зданию оперы маленьких девочек в длинных атласных и кисейных платьях; мальчики тоже есть, но их, увы, как всегда, остра нехватка.

Бал ежегодно устраивает и проводит танцмейстер Ливен Барт с помощницей, Мадемуазель Йозефин. Собранным детям преподаются первые уроки изящества, хороших манер в старинном стиле (датами им голову не морочат) и, конечно, танцев: менуэтов, сарабанд, маршей и вальсов.

Роскошный декор огромного зала Люлли настраивает на торжественный лад, все люстры включены, драпри гардин подобраны, паркет блестит, и танцмейстер призывает особо ретивых быть осторожнее, чтобы бал не закончился рёвом от разбитой коленки.

Мальчики разучивают поклоны, которыми приглашают девочек на танец, те в ответ приседают в реверансе. Дети повторяют простые фигуры сперва под щёлканье кастаньет танцмейстера, а затем уже под музыку. Млеющие папы и мамы с фотоаппаратами сидят по периметру зала и не подозревают, что предпоследний танец предназначен им.

Это Grossvater Tanz, выход родителей, как в «Щелкунчике».

Первоначальная его форма — восьмитактовый период Andante на три восьмых и 10 (5+5) тактов Allegro на две четверти в переменных темпах с последующим возвратом к Andante — приписывается немецкому композитору Карлу Готлибу Герингу, разумеется, нашедшему его в фольклорной музыке. Людвиг Шпор включил его в свой Праздничный Марш, написанный ко дню свадьбы принцессы Марии Гессенской в

1825 году. Затем этот танец дважды звучит у Роберта Шумана: в «Бабочках» и «Карнавале». И наконец Чайковский включил его в сцену бала в первом акте «Щелкунчика» в 1892 году.

Родители с непривычки и от смущения путаются, дети хохочут.

Бал завершает общий танец родителей и детей и лёгкое угощение, но расходиться никому не хочется, и можно ещё долго видеть, как какая-нибудь девочка блаженно кружится в полном одиночестве в старинном пышном зале.



Живопись

Выставка в Лондоне Константина Янова (1905 – 1996)



Выставка Константина Павловича Янова (1905 – 1996), открывшаяся 12 мая в представительстве Россотрудничества в Лондоне, продолжает одно из направлений, наметившихся в современной выставочной деятельности: желание обратить внимание зрителя на художников, в силу различных причин не вошедших в ряд часто упоминаемых, выставляемых и цитируемых, работы которых, однако, создают определённое поле, существование которого совершенно необходимо для развития искусства.

Дочь художника, присутствовавшая на открытии, рассказала, что ее отец полюбил Лондон по репродукциям и рассказам, но не смог побывать здесь. Поэтому она решила таким образом отдать дань памяти отцу и его творчеству – привезти работы художника в место, которое он мечтал посетить.

Константин Янов родился в Польше, детство провёл вблизи поместья Радзивилов, где жил и творил Э.Т.А. Гофман. Рисовать начал рано, в 13 лет переехал с отцом в Петроград и сразу поступил в Рисовальные классы Общества поощрения художников при Академии художеств. Янов учился вместе с сыном Кустодиева, с Юрием Васне-



цовым, Валентином Курдовым, Георгием Трауготом, Леондом Каратеевым, Василием Купцовым и Израилем Лизаком. Студенты считали Константина едва ли не самым талантливым на курсе, профессора предрекали блестящее будущее.

Но особый нетрадиционный взгляд на искусство не приветствовался в 20-е годы. Янова записали в «безродные космополиты» и доучиться не дали. Он был чужд как нарождавшемуся соцреализму, так и авангардным течениям этого времени. Константин Павлович начал работать художником на студии «Белгоскино», которая впоследствии разделилась на «Ленфильм» и «Леннаучфильм». Здесь, уже в должности режиссёра научного кино, Константин Павлович трудился вплоть до 80-х годов.

Он очень много рисовал карандашом, углём, красками: часто на обрывках газет, а в 70-80-е – на компьютерной бумаге. К сожалению, многие работы К. Янова утеряны: часть погибла в блокаду, часть была продана неизвестным владельцам. Несколько ранних работ 20-х годов находятся в Италии, в галерее «Капитани»; некоторые работы хранятся в частных собраниях России, Италии, Германии.

Константин Павлович очень хотел, чтобы его работы выставлялись и были увидены. Несколько камерных выставок прошли при жизни художника в доме Кино, на киностудии «Леннаучфильм». В 1985 году готовая, уже смонтированная выставка в кинотеатре «Балтика» была запрещена – за несоответствие идеологическим нормам того времени. Первая посмертная выставка состоялась в помещении ЛОСХа (Союз художников СПб) зимой 2011-12 гг. Две небольшие выставки успешно прошли в Берлине в 2012 и 2013 гг.

Сегодняшняя выставка Константина Янова представляет собой практически полную ретроспективу его работ – начиная с рисунков 20-х годов и заканчивая поздними гуашами конца 80-х.



Жанна Лисовская

Родилась в России в 1973 году. Детство и юность провела в городе Ярославле. Окончила Художественное Ярославское Училище с лучшим дипломом года. В 20 лет переехала жить в Испанию. Более 10-ти работала художником и дизайнером в Барселоне. С мужем создали два интернет-портала: www.costabravaru.com и www.barcelonaru.com, издаём журнал «Коста Брава по-русски». Сотрудничаем с прекрасными авторами.

Последние 6 лет живём на Коста Брава в известном курортном городе Льярет де Мар. Преподаю изобразительное искусство для детей и взрослых в своей не большой студии живописи. Пишу картины, рисую иллюстрации к своим сказкам и произведениям своих друзей.

У меня двое детей, они родились в Барселоне. Сын и дочь читают русские книги, смотрят хорошие русские фильмы, занимаются музыкой, рисованием и спортом. Телевидение в нашем доме отсутствует.

Несмотря на то, что живу в замечательной Каталонии, очень люблю Россию. Наши проекты направлены на поднятие культурного уровня и статуса России в Европе.

С 18 лет я занимаюсь йогой, изучала психологию, культуру и религии разных стран. Очень люблю животных и природу. Считаю, что человек каждый день совершает свой выбор. И каждый сам ответственен за то, что с ним происходит. И это прекрасно! (Картины Жанны Лисовской, представлены на обложке)

Сказки Светланы Савицкой

ПЛАТЬИЦЕ В ВИШЕНКАХ

На день рождения мама одела на Танюшку белое платьице в вишенках, белые носочки, белые сандалики, повязала на головку большой белый бант.

Вышла Танюшка гулять. Но никто на её платьице в вишенках внимания не обращает. Петя куличи в песочнице стряпает, Машенька из пучков травы садик делает для куклы, а Нелька воображала вообще с книжкой вышла, хотя читать не умеет!

- А у меня новое платьице! – похвасталась Танюшка. Но никому не было до этого дела.

Тогда она отобрала у Нельки книжку и бросила прямо на куличики из песка, а потом и садик разрушила. Заплакали детки.

Тут гроза началась. Да быстро. Дождик все быстрее льет. Петя скорее ринулся спасать свои формочки и совочек, складывает их в ведерко. Машенька одевает кофточку на любимую куклу, чтобы она не простудилась. Нелька книжку отрясает от песка. А ливень как из ведра опрокинулся. Гром. Молнии. Выбежали детки из песочницы, и к дому.

Танюшка причитает:

- Ах, мой новенький бантик, ах, мои беленькие носочки, ах, мое платьице в вишенках!

Ахала, ахала, и упала в лужу. Теперь и Танюшка заплакала. А детки засмеялись. Уж больно она была забавная в этой луже!



ВРЕДНЫЕ РОМАШКИ

Девочка срывала ромашки, обрывая лепестки. И каждая говорила ей:

- Не любит!

За полчаса все цветы из палисадника выпотрошили ревнивые ручки. Но вот, появился предмет её обожания – мальчишка с лейкой. Девочка как раз обрывала лепестки с последней ромашки.

- Не любит, - сказала вредная ромашка.

- Что ты делаешь? – воскликнул мальчик, - Сейчас же уходи отсюда! Вот негодная девчонка!

И девочке пришлось убежать.

«Точно, не любит, - подумала она, - надо было поверить первой ромашке!»

ИСПАНСКАЯ ЛЕГЕНДА



Городок Льорет де Мар находится одним из самых живописных уголков Средиземноморья. Удивительные по красоте пляжи с крупным золотистым песком, окружены обрывистыми скалами, поросшими ливанскими кедрами и алепскими соснами, стволы последних всегда наклонены на юг, за что древние мореплаватели прозвали их деревьями-компасами.

На одной из таких отвесных скал, у самого изумрудно-синего моря, возвышается «средневековый» Замок Плаха с высокой башней, знакомый каждому, который хоть раз побывал в Льорет де Мар. Но не смотря на свой средневековый вид, построен он в сороковых годах XX века архитектором Исидором Боска. Сейчас этот замок красуется на открытках и буклетах для туристов, став негласным символом города. Хотя сам город имеет многовековую историю.

Местные жители рассказывают о происхождении своего города красивую легенду. Когда-то давно всемогущие боги жили вместе с людьми на живописном берегу Средиземного моря. И вечно юный бог Аполлон однажды влюбился в прекрасную нимфу Дафну, давшую когда-то слово хранить целомудрие. Аполлон, домогавшийся её любви, сильно напугал юную нимфу. Дафна изо всех сил старалась убежать от опьянённого страстью сына Зевса. И когда он почти достиг объект своей любви, нимфа взмолилась о спасении к своему отцу, речному богу Пеней. Пеней услышал мольбы дочери и мгновенно превратил её в лавровое дерево с пышной кроной. Тщетно обнимал несчастный Аполлон стройный лавр. Дафна исчезла для него навсегда. Со временем на этом месте выросла целая лавровая роща. В её честь это место назвали Льорет, так трансформировалось лагинское слово «лавр». Исторически оно известно с 966 года, как Лоредо, что значит «лавровая роща».

Именно в Льорет де Мар мы и встретились с русской художницей Жанной Лисовской.

- Жанна, как давно ты живёшь в Испании? Что послужило толчком, переехать из России сюда?

- Своё детство я провела в древнем русском городе Ярославле, на берегах Волги. Это было счастливое время. Я была совсем маленькой, когда родители разглядели во мне способности к рисованию и творчеству, и всячески помогали мне в развитии художественного таланта. Они были так молоды. Мы вместе гуляли в лесу, купались в речках, собирали землянику,

любовались закатами, читали книги. Часто ездили в Санкт-Петербург к моей тётке, где я часами без усталости бродила по величественным залам Эрмитажа... Всё было замечательно. Но в моих снах я часто видела, как волны тёплого моря ласкают золотистые берега далёких тёплых стран. В моих детских мечтах я жила там, где растут вечнозелёные деревья, где нет зимы, а люди веселы и беззаботны.

Однажды эта мечта стала реальностью. Когда мне исполнилось 20 лет, я вдруг собрала два чемодана, - один с одеждой, другой с книгами, - и отправилась в солнечную Барселону, где творил великий Гауди. Сейчас я понимаю, что это был сумасшедший поступок. В Барселоне меня никто не ждал, я не знала испанского языка. У меня была лишь светлая мечта, вера в себя и не много денег на первое время.

- Как же тебя встретила Барселона?

- Знаешь, Барселона признана третьим самым счастливым городом мира, после Рио-де-Жанейро и Сиднея. Я это ощутила с первого дня своего пребывания в ней. А пожив полгода в Барселоне, я сама себе сказала: «Это не просто город, это живое существо, личность! Красивая, многоликая, шумная и тихая, загадочная и гостеприимная». Когда я уезжала из Ярославля, мне все твердили: «Куда ты едешь? Кому ты там нужна!». А оказалось, что нужна. В Барселоне я прожила ярких и насыщенных 12 лет своей жизни. Я работала и дружила с интересными людьми. Они многому меня научили.

- Как же Россия, ностальгия? Не ужели ты не скучала по родине?

- Понятие родины для меня не однолико. Есть родина моего светлого детства, где поют соловьи, по утрам в тумане гонят коров на пастбище. Там, где остались мои верные подружки и первая детская любовь. Мои мудрые учителя. И ещё много всего, дорогого моему сердцу.

Есть и другое место на земле, где родились мои дети, где мой дом, любимые муж и мама. Здесь я живу, люблю, творю.

Но существует ещё одна родина. Её не описать словами. Она глубоко в душе, ею поглощено всё моё существо, там мои истоки. Оттуда мы пришли, и однажды туда вернёмся.

- Жанна, ты рассказывала, что жила в Барселоне. Но почему ты переехала в такой небольшой и сравнительно тихий Льорет де Мар?

- Мне всегда было интересно, как это люди живут в этих маленьких курортных городишках. Где все друг друга знают в лицо. Где летом население города увеличивается в десять, а то и больше раз. А зимой изредка встретишь прохожих на тихих улочках. Здесь мы живём уже 5 лет. В этом есть своя прелесть.

- Я знаю, что Льорет де Мар считается одним из самых популярных курортов на Коста Брава. Много ли приезжает туристов из России?

- Да, очень много. Я прочла в одной местной газете, что в прошлом году только лишь на Каста Брава побывало около 12 миллионов русских туристов. И многие из них останавливались в Льорет де Мар, - это естественно. Здесь много хороших гостиниц, прекрасная инфраструктура, одни из самых красивых и чистых пляжей в Европе. И, конечно, есть, что посмотреть. Эти места богаты не только красотой природы и хорошим климатом, но и культурным и историческим наследием. А про средиземноморскую кухню, думаю многие знают.

- Сколько наших соотечественников проживает в Льорет де Мар?

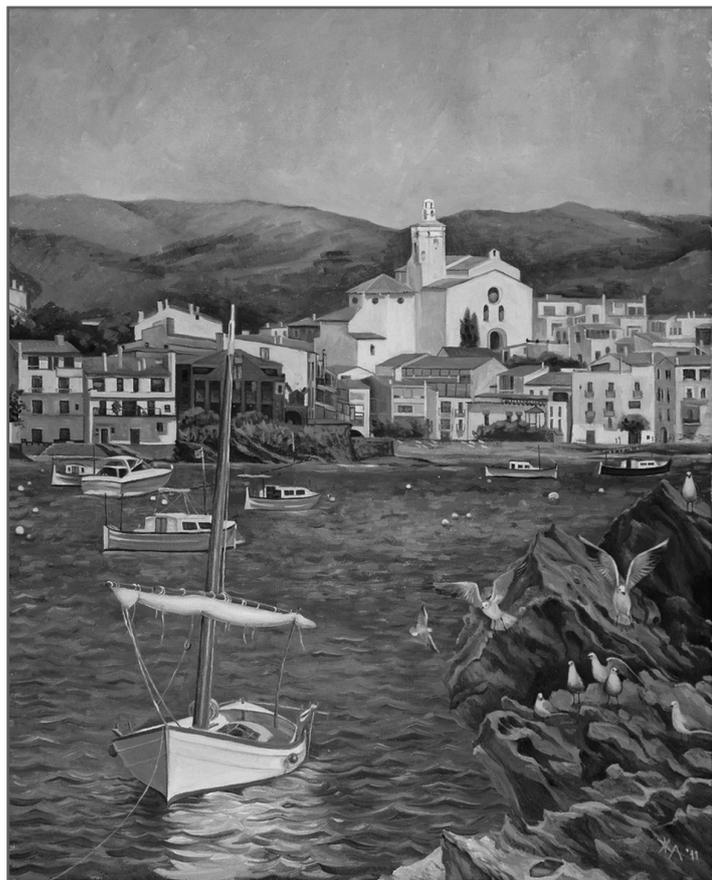
- Много. Здесь одна из самых многочисленных русских диаспор в Испании. Каталонцы очень положительно к нам относятся. Русские детишки прекрасно себя чувствуют в местных школах. Учителя их ценят за любознательность, острый ум и врождённые высокие творческие способности.

- Твои дети родились в Испании. Говорят ли они на русском языке?

- Да, это язык, на котором они думают, пишут и читают. С самого их рождения я была озабочена вопросом сохранения в семье русских традиций и языка. Сначала дети узнали о существовании родного языка, и лишь спустя несколько лет стали изучать каталонский, испанский и английский.

- Жанна, расскажи о своём творчестве, чем ты занимаешься последнее время.

- Сразу после переезда в Льорет де Мар я открыла школу изобразительного искусства. Мои дети и их друзья любят рисовать. Вот мне и захотелось научить их, тому, чему в своё время учили. Со временем ко мне на занятия стали приходить и взрослые. Занимаются дети и их родители вместе. Атмосфера в студии чудесная, большая библиотека из книг по исто-



рии искусств. Постепенно выработался свой стиль обучения. Главное, чтобы человек не боялся быть самим собой. Мы все такие разные, и творческое выражение у каждого своё.

- Жанна, у тебя такие светлые картины. Откуда берутся образы?

- Образы приходят сами. Я давно занимаюсь йогой, изучала разные техники медитации. Но самая лучшая медитация для меня – это живопись. Такого погружения в глубину себя самой, взаимодействия со всем, что меня окружает, единения и тишины, я могу достичь только через творчество.

- Ты живёшь в такой красивой стране. Красота природы всегда являлась вдохновением для художников.

- Мы с мужем любим путешествовать, причём пешком. В прошлом году прошли 800 км по северному пути Сантьяго, от Страны Басков, через Кантабрию, Астурию и Галисию, до легендарного Сантьяго де Кампостела. Мы шли по горам, через эвкалиптовые рощи, спускаясь в долины с зелёными сочными лугами, на фоне бескрайнего голубого океана. Заходили в самобытные испанские городки. Нас угощали пенным сидром, свежеспечённым хлебом с хрустящей корочкой и вкусным, немного терпким деревенским сыром. После этого вдохновляющего путешествия, мне кажется, что у нас в венах изменился состав крови, сделав нас романтиками на всю жизнь.

- Жанна, я знаю, что ты ещё и талантливый иллюстратор.

- Иногда в жизни встречаешь человека, и на душе становится теплее, радостнее, а вокруг как-то светлее. И ты понимаешь – этот человек особенный. В моей жизни не много было таких моментов. И один из них – знакомство с писателем Светланой Савицкой. Это удивительная миниатюрная женщина, одарённая многочисленными талантами и прекрасным любящим сердцем. По-детски задорная, интуитивная, и в тоже время глубоко чувствующая, чётко анализирующая происходящее. Я люблю то, что она пишет, и её сказки. Вот к этим-то сказкам мне и захотелось нарисовать иллюстрации.

- Расскажи о совместных с твоим мужем проектах.

- В Испании мы издаём журнал «Коста Брава по-русски», в котором, кстати, печатаются главы из книги об Испании Светланы Савицкой. С нашими друзьями в Москве мы издали журнал «Испания сегодня», куда также вошла часть её книги об Испании.

Уже несколько лет мы рассказываем о Коста Брава и Барселоне на страницах наших электронных журналов: CostaBravaRu.com и BarcelonaRu.com

- Какие художники были твоими духовными наставниками?

- Когда я училась в Ярославском Художественном училище, мне очень повезло с учителями. Мой учитель живописи, Борис Васильевич Бухта учил нас не просто быть художниками, он учил нас быть хорошими людьми. Взгляд его добрых, умных, спокойных глаз я ощущаю на себе до сих пор.

- В чём смысл творчества и жизни?

- Думаю, что жизнь уже сама по себе является актом непрерывного творчества. На чистом искрящемся холсте каждый из нас пишет свою жизнь.

- Ваши планы на будущее?

- Писать картины, рисовать иллюстрации, развивать проекты с журналами, путешествовать.



АИДА ЛИСЕНКОВА-ХАНЕМАЙЕР: «любить человека – это главное»



Ее картины пронизаны светом, добром, гармонией и романтикой. Аида – с таким именем художественный псевдоним уже не нужен. Так зовут художницу, родившуюся в Эфиопии, учившуюся и работающую в Москве. Живописные и графические работы Аиды Лисенковой - Ханемайер известны не только в нашей стране, но и за ее пределами – в США, в Греции, в Германии, в Польше. Ей тонко удаются изображения людей, она лирически прочувственно пишет пейзажи, выступает порой как художник-флорист, когда ее кисть рождает удивительно объемные и нежные «портреты» цветов. Они становятся романтическими и возвышенно чуткими, искренними, как и их создательница...

От Африки, где мы оказались по работе отца – он инженер, всю жизнь строил гидротехнические сооружения, – остались младенческие впечатления о том, что что-то надо мной свисало, – рассказывает Аида Лисенкова. – Когда я первый раз увидела пальму в детстве, я сказала маме, что это мне уже знакомо. Мама ответила, что коляску со мной выставляли на балкон, а там стояли пальмы в кадучках. Вот их свисающие ветви я и видела, будучи младенцем. Еще помню что-то смутное, мерцающее, неопределенное, мне очень хочется это посмотреть. Много лет спустя я поняла, что это была наряженная елка, которую нам в Африку на Новый год прислал наш друг художник Борис Анатольевич Шолохов. Когда мне исполнился год, меня отвезли в Волгоград к бабушке и дедушке.

– Как вы начали рисовать?

– Рисование я не выбирала. Так получилось, что со мной остался посидеть друг моих родителей, уже упомянутый Борис Анатольевич Шолохов, когда меня вернули из Волгограда в Москву. Надо было чем-то занять ребенка. Он мне что-то рисовал, я за ним повторяла. А когда мои родители вернулись домой, он попросил их отдать меня к нему на обучение, и они согласились. Помимо рисования, меня пытались учить музыке, балету, другим разным вещам, но все понемногу отсеклось, и я занималась только рисованием.

– Расскажите о вашем первом учителе Борисе Анатольевиче.

– Он потомственный Шолохов, из той ветви, откуда произошел и знаменитый писатель Михаил Шолохов. Что касается моего учителя, то у него перед тем, как он начал заниматься со мной, случилась трагедия – погиб младший сын. Ребенок катался на велосипеде, упал, повредил колено. А тогда случился радиационный выброс, и у него стремительно развилась саркома. Малыша не спасли, а он был очень талантливый художник. Борис Анатольевич возлагал на него большие надежды, вкладывал в него много душевных сил. Он ходил сам не свой, потеряв сына, и у моих родителей, можно сказать, меня пятилетнюю позаимствовал. Мне по-своему повезло, меня почти удочерили в художественном плане. Правда, меня звали, как мальчика: «Айчик, где твой этюдник?», «Айчик, бегом!», «Айчишка, не отставай». Ему было так проще со мной разговаривать. Так я росла около художника, впитывала все, что можно было.

– Чему и как он вас учил?

– Оглядываясь назад, я понимаю, что мне было очень важно само общение с ним. Проникновение в то, что пришла смелость, что я художник, что нет никаких ограничений и страха нет. Реальное ощущение крылатости, чувство, что все возможно. Под конец он говорил мне: «Я теперь учусь у тебя, потому что ты умеешь посмотреть, придумать, сделать. А вот я привязан к натуре. Меня слишком много учили, во мне слишком много академизма».

– Как проходило дальше ваше обучение?

– Шолохов сначала привел меня в школу на Кропоткинскую. Он всем рассказывал, что простым карандашом ребенок умеет рисовать так, что видны цвета в этом черно-белом рисунке. И тут учительница взяла ручку и стала чертить на рисунке оси. На него это произвело убийственное впечатление. Такой талантливый ребенок, а начали какие-то оси чертить по таким шедеврам! Он схватил папку с моими рисунками: «Я сам буду ее обучать». Вышли мы оттуда, он говорит: «Я у заочников веду занятия в Полиграфическом институте. Будешь приходить и прятаться, слушать лекцию и рисовать натуру. Главное, чтобы ты там не попалась». Спасибо моему папочке, он возил меня в институт после школы, а ночью я учила уроки. Я всем говорю, что Полиграфический институт я закончила дважды: с 5 по 10 класс и после 10 класса. Родители не хотели, чтобы я поступала в Суриковский институт. Это свободный художник, вечно голодный, говорили они, пусть она где-нибудь в издательстве будет работать. Главное, когда я пришла поступать в Полиграфический институт, кончив школу, у меня было так много рисунков, что их хватило на весь мой класс. Все для поступления брали у меня рисунки, ведь сначала шел отбор по ним. Сложно было поступать, пришлось понервничать. Когда я, наконец, там оказалось, у меня было пять лет счастья. Я поступила куда хотела, я художник! Но потом Господь все равно меня от полиграфии отвел, это оказалось не мое. С позиции времени я понимаю, что все это не случайно, все прошло через страдания. Уводили меня от полиграфии к тому, чтобы я стала свободным художником. И когда я стала работать как свободный художник, ко мне пошли и заказы, и деньги, а в полиграфии не шло. Пришла я как-то к одному художнику, мастерская у него просторная и спрашиваю: «А где же ваши работы?» «Ну, я не настолько богат, чтобы живописью заниматься», – отвеча-

ет он. Сидит себе за столом, делает полиграфические работы. Я-то живу живописью, а полиграфия мне как раз ничего не приносит. А человек, который не учился на полиграфиста, зарабатывает полиграфией. Прямо сюр получается. Я умею это делать, но мне это не дано, как выход в жизнь. Оказывается, у человека есть определенный путь, который ему надо пройти. Тебе – сюда, а вот этому – туда. Как бы ни старался туда, тебя все равно оттуда выкинут. Будут неприятности, неудачи, несчастья, если ты идешь не по своему пути. Существует Божий промысел о каждом человеке, и надо к нему прислушиваться.

– Аида, вы член Международной Академии портретистов-профессионалов и член ассоциации художников-портретистов России. Ваш большой проект, над которым Вы сейчас работаете – написание портретов Героев России и Советского Союза. Какой у вас подход к человеку при работе над портретом?

– «Первое, чему ты должна научиться, – говорил мой учитель – это разговаривать с человеком. Нельзя, чтобы человек, который сидит перед тобой, молчал. Нужно, чтобы он с тобой общался. А второе – ты должна его любить. Если ты не любишь человека, с которым общаешься, тебе лучше его не рисовать, иначе получится урод. А уроды нам в жизни не нужны. Пусть кто хочет, рисует уродов, а ты чтобы этого не делала. Если ты не любишь человека, под любым предлогом откажись от портрета. А если тебе человек приятен, ты его готова любить как самого лучшего человека на свете, тогда рисуй. Чем больше ты его любишь, тем лучше у тебя получится». Я всю жизнь следую этому лозунгу. Сделала несколько сотен портретов. Спустя много лет смотрю на работы своего учителя, которые раньше мне казались вершиной творческого идеала, и понимаю, что иногда ему не хватало любви. Видимо, он от этого страдал. Слава Богу, мне Господь дает эту радость. Я искренне люблю человека, с которым работаю. Может быть, это наработано, может быть, скрестилось с характером. Мне это очень помогает в жизни. Если что-то в этом плане изменится, я буду самым несчастным человеком в мире, и творчество мое остановится. Все лучшие мои работы построены на отношениях.

– Вы рисовали Пушкина и Наталью Николаевну. Как вы к ней относитесь?

– Эту работу я писала, уже будучи замужем, имея опыт жизни с человеком тоже творческим, непростым. У меня был очень талантливый муж, философ. И я через призму своего отношения, своих повзрослевших взглядов на жизнь, стала понимать, что нельзя однозначно смотреть на жен гениев. В них, действительно, часто кидают камни. Я даже начала целую серию работ – гении и их жены. Читала их письма, дневники, пыталась понять, какие у них были отношения. Мне интересна сама ситуация, когда гений счастлив с этой женщиной. В данном случае я писала счастливого Пушкина. Как он был счастлив, что при этом он чувствовал, какое у него было настроение и какое – у самой Натали. Я могла написать их просто, как икону, но для меня было важно пройти через внутренние ощущения. Важно было понять, что между ними было в интимной обстановке, не напоказ.

– Наверное, тяжело быть женой гения?

– Не просто тяжело, а очень тяжело. Я сейчас рисую портреты героев России, подружилась со многими семьями, с женами героев. Это необычные женщины, так же как и жены гениев. Женщины, которые живут для карьеры своего мужа. Часто они очень талантливые, очень умные, личности с большим потенциалом. И при этом они полностью отдают себя своему мужу. Подчас он, может быть, в чем-то и уступает этой женщине, по своим способностям. Но он – герой, он – заслуженный, и она отдает ему свою жизнь, весь свой талант. Она становится как бы на ступеньку ниже рядом с ним. И это, наверное, судьба очень многих женщин, которые оказались рядом с гениями. На что могла претендовать женщина времен Пушкина? Может быть, она могла стать великим поэтом, писателем, знаменитым ученым? Нет, не могла. Хотя и сейчас к мужчинам больше доверия. Выйдет к вам бородастый дяденька и скажет: «Я художник» или женщина вроде меня. Женщине во много раз больше нужно сделать, чтобы к ней проявили уважение. Поэтому большое спасибо Клубу героев, которые не побоялись доверить мне написание портретов. Я им очень признательна.



– Аида, когда вы рисуете, вы чувствуете себя женщиной, или у искусства нет пола?

– Я вас сейчас обескуражу. Есть пол и в живописи, и в музыке, и в других видах искусства, но он не зависит от пола человека. Часто бывает женский пол работ у художника-мужчины, и наоборот. Знаете, почему? Потому что мы все имеем и то, и другое в своем характере. Наши гендерные признаки не всегда совпадают с нашим душевным состоянием. Часто в творчестве человек выражает свою истинную душевную организацию. Так получается, что иногда женщины-художники бывают очень жесткими, резкими, мужскими, как, например, знаменитый скульптор Вера Мухина. Видна чисто мужская рука. Бывает и наоборот. И в живописи то же самое. Мне нередко делали комплимент: «В данном случае ты уже не художница, а художник». Мне это приятно, потому что я не хочу выглядеть художницей. В моем понимании – это что-то такое с кружевами, с цветочками, какие-то вышивки, ближе к рукоделию. Хочется встать на ступеньку выше и сказать: «Рассмотрите меня всерьез». Не потому что я такая феминистка, а просто так сложилась ситуация в обществе, что всерьез часто смотрят именно на мужскую работу, не обращая внимания на то, что есть еще и женщины, которые могут позволить себе нормально работать. Вообще мне не нравится вот это разделение искусства на женское и мужское. Возможно, в этом виноваты и сами женщины, которые часто ведут себя неправильно, как пресловутые блондинки из анекдотов. И в политике бывают такие женщины, на руководящих должностях. Меня это раздражает и вызывает внутренний протест. Хотя я совершенно не хочу сказать, что женщина должна подражать мужчине. Нет, зачем же, можно быть изящной, красивой, женственной и при этом деловой.

– Как вы воспитывали дочь? Расскажите о ней.

– Дочь у меня поэт от рождения. Когда мы оказались перед выбором, в какой кружок ее определить, почему-то поэтической секции не оказалось. Я обратилась в администрацию района, спрашивала везде, и мне сказали, что есть такая женщина, Татьяна Георгиевна Шубина, мама знаменитого писателя Дмитрия Емца, которая занимается в детской библиотеке поэтическим кружком, и можно туда записаться. Мы к ней пришли, подружались, и моя Ксюша получила очень хорошее образование. Все дети, которые после этого кружка поступали в Литературный институт, все поступили. Ксюша подала сразу на три отделения: поэзии, прозы и драматургии, всюду прошла, и тут выяснилось, что она еще прошла и на философский факультет МГУ. Она выбрала философию, и сейчас учится в аспирантуре. С ней у нас очень хорошие, дружеские отношения. Она уже замужем.

– У вас есть изумительный портрет Марины Цветаевой «Душа неотпетая». Как вы его рисовали?

– Я познакомилась с совершенно искрометным человеком, биографом Цветаевой Станиславом Айдиняном. Благодаря его увлеченности, Марина Цветаева стал мне близкой и родной. Через месяц-другой нашего знакомства я уже чувствовала, что это моя тема на всю жизнь, настолько одна личность повлекла за собой столько впечатлений о другой личности. Мне стало интересно узнать про Цветаеву все. Чем больше я стала во все это вникать, чем больше я стала рассматривать ее не с позиций поэзии, а как живого человека, неординарного, непохожего на других, с биографией, со своими страстями, со своими внутренними переживаниями. Нельзя ее воспринимать, как икону, как идеального человека. Марина Цветаева была идеальным неидеальным человеком. Когда во все это вникаешь, начинаешь понимать, что написать портрет, просто скопировав фотографию – это глупо. На многих фотографиях она уставшая, с мешками под глазами. Может, накануне она пила. Но в стихах этого нет, мы этого не чувствуем, не хотим это видеть. Не это была Цветаева. В ее лице отразилась та советская сущность, которая давила на эту семью, та судьба, которая свалилась на этого человека. Не дай Бог никому пережить такую судьбу. Это же ужас, что человек пережил! Попробуй еще после этого быть красивой и ухоженной. Когда я взялась за эту работу, я

решила создать образ ее души, а не внешности, прочувствовать Цветаеву изнутри, как я ее лично чувствую по описанию ее сестры Анастасии, посмотрела на нее глазами сестры. Вот эта ее неординарность, крылатость – и ангельская, и демонская, вот эта ее любовь к рябине, к рябиновым бусам, которые оборачиваются веревкой, ее задушившей. Вся ее богородичная святость – в этой книжке поэзии, которую она держит перед собой, как Калужская Божия Матерь держит молитвенник. Эти ассоциации пришли не случайно, они сами сложились, как вихрь сознания. Это не портрет, это ощущение души, которую мы не можем понять, но все просто обожаем.



– Вы очень тонкий, одухотворенный человек. Ваше творчество ассоциируется с Серебряным веком. Как вам живется в современном мире? Как вы справляетесь с бытием и бытом?

Справляюсь очень хорошо! Хотя я не считаю себя сильно современным человеком. Смотрю на современную молодежь – они, конечно, от нас отличаются. Иногда я сталкиваюсь с тем, что не могу какую-то технику включить и понимаю, что отстаю от жизни. У нас еще осталось советское сознание – вот этот стыд от получения денег, ощущение неловкости от того, что что-то надо сделать за плату. В нас это есть. Молодежь сейчас в первую очередь спрашивает, даже у самых близких: «А сколько мне за это заплатят? Не буду ничего делать, пока не получу гонорар». Мне даже бывает стыдно за них, что они такое говорят. Я понимаю, что я из того времени, и до меня начало доходить, что такое это счастье – жить недолго. Раньше мне казалось, что жить подольше – это счастье. А сейчас я понимаю, что счастье – это прожить с теми, кого ты сейчас любишь и с кем ты сейчас общаешься. Не дай Бог однажды открыть глаза и увидеть, что тебя окружают совершенно другие люди, не те, кого ты всегда любил и к кому обращался. Все они хорошие, но все другие, и у тебя нет с ними ничего общего. Ты для них чужой. Вот это самое страшное. И я думаю: «Слава Богу, что мы так мало живем!». Значит, мы можем прожить только со своими, с близкими, в родной обстановке. Я понимаю, что время пройдет – и люди еще больше изменятся и станут совсем на меня непохожими. Я совершенно перестану их понимать. И хорошо, что еще есть такие люди, которые живут так же, как я, и думают, как я, и могут так же поступить, как я.

Беседовала Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

ТАМАРА ЮФА: о времени и творчестве



Имя удивительной карельской художницы Тамары Юфа известно нескольким поколениям россиян, которые интересуются искусством и любят хорошие книжные издания. Картины мастера, посвященные северной тематике, занимают видное место в музеях разных городов мира, в частных коллекциях, а необычные запоминающиеся иллюстрации к сказкам сопровождают многих из нас с самого детства. Я росла, вдохновленная и очарованная удивительным художественным миром нашей необыкновенной современницы, и увлеченность ее творчеством сопровождает меня всю жизнь.

Многогранная вселенная Тамары Юфа удивительно самобытна, глубока, наполнена сложными символами, а ее проникнутые сдержанной эмоциональностью образы проникают в самое сердце, порой помогая тоньше воспринимать прозу, поэзию, фольклорные произведения. Видение мастером художественного наполнения карело-финского эпоса «Калевала», сказок Ганса Христиана Андерсена, братьев Гримм, Шарля Перро, Сакариаса Топелиуса во многом повлияло на восприятие этих произведений жителями нашей страны. При всей неоднозначности и философской наполненности, образы Юфа очень пластичны, легки, светлы и прозрачны, похожи на причудливое тонкое кружево.

Особенно западают в душу женские фигуры и лики, созданные кистью художницы. В них – проявленная сила любви и страдания, соединенность с природой, хрупкость, выразительность, эмоциональность и необыкновенная северная красота.

Художница, чьи работы уже полвека назад покорили профессионалов и любителей живописи и графики, никогда не кичилась пришедшей в молодости славой, не изменяла себе,

не стремилась к громкому успеху и росту популярности. Она бережно сохраняла свой дар, много и увлеченно работала над тем, что ей было интересно, и находила в жизни свой особенный путь.

В последние годы создательница уникального творческого мира живет очень уединенно, много читает, размышляет, занимается семьей. Тем не менее, мне удалось встретиться и побеседовать с Тамарой Григорьевной о жизни и творчестве, чтобы лучше понять душу, картины и время этого уникального мастера.

О семье, войне и детстве в Ельце

Мое детство прошло в деревне Волчье, утопавшей в зелени и садах, неподалеку от старинного русского города Елец. Помню наш уютный красивый дом из настоящего кирпича. Лесов и водоемов рядом было немного, ходили на колодец, брали дождевую воду. Малая родина запомнилась мне золотыми полями пшеницы, живописными холмами, зелеными просторами. Девчонками все лето бегали босиком по округе, гуляли, стерегли гусей. Как принято в деревне, у каждой было свое задание, к труду нас приучали с раннего возраста. Однажды, гуляя по территории московского Кремля, я подняла обломок кирпича и привезла на память – так он мне напомнил о счастливом детстве и милой сердцу деревне. Как раз из такого старого кирпича был построен наш дом, теперь таких не делают.

Моя мама Тоня была настоящей красавицей, с зелеными глазами и густыми темными волосами. Она всю жизнь много и напряженно работала. Мама закончила школу кружевниц в Ельце, который является знаменитым мировым центром кружевоплетения. Все – и молодые, и пожилые в наших краях целыми деревнями издавна плели и продавали кружево, которое пользовалось большой популярностью даже во Франции. Елецкое кружево отличалось от вологодского тем, что мастерицы плели узоры из тончайших нитей, получались невесомые снежинки.

Потом, когда работы по кружевоплетению стало меньше, мама трудилась в столовой в летней части. Часто вспоминала историю, как однажды перед полетом не налила молоденькому летчику сто грамм – начальство не разрешало, она очень боялась, что ее уволят, а у нее – я на руках. Парень ее очень просил, уговаривал, но она стояла на своем. Из того полета офицер не вернулся... Мама горько сожалела об этом эпизоде и о неисполненной последней просьбе всю жизнь.

Мы не были богаты, но двери нашего дома всегда были открыты для странников. Если кто-то просился переночевать, мы всегда впускали, давали место на лавке, кормили, чем могли, а люди рассказывали нам интересные истории. Такая была традиция во всей деревне.

Отец ушел на фронт и воевал всю войну. В деревне мы порой слышали странный гул, как будто где-то грохотала дальняя гроза. Мы знали, что в окрестностях идут бои. Про немцев часто говорили, что если они придут в деревню, могут вырезать, убить всех... Я, пятилетняя, наслушавшись таких разговоров, однажды смело сказала родным: «Вы только не бойтесь! Я выйду, положу голову на крыльцо, пусть немцы мне ее отрубят первой!». Видно в жизни каждого человека изначально заложено стремление к жертве.

И вот однажды в деревню пришли немцы. Я жила там с родными, а мама работала в Ельце, в двадцати километрах, и иногда приходила пешком меня навестить. Это было рано утром, все еще спали, в мама как раз ночевала дома. В Волчьем мужчин не было, только старики, женщины, дети. Немцы разошлись по домам, сразу стали требовать готовить еду, резать

живность, у кого она еще оставалась. Семья моей тети Марии считалась очень зажиточной – они единственные в деревне жили на взгорке в просторном деревянном доме, который выглядел как настоящее дворянское гнездо. Часть немцев оставились у них.

Помню, как я вслед за остальными членами семьи выбежала в холод на крыльцо, едва накинув что-то на плечи. Перед нами стоял молодой красивый немецкий офицер, блондин, и с ним еще четверо солдат. А напротив них я, кудрявая, светловолосая девочка. Военный подошел, погладил меня по голове, вынул портмоне, показал взрослым свою семью, жену и двух белокурых дочек. Солдаты спросили, есть ли яйца, бабушка объяснила, что нет, и они ушли, ничего не тронув. А я побежала к тете Марии. У нее дома сидело много немцев. Я постояла, посмотрела на них, и тихо вернулась домой. В сумерках немцы, а, судя по всему, это был целый полк, покинули Волчье, никого не убили. Наутро в деревню вошли советские солдаты. У нас был настоящий праздник, все вокруг кричало «Наши пришли!» и очень радовались. Солдат и офицеров расквартировали по домам, они стояли у нас недели две-три.

Потом мама перевезла меня в Задонск. Это прекрасный старинный город, в котором сохранился удивительной красоты монастырь. Моя девичья фамилия по отцу – Чванова. Бабушка всегда говорила, что мы из хорошего рода, но глубоко историю семьи я не знала, даже хотела изменить фамилию и стать Черных – по маме. Уже в зрелом возрасте, читая по-старославянски, я открыла, что слово «чван» означает «чаша», «сосуд». В деревни бояре высокого рода имели особую привилегию первыми подносить чашу царю, отсюда и пошло слово «чваниться»... Мой друг, историк искусства, публицист Савелий Ямщиков никогда не обращался ко мне по фамилии «Юфа», всегда подписывал конверты только «Тамаре Чвановой».

Мой дедушка после революции отступал с белогвардейцами, оказался в Германии, откуда однажды прислал послание, что женился за границей и не вернется, давая тем самым полную свободу бабушке, которая осталась молодая, с двумя сыновьями, Григорием и Андреем, на руках. Такая семейная история.

Одной маме справляться и в Задонске было очень трудно. Я подросла, пошла в школу в 1944 году. Уже тогда много читала, записалась в городскую библиотеку. Меня никто не заставлял это делать. Мы – дети войны, нас тогда никто не воспитывал особенно, мы больше развивались сами по себе. Поскольку я читала быстро, то иногда приходила за новой книгой на следующий день. Библиотекарь меня ругала, говорила, что срок выдачи – десять дней. Книг было так мало, что свободных изданий на полках просто не было. Иногда мне везло, и следующую книгу я получала на пятый или шестой день.

Маме снова пришлось трудиться в разных местах: в столовой, в ларьке, в магазине... После войны отец вернулся из Германии в 1946 году, он был награжден орденом Красной Звезды, также у него было много медалей. Маме он запретил работать, поскольку ему казалось, что на красавицу-жену все заглядываются. В ларьке торговали водкой-сырцом, основными покупателями были бывшие военные, эвакуированные, возвращающиеся... Кстати, кроме этой торговой точки открыт был только книжный магазин. Работы для отца в Задонске не было, он вскоре уехал попытать счастья в другие места.

О творчестве, учебе и преподавании в Ладве

Я про себя говорю, что я родом из XIX века, после восстания декабристов меня уже не было, а до этого я жила. Из того времени, в отличие от дня сегодняшнего, мне все нравится. С детства у меня было остро выражено эстетическое чувство и восприятие прекрасного. Я всегда замечала, какая женщина красивая, какая нет. Любовь – это самое главное чувство в моей жизни. Сколько я себя помню, с раннего детства, все время была в кого-то влюблена.

Как рисую – даже не знаю. Порой картина очень далеко уходит от первоначального замысла, как будто рука сама ведет.

Для меня рисовать также естественно, как видеть, говорить – объяснить это трудно. Иногда посмотришь на готовую работу и удивись вдруг: откуда все это?

Отчетлив помню свой первый рисунок. Я ходила в деревне в детский садик, где воспитателями работали эвакуированные педагоги. Распорядок дня был весьма вольный: взрослые нам что-то читали, рассказывали, мы им помогали, чем могли, например, подметали пол. Однажды нам дали бумагу, и мы стали рисовать. Я изобразила девочку: кружочек и сразу платье. Дочь или родственница воспитательницы сделала мне замечание, что я неправильно рисую, надо было не забывать про шею, плечики.

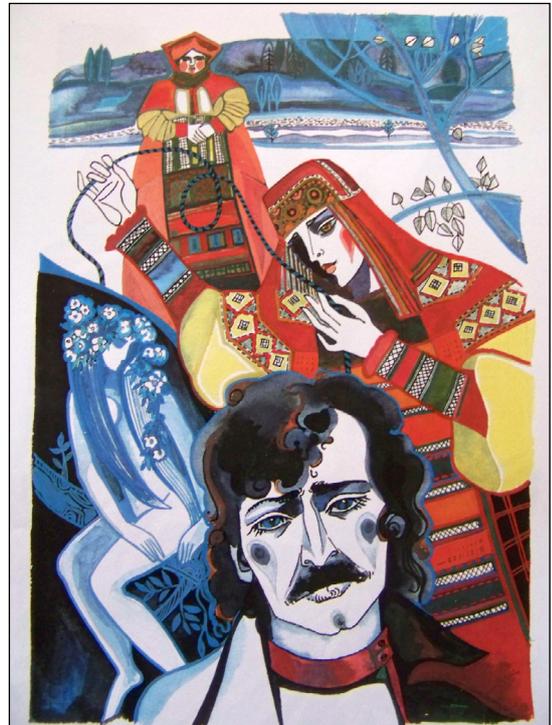
С самого начала я хотела стать художницей, рисовала прилежно, старалась, чтобы цветы и пейзажи на бумаге походили на настоящие. Профессиональное образование я начала получать в Елецком художественном училище. Это было очень сильное учебное заведение, поступила туда я только со второго раза – такой большой был конкурс. Училась в основном мальчишки, поскольку считалось, что художник – мужская профессия.

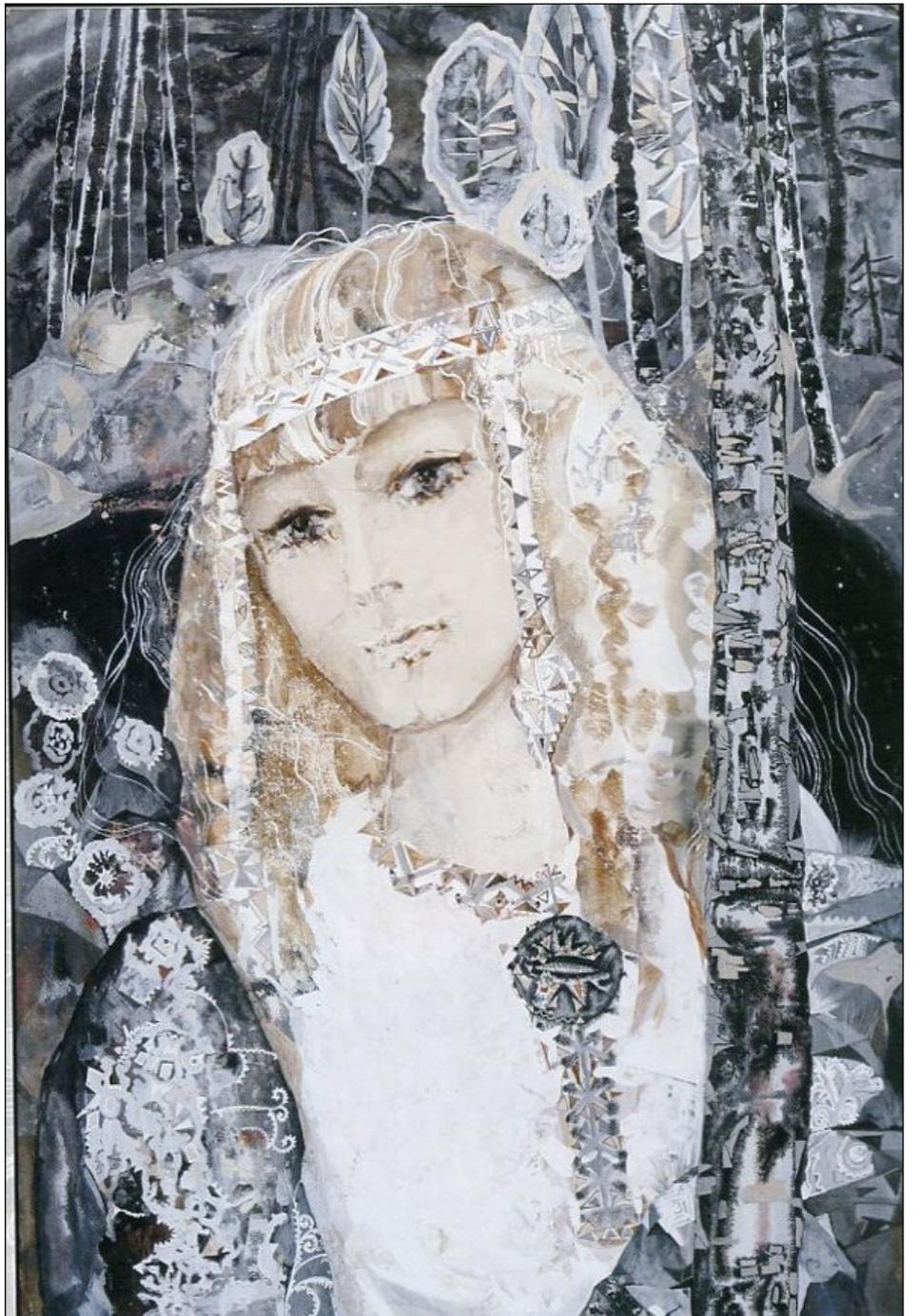
В Ельце мы прикоснулись к высокой технике работы, подлинному мастерству. Тогда я поняла, как долго идти от замысла к совершенному воплощению. Как говорил в XIX веке педагог академистов Павел Петрович Чистяков, научить рисовать можно каждого. Но для того, чтобы состоялся настоящий художник, нужно что-то еще...

Преподавали в Ельце блестящие педагоги, в том числе – выпускники Ленинградской академии художеств, мы получали прекрасные навыки классического рисунка. До сих пор именно Елецкое училище я считаю главным учебным заведением в моей жизни, оно снится мне в самых лучших снах. Из педагогов запомнился замечательный старый художник Виктор Иванович Сорокин, который преподавал композицию. Кстати, в Ельце именно эту сферу считали моей сильной стороной, называли меня «композитором». Также мы очень уважали Берту Арнольдовну Геллерову, которая казалась похожей на даму со старинной грузинской картины – строгая, тонкая, с удивительной внутренней силой. Она могла «взять в руки» и усмирить любую аудиторию. Ее побаивались все студенты и даже преподаватели-мужчины, за ней всегда было последнее слово при оценке работ. При том, что Берта Арнольдовна не очень тепло относилась к девушкам, у нас с ней сложились замечательные отношения, ей нравилось, как я рисую.

Атмосфера в учебном заведении была уникальная, очень творческая, свободная, педагоги могли открыто и доверительно общаться со студентами. Что мне нравилось еще, это большой выбор дополнительной активности: при училище работало несколько кружков, включая драматический, парашютный, действовали два хора – мужской и сводный. За время учебы я по-настоящему научилась петь, несмотря на то, что всегда считала, что у меня абсолютно нет данных для этого. Я не хотела идти в хор, объясняла, что у меня нет голоса. Тем не менее, меня убедили попробовать свои силы. На прослушивании пианистка сказала мне, что голоса нет только у тех, кто говорит шепотом, но даже они – не безнадежны. Музыкальное преподавание у нас было таким сильным, что двое выпускников поступили после этого в музыкальное училище имени Гнесиных в Москве. Древнерусское искусство, включая иконопись, изучалось тоже в кружке. В принципе, это было запрещено, но наши педагоги умудрялись давать нам и такие знания.

Однажды, когда я училась на втором курсе, в Елец приехала выставка работ студентов Ленинградского художественного училища. Мы были очень изумлены увиденным, нам казалось, что наши работы гораздо сильнее. Педагог Берта Арнольдовна поддержала нас, обратила внимание, что из всех картин выделяется только акварель художника Черных, она действительно оригинальна. Поразительно, что через несколько лет во время продолжения учебы в художественном училище в Ленинграде, я встретила Ирочку Черных, удивительной красоты девушку, бывший муж которой Юрий Черных и был автором той понравившейся всем работы. По иронии судьбы, этот талантливый





парень бросил училище и уехал в Карелию. От Ирины Черных я впервые услышала о том, какая красота в этих северных краях.

Когда Елецкое училище расформировывали, я, как лучшая ученица могла выбрать для продолжения занятий любое художественное учебное заведение в России. Четверо наших пятикурсников успешно сдали экзамены и были зачислены в Ленинградскую академию художеств, причем один из них за композицию получил сразу две «пятерки» - небывалый случай!

Мне вся статья была переводиться в Москву, столица мне сразу очень понравилась. Когда я вышла на Красную площадь, у меня слезы из глаз брызнули – оказалось, на картинках Кремль совсем другого цвета, только своими глазами я увидела и оценила его подлинную красоту. Передать этот цвет через фотографии – невозможно! С тех пор всякий раз, когда приезжаю в Москву, бываю на Красной площади. К тому же в столице были родственники. Но как раз в то время я переживала состояние первой любви – безрассудной и безнадежной, поэтому приняла странное решение и поехала за любимым в Ленинград.

Уже на подъезде к городу я ощутила, что эти места и пейзажи не близки мне, но делать нечего. Когда я впервые вышла на Невский проспект, он меня совсем не впечатлил. Красоты питерских дворов-колодцев я тоже не понимала. За все время я не сделала ни одного наброска ленинградских домов или камней. Спасало то, что ходила в Эрмитаж, в другие музеи.

Выживала в северной столице не очень легко, но концы с концами сводила, даже платья иногда умудрялась покупать. Стипендия была маленькая, сначала половина зарплаты мамы, которая мне помогала, уходила на съем жилья, потом я переехала к сокурснице, которая осталась сиротой. С переездом в Ленинград у меня началась другая взрослая жизнь, с печальями и депрессиями. Перемена ощущалась во всем, я перестала спать ночами, учеба больше не доставляла мне радости. Я полюбила дождь, ходила по городу гулять без зонта в любую погоду.

В Ленинградском училище у меня признали талант живописца, посмотреть на мои работы приходили даже студенты-старшекурсники. Но по-настоящему я рисовала не в училище, а для себя, это началось на четвертом курсе. Постепенно я открыла и прочувствовала красоту Ленинграда, но все равно не прижилась в этом городе. Оставаться там учиться дальше в Академии художеств или идти на свободные хлеба я не захотела.

Когда я заканчивала училище, вышла замуж за Михаила Юфу. Сначала он хотел быть поэтом, но потом, увидев мои работы, тоже стал учиться рисовать. Я старалась вложить в него лучшие постулаты живописи, которые мне преподавали в Елецком училище. Впоследствии Михаил стал известным художником.

В Карелию я приехала по собственному желанию: мне предложили выбор между поселком Ладва и городом Беломорском. Я определилась по принципу близости к Ленинграду, чтобы ездить не очень далеко. В Ладве тогда требовался учитель рисования в школу. Условия были такие: оплачиваемая квартира с электричеством, бесплатные дрова... Меня это очень привлекло, а по рассказам я знала, что в Карелии очень красиво. К этому моменту я была уже беременна. Отправились мы с мужем на новое место в июне, несмотря на то, что занятия в школе начинались только в сентябре. Задерживаться в Ленинграде никакой возможности не было.

Когда приехали в Ладву, оказалось, что школа и другие учреждения закрыты. Ночевать негде, поскольку в доме колхозника остановились петрозаводские футболисты, которые приехали на матч. Мы долго ходили по деревне, а потом устроились в стогу сена неподалеку от леса – присидели там до рассвета. Я все время боялась – вдруг волки.

От школы мы получили две прекрасных комнаты с печкой и старинным зеркалом в двухэтажном деревянном доме, мне там сразу понравилось. До сентября, чтобы обеспечить существование, работали в новом пионерском лагере в Деревянном. Там для детей были созданы замечательные условия: хорошие постройки, отличная еда. С воспитанниками проводились интересные занятия, работали разные кружки, в том числе – рисования.

Очень волнительно начинались занятия в школе. Я же никогда не собиралась становиться учительницей! У нас педагогике-то в училище читали всего полгода на пятом курсе. Зарплату мне назначили – сорок рублей. Я проводила всего десять уроков в неделю, вела рисование и черчение у учеников старших классов. Муж Михаил поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, на художественно-графическое отделение. Когда ко мне переехала моя мама и посмотрела на обстановку, ее удивлению не было предела. Я столько лет училась, преподаю, рисую – и такая низкая оценка труда. А она, закончившая двухлетние курсы кружевниц, быстро устроилась на окраине Ладвы торговать в ларьке, – и сразу зарплата - 70 рублей.

На первых порах выживали с трудом. Потом в местном Доме пионеров мне предложили открыть кружок рисования, прибавилось еще тридцать рублей, стало чуть полегче. Родилась дочка Маргарита, мама ушла с работы и стала заниматься внучкой.

О пути к успеху, вкусу славы и дне сегодняшнем

Понемногу я рисовала для себя, ни с кем из художественного мира почти не общалась. По радио услышала, что в 1960 году в Петрозаводске открылся Музей изобразительных искусств, но даже предположить не могла, что там когда-то окажутся мои картины. У меня всегда была мечта – заняться книжными иллюстрациями. Однажды я собрала свои работы, созданные в Ладве, графику ленинградского периода и поехала в столицу Карелии попытать счастья в издательстве. В принципе, была готова к тому, что мне откажут.

Художественный редактор Римма Серафимовна Киселева, которая меня встретила, ахнула, увидев мои рисунки. Предложить сразу, однако, мне ничего не могли, шла речь о том, что со следующего года должны начаться новые проекты по иллюстрации детских книг... И тут, как голос Бога, прозвучал вопрос одного из сотрудников: «А как же сказки Пентти Лахти?» Оказывается, за них никто не брался, поскольку они казались неинтересными. А меня, наоборот, они увлекли, я выразила готовность проиллюстрировать книгу.

Я вынуждена была приехать еще раз - познакомиться и поговорить с главным художником издательства. Дорога неблизкая, но что делать – пришлось вновь отправиться в путь через неделю. Мы договорились, что я попробую нарисовать картинки к сказкам Лахти. Это было совсем небольшое издание, маленькая книжечка, даже не цветная, иллюстрации я делала пером. За неделю подготовила рисунки и обложку, вновь прибыла в Петрозаводск. Главный художник сразу раскритиковал обложку, но ему очень понравились остальные мои работы. Я действительно со времен училища не любила выводить шрифты, у меня это получалось неважно. Пришлось еще потрудиться, переделать обложку, и книжка пошла в печать. Потом она продавалась повсюду, мои сокурсники по училищу купили ее в Ленинграде, им она пришлась по душе.

А через несколько месяцев меня вызвали в издательство и сообщили неожиданную новость: проиллюстрированная мной книга завоевала диплом первой степени на конкурсе двадцати пяти лучших книг РСФСР! Сам директор издательства пожал мне руку и предложил дальнейшее сотрудничество. Кстати, сделанной работой в области иллюстрирования в итоге я редко бываю довольна: часто при печати краски передаются неправильно, грубо, выбирается некачественная бумага, от этого страдает восприятие иллюстраций.

Хочу еще сказать доброе слово о Римме Серафимовне Киселевой. Она позвонила тогдашнему руководителю Союза художников Карелии Суло Юнтунену. Этот замечательный мастер, который ежедневно по многу часов трудился над картинами и страстно любил рисовать, с готовностью отозвался и поддержал меня. Я восхищаюсь Юнтуненом, он – настоящий гений. У меня другой склад характера, мое основное предназначение – любить, в этом состоянии для меня самое главное быть с близким человеком, а все прочее просто перестает су-

шествовать. Я не могу рисовать каждый день, делаю это, когда все другие дела улажены и дом в порядке.

Следующей важной вехой стало участие в выставке внеклассного творчества учителей, на которую я передала несколько рисунков. На мои работы обратили внимание, и от профсоюзной организации представили в Москве. Однажды открываю журнал «Культура и жизнь», который выписывала и регулярно читала, и вижу статью на два разворота известного художника-иллюстратора Кравченко, в которой он написал, что на выставке его очень удивили и привлекли мои работы.

Потом мои листы были отобраны для выставки «Север», которая проходила в Архангельске. В ней участвовали серьезные художники, в том числе и из Москвы. Я всегда очень легко относилась к успеху, не стремилась к нему и не держалась за него. Три мои картины впоследствии поехали на большую художественную выставку «Советская Россия», а мне-то в ту пору было всего двадцать шесть лет!

Как раз на этот период пришелся достаточно трудный для меня разрыв с мужем, он ушел, полюбив другую женщину. Я переживала и думала о том, что делать дальше. А тут вдруг бывший сокурсник по Елецкому художественному училищу, закончивший потом Ленинградскую академию художеств, прислал мне восторженное письмо и описал, какой ажиотаж творится на выставке перед моими работами. Люди впечатляются, восхищаются и гадают «Т.Г.Юфа» - это он или она?

Но самым главным подарком стало то, что мой любимый художник Павел Дмитриевич Корин, ученик и продолжатель школы Михаила Васильевича Нестерова, очень тепло отзывался о моих работах. Об этом мне рассказали журналист Алексей Самойлов и скульптор Лео Ланкинен, которые были хорошо знакомы с Кориним. Они вместе с толпой знакомых и почитателей художника долго ходили по выставке, а потом Павел Дмитриевич подошел к моим картинам и воскликнул: «Ну, наконец-то кто-то русский появился!» Ему объяснили: «Нет, это Юфа, к тому же – молодая женщина». Он расспросил Самойлова про мою ленинградскую и ладвинскую жизнь. Корин тогда сказал: «Дар у нее – от Бога». Потом вышла газета в Ельце, где написали, что мои работы получили высокую оценку мастера.

Когда выставка уже заканчивалась, мы с подружкой Эрой тоже на нее приехали, походили, посмотрели. Я была удивлена, увидев, что перед моими работами вправду стоит толпа, люди спорят о моем творчестве, обсуждают его традиционность и новаторство. Когда вновь возник вопрос, кто автор – мужчина или женщина, боевая Эра не выдержала и сообщила, что сама художница стоит рядом со зрителями. На меня посмотрели с сомнением, прозвучало даже «не может быть!» Эра в запале предложила мне показать паспорт, но я, разумеется, этого делать не стала.

Вслед за этим закутилась другая жизнь: работа, выставки, книги... Я не боялась делать в творчестве то, чего не делали другие: например, работала над большими полотнами на сказочные сюжеты, сейчас они находятся в детских садах.

Вышла замуж второй раз за замечательного человека, режиссера Карлиса Марсонса, родила Юту. Моя старшая дочь Маргарита работает художником в издательстве «Периодика», иллюстрирует журнал. Внучка Тоня тоже рисует, но это уже художник с другой образной системой, типичный представитель современного искусства. Тем не менее, у нас проходили совместные выставки.

Проблема многих живописцев сегодня, на мой взгляд, заключается в отсутствии основательной профессиональной школы, серьезного образования и общих интеллектуальных накоплений. Нарушать устоявшиеся законы, экспериментировать можно, когда имеешь сильную техническую базу рисунка. Вспомним, что у авангардиста Пикассо была прекрасная классическая школа за плечами, он владел не только абстрактным, но и реалистическим восприятием мира.

До сих пор много читаю. Каждый день начинается с того, что я открываю книгу и погружаюсь в мир одного из любимых писателей и поэтов. Их у меня много – Иван Бунин, учившийся



в Ельце и очень близкий мне по духу, Иннокентий Анненский, Александр Блок... Однажды в конце восьмидесятых, чтобы достать собрание сочинений Бунина, за которое просили сто рублей в букинистическом магазине, я собрала и отдала взамен две сумки редких прекрасных книг.

С 90-х г.г. удовольствием работаю с писателем, поэтом, философом Юрием Линником над проектом по иллюстрации его произведений. Он всегда давал мне возможность импровизировать, в общих чертах описывал замысел книги, основные темы, а я пыталась их воплотить. Всегда все делаю как для себя – рисую или подметаю пол. Если берусь за что-то, стараюсь исполнить, как должно. Очень благодарна Юрию Линнику за то, что в результате нашего сотрудничества у меня появился новый блок прекрасных графических листов.

Учеников у меня нет. Считаю, что можно научить основам техники, чтобы человек рисовал с натуры правильно, очень точно. А наполнить мироощущением - невозможно, оно в сердце. Это квинтэссенция того, что я читала, с какими людьми встречалась, в каких садах бродила, какими закатами наслаждалась, в водах каких рек купалась ночами... Разве можно это передать?..

Сейчас я живу с дочерью Маргаритой, а с недавних пор у нас еще появилась кошка Мура. Однажды открывала дверь подружке – и она прибежала, такая крошечная. Я сначала не хотела брать котенка, а потом подумала, что если закрою перед ней дверь – не смогу уснуть. Конечно, дома после этого все изменилось, прежнего порядка как не бывало. Поначалу Мура скакала среди цветов, раскапывала их, носилась по шкафам, с которых все время что-то летело... Прежде у меня все было выверено по композиции: как это смотрится с разных ракурсов. Теперь уже четвертый год я не могу себе позволить такой роскоши. Тем лучше понимаю сейчас, что кошкам лучше жить в деревне, при доме, чтобы они гуляли и бегали, где хотели, как в моем детстве.

Я знаю, что мой дар принадлежит не мне, его открыл Господь для всех людей. Так что работаю, размышляю, много времени уделяю молитве, хожу в храм. Жду, откроется ли другой, совсем новый период в моем творчестве...

Наталья ЛАЙДИНЕН

В эфире

ЛЮБОВЬ КУРЬЯНОВА: «С ЛЮБОВЬЮ К РОССИИ»



Однажды, зайдя в Интернет, я услышала необыкновенный, очень красивый голос, о таких еще говорят: «бархатный». Я продолжала слушать беседу и обратила внимание на еще одну существенную деталь: речь. Она была эмоциональной и красочной, профессионализм сразу выделял ее из общего потока современного радиовещания. Мне захотелось познакомиться с этим человеком, и вот знакомство состоялось. Интуиция меня не подвела – известная радиоведущая, главный редактор интернет-радио «Русский Мир» Любовь Курьянова полна любви к своей профессии, к своей семье, к своему родному городу и родной стране – России. Об этом мы и побеседовали.

– Наверное, каждый ваш гость начинает с того, что у него удивительная, потрясающая семья, – говорит Любовь Курьянова. – Скажу о своей то же самое. Папа родился в Москве и учился в Архитектурном институте вместе с Андреем Макаревичем. На втором или третьем курсе они решили создать музыкальную группу под названием «Машина времени». Естественно, у студентов денег не было. Мой дедушка всеми правдами и неправдами заказал для них электрогитару из Прибалтики, которая до сих хранится дома у моей бабушки. Вообще дедушка был очень талантливым человеком, великолепно шил, готовил, был очень добрым и жизнерадостным, несмотря на то, что прошел всю войну.

Как-то папа сказал ему: «Батя, нам нужны такие же костюмы, как у группы «Битлз»». И дедушка незамедлительно сшил точную копию костюмов ливерпульской четверки. Молодые участники группы «Машина времени» были одеты по последнему писку моды: пиджаки с воротником-стойкой и брюки-клеш. Выступать было решено в школах. Мой родной дядя был продюсером новой группы, говоря современным языком, а по тем меркам – просто организатором. Папа в музыкальном коллективе играл на гитаре. С самого начала «Машина времени» пользовалась успехом, но в какой-то момент папа решил, что архитектура для него важнее.

Я очень горжусь своим отцом. Часто гуляя по центру города, вижу дома и знаю, что к их созданию имел непосредственное отношение мой папа. Он занимался проектированием, построением и реконструкцией исторических зданий в Москве. К примеру, дом Морозовых, замечательно отреставрированный – это труд моего отца. К сожалению, моего папы нет с нами уже более десяти лет.

Моя мама, красавица и умница, приехала в 18 лет в Москву из Украины, куда во время войны были заброшены ее родители, поступать в институт. У нее прекрасный голос, поставленный от природы, именно поэтому она собиралась стать певицей. Делала успехи на этом поприще, пела в хоре имени Пятницкого, работала с Надеждой Бабкиной. Но жизнь сложилась по-другому, и мама стала историком. Она преподает в школе и получает от этого не меньшее удовольствие, чем вы-

ступая на сцене. С папой они познакомились случайно, вскоре после ее приезда в Москву. Подруга мамы повела ее в гости к своему брату. Открыл дверь отец, увидел маму – и влюбился. На следующий день он пришел к ней в общежитие с цветами и сделал предложение. Они прожили вместе двадцать три года и были счастливы. Еще у меня есть старшая сестра. У нас разные профессии: она юрист, я журналист, но при этом мы с ней очень похожи. Она не только моя сестра, но и лучшая подруга.

– Ваш папа – москвич, вы москвичка. Какие у вас есть любимые места в Москве, может быть, какие-то места силы?

– Я никогда надолго не покидаю Москву, потому что уже на второй день начинаю скучать по городу. Иногда я балую себя и хожу на свидание с Москвой. Люблю Тверскую, Гоголевский бульвар и особенно Пятницкую улицу, потому что с этой улицей связана моя первая любовь, имя которой радио.

– И как же складывался ваш путь на радио? С чего все началось?

– Когда мне было 10 лет, мама сказала: «Я мечтаю, чтобы ты работала на радио». Именно в этом возрасте я впервые попала в святая святых – на радиостанцию «Голос России» в легендарное здание на Пятницкой, 25. В то время я профессионально занималась художественным словом и техникой речи. Моими преподавателями был народный артист России Рафаэль Клейнер и театральный режиссер Роллана Вейс. Меня, как победителя международного конкурса польской поэзии, пригласили на радио. Помню, как я стояла в этом огромном холле, маленькая, потерянная, и мне казалось, что здесь работают не люди, а волшебники. Я пришла в эти знаменитые студии, обитые бархатом. Уже спустя годы, защитив в институте диплом по «Голосу России», я узнала, что в этих студиях, попавших в Книгу рекордов Гиннеса, был создан уникальный по своей чистоте звук. Я читала стихи Адама Мицкевича, Кайсына Кулиева, и это была какая-то фантастика. Однако поначалу я вовсе не собиралась быть радиоведущей, все мои мечты были связаны с миром театра и кино. За плечами было девять лет художественного слова, победы во всевозможных этецких фестивалях и конкурсах. Мои педагоги тоже видели меня на

сцене. Все пророчили мне учебу в театральном ВУЗе. Но я как-то резко охладела к этой профессии, потому что поняла: сегодняшний театр и кино сильно отличаются от тех идеалов и убеждений на которых воспитывали меня. И после этого началось самое интересное – поиски себя. На помощь, как всегда, пришла мама и сказала: «В МГУ есть школа юного журналиста. Может быть, ты сходишь туда и просто посмотришь?». Я поступила в эту школу, начала учиться, мне понравилось. Затем попала на телевидение, вела детские теленовости, была корреспондентом на окружном канале, потом стала писать заметки в «Пионерскую правду». Окончив школу, пошла в институт на вечернее отделение, а спустя два года стала работать в пресс-службе Правительства Москвы. Занималась пиаром, но мне очень хотелось попробовать свои силы на радио. И судьба улыбнулась мне. Я познакомилась с журналистом радио «Голос России», которая привела меня на встречу к заместителю председателя радиоконпании Диане Иосифовне Берлин, журналисту с мировым именем, с потрясающим голосом. И тут оказалось, что им нужен ведущий выходного дня. «Вы хотите попробовать?» – спросила у меня Диана Иосифовна и, получив утвердительный ответ, сказала, что в воскресенье мне предстоит провести пять часов прямого эфира. Конечно, голова пошла кругом... Напоследок Диана Иосифовна добавила: «Радио – это тоже самое, что разговор в поезде. Вы можете больше никогда не увидеть своего собеседника, поэтому и разговариваете с ним откровенно». Я запомнила эти слова на всю жизнь! Именно они помогли мне провести свой первый эфир и помогают работать сейчас.

– И каким же был ваш первый эфир?

– Я тряслась, у меня дрожал голос... Всей многомиллионной аудитории, которая меня слушала, я сразу сообщила, что впервые веду прямой эфир, попросила меня строго не судить и поддержать. И слушатели протянули мне руку помощи. У меня был звездный гость Григорий Кваша, создатель структурного гороскопа, который просто меня спас. Благодаря ему был шквал звонков, ведь людей всегда интересует будущее. В этом эфире были по большей части развлекательные программы, и среди них – детская викторина «Мультишашка». Дети со всего мира присылали мне рисунки, отгадывали, из какого мультфильма та или иная песенка. Я брала интервью у известных людей, вела концерт по заявкам, читала оперативные новости. При этом были небольшие рубрики «Модный штрих», «Женщина за рулем» и другие. Когда я вышла из студии, меня продолжало трясти. Но именно тогда я четко осознала, что нахожусь на своем месте. Эти эфиры, эти ощущения... Конечно, я попала в удивительные времена «Голоса России», когда там царил творческая свобода. Я брала по летней Москве, залитой солнечным светом, через трамвайные пути... Тогда вышел фильм «Питер FM», вокруг витало радио, и я была в этой атмосфере. Это было воплощение мечты. Всю неделю я ждала воскресенье, чтобы сесть к микрофону и сказать: «Здравствуйте! С вами я, девушка, которая лучше всех улыбается в этом городе!»

– А как возникло интернет-радио «Русский Мир»?

– Это произошло в недрах «Голоса России». Пять лет тому назад мне предложили вести программу «Русский Мир», совместный проект радиостанции «Голос России» и фонда «Русский Мир», направленный на популяризацию русского языка и русской культуры. Программы, которые мы делали, были удивительные. Мне приходили мешки писем, в прямом смысле этого слова. Я узнала, что положение русского языка подчас волнует людей куда как больше, чем международная политика. Вспомнить хотя бы о шумихе, поднятой в связи с утверждением нормативных словарей русского языка. Тогда вся страна обсуждала только один вопрос: как правильно йОгурт или йогУрт, дОговор или договОр.

Именно в этот период председателем правления фонда «Русский мир» Вячеславом Алексеевичем Никоновым было принято решение открыть Интернет-радиостанцию и меня пригласили принять участие в этом проекте. Для меня, как журналиста, радиийщика, это был очень ответственный шаг, потому что начинать нужно было с нуля. Необходимо было придумать концепцию вещания, программы, найти ведущих и

многое другое. Первый год был особенно не простым, но при этом очень творческим. С самого начала мы задали высокую профессиональную планку. Что в скором времени оценило как профессиональное сообщество, так и слушатели. И как бы не было сложно порой существовать в современных реалиях радиовещания, наша команда старается в первую очередь держать профессиональный уровень программ на высоте.

– Какая основная идея и концепция радиостанции?

– Радио «Русский Мир» создано с любовью. С любовью к России, с любовью к русскому языку, к русской культуре. Основная концепция в том, что где бы вы ни находились, в какие бы страны жизнь вас ни забросила, на волнах радиостанции «Русский Мир», всегда тепло, как дома. Включив нашу радиостанцию, можно получить некий виртуальный билет и оказаться в России. В нашей сетке вещания много передач, которые рассказывают о нашей стране, ее культуре, традициях. Послушав, например, программу «Русские вечера», – это музыкальная передача, которую ведут профессиональные музыканты, – вы узнаете не только об истории русской классической музыки, но и услышите музыкальные шедевры. Но все же основной акцент мы делаем на передачи, посвященные русскому языку. Это программы обучающего характера. Направлены они на студентов, изучающих русский язык, и на педагогов, преподающих русский язык как иностранный.

Особенной популярностью у слушателей пользуется проект «Золотые лекции Русского мира». К нам в студию приходят филологи, лингвисты, историки. Они читают свои лучшие лекции. Не менее востребованы передачи о русском языке «Слово правит миром» и «Смыслица». При этом, помимо образовательного контента, существенную часть занимают познавательные и информационные программы. Также мы приглашаем звезд русского мира, известных, знаменитых людей. У нас в студии побывал Армен Джигарханян, Надежда Бабкина, Вика Цыганова, Николай Бурляев, Виктория Лепко и другие яркие представители России из мира искусства и культуры.

– Слушают ли сейчас радио? Кто ваши слушатели?

– У нас есть своя ниша и своя аудитория. Большей частью нас слушают женщины в возрасте около сорока лет, с высшим образованием. Но самое интересное – это география – от Владивостока до Мексики. В связи с развитием цифровых технологий, интернета, я уверена, что будущее – за интернет-радиостанциями. «Русский Мир» работает в интернете и там завоевывает свою аудиторию, которая постоянно растет. Наша задача – привлечь молодых слушателей, с тем, чтобы подрастающее поколение оставалось носителем русского языка, русских традиций. Ведь, согласитесь, порой дело не столько в крыльях, сколько в корнях.

Наши программы выходят как в записи, так и в прямом эфире. В редакцию часто обращаются с вопросами, с просьбами, с предложениями, хотят рассказать о каком-то культурном мероприятии, которое проходит в стране проживания нашего слушателя. Двери нашей радиостанции открыты для наших соотечественников, выходцев из России и для тех, кто интересуется русским языком, культурой и всегда хочет быть в курсе того, чем живет русское зарубежье. Если людям было бы не интересно, они не тратили собственные деньги и не пытались бы пробиться к нам в эфир с другого конца планеты.

– Что бы вы могли сказать о тенденциях развития современного радиовещания?

– Сейчас пальму первенства держат информационные радиостанции, и это вполне логично. Современный мир представляет из себя ступок динамики, энергии и цифровых технологий. Все участвует в негласной погоне за информацией, а радио, как известно, самое оперативное средство массовой информации. Что касается развлекательных радиостанций, то, как мне кажется, они уже приелись и уходят на второй план. Такие выводы я делаю исключительно из общения со слушателями радиостанции «Русский мир». Весь этот гламур, все, что блестит и пестрит, людям надоело, они хотят настоящего, искреннего, честного. Люди хотят думать, размышлять, философствовать. Помню, как в моем детстве у нас дома на кухне висел трехкнопочный радиоприемник. Я заслушивалась радио-



спектаклями, это было так интересно. На этом выросло не одно поколение, и эта традиция существует на радио «Русский Мир» – и поэтические концерты, и радиопостановки. Люди хотят это слушать, понимаете? Эти передачи пользуются большим спросом у аудитории. Есть страны, где невозможно купить учебники по русскому языку, потому что там их просто нет. В маленьком городке где-нибудь в Аргентине нет новой, современной литературы на русском языке. А с помощью интернета и нашей радиостанции родители всегда могут включить своему ребенку сказку в хорошем исполнении. Возвращаясь к тенденциям, хочу сказать, что и я слушаю информационное радио, а куда деваться – время такое, но все-таки при этом думаю, что будущее за разговорными радиостанциями, которые способны рассказать не только о сиюминутном, но и дать возможность своим слушателям задуматься о чем-то более важном.

– Ваш любимый жанр радиожурналистики – это интервью? За что вы его любите?

– В интервью есть удивительная возможность раскрыть человека и услышать от него то, что, может быть, он до этого публично не говорил никогда и нигде. И когда происходят такие открытия, ты понимаешь, что находишься с этим человеком на одной внутренней волне, ты его открываешь для себя и для многих совсем с другой стороны. Каждый человек – это целый мир, и тебе дали возможность заглянуть в этот мир. Интервью – это не просто способность журналиста задавать хорошие, правильные вопросы. Здесь включается еще, наверное, и психология. Ты чувствуешь человека и себя тоже проверяешь. Люди бывают самые разные. Порой ответ собеседника может поставить в тупик или даже шокировать и все это происходит в прямом эфире, когда нет времени на раздумья. Ты должен молниеносно выдать реакцию и при этом не потерять собственного лица. Однажды у меня была история, когда эфир превратился в самое настоящее поле битвы. Итогом этого сражения стало закрытие газеты «Известия» на Украине.

– Любовь, расскажите о своем характере, его основных чертах.

– По характеру я человек воздушный и легкий, родилась под созвездием Близнецов. Близнецы часто работают в среде медиа. Журналистика – это абсолютно мое направление, ведь я мобильна, контактна, активна. Любое решение мне дается

непросто. Оно зреет во мне, я долго ношу его в себе, обдумываю... Самое сложное в нашей жизни – это, конечно, выбор. Порой кажется, что я мгновенно принимаю решение, но, как правило, за этим скрывается глубокий анализ ситуации. Вообще, тяжело говорить о себе, о своем характере. Наверное, это проще сделать моим друзьям и коллегам.

– Что вам помогает преодолевать трудности? Как вы их воспринимаете – как проблему или как урок?

– По своей сути я – боец. И какая-то проблема для меня – это не повод опускать руки. Трудности даже в чем-то радуют меня, потому что если у тебя возникла трудность, значит, тебе дают шанс подняться выше, закалить себя, свой характер, проверить на прочность. В сегодняшнем мире не модно быть робким и ранимым человеком, если ты хочешь добиться успеха – будь толстокожим. Преодолевать трудности мне помогают мои близкие, которые меня поддерживают в любом моем решении, но при этом я всегда полагаюсь только на себя. Всегда рассчитываю на собственные силы. Если есть какая-то проблема, я стараюсь побыть в одиночестве. Однажды передо мной стоял серьезный вопрос выбора. Я гуляла по городу и зашла в Третьяковскую галерею. Меня поманила одна картина, я приблизилась к ней, и вдруг ко мне пришло решение...

– Что радует вас в жизни? Люблю себя на мысли, что с течением времени я все больше нахожу поводов для радости, чем это было, скажем, в молодости. Утром я открываю глаза и уже радуюсь новому дню. А у вас как происходит?

– И в моей жизни есть место нечаянной радости. Улыбающийся прохожий, встречи с интересными людьми, солнечная погода... Поводов для радости много: у меня замечательная семья, очень много друзей, я работаю с прекрасными людьми. Каждый день иду на работу, как на праздник, потому что к нам приходят удивительные люди, о которых не рассказывают по телевизору, но они такие интересные и, может быть, больше звезды, чем те, которых мы видим на телевизионном экране. Считаю, что в нашу жизнь приходит радость, когда у нас есть чем заняться; есть кого любить; есть на что надеяться и в кого верить.

Беседовала Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.



Екатерина Асмус

Родилась в СПб, 11.10.1967 года. Образование высшее – художник - модельер. Награды и звания:

Орден В.В. Маяковского, 2013г., Лауреат международной премии «Золотое перо Руси» за ряд сценарных работ - Москва, 2012 г., Лауреат премии «Золотой Жук», за роман «Рок» - СПб, 2011 г., Член Санкт-Петербургского союза Литераторов (СПСЛ). Многократно публиковалась как в России так и за рубежом. Член Союза журналистов СПб и ЛО. В настоящее время: Корреспондент программы «Город и горожане» радио «Петербурге», художественный редактор медийной группы «Интеллигент», автор и ведущая программ на радио: «Мария» - «Найти себя», член редколлегии Литературного Альманаха «Ецирут», Берлин.

Сотрудничество с печатными изданиями: журнал «Невский Альманах», журнал «Работница», газета «Наша Флорида», «Параллели судеб» и др. .

В этом номере издания «Интеллигент. Нью-Йорк», мы выбрали опять новую тему, а именно по профессии радиожурналистики и моя короткая беседа состоялась с Екатериной Асмус. Слушая передачи с ведущей Екатериной Асмус, я сам незаметно для себя оказывался в откровенной и непринужденной обстановке. В этой «эфирной среде» даже самая жесткая критика различных чиновников, того положения и состояния дел, в частности с культурой словесности в России, выражалась мягкими и в общем-то дружественными словами, что напрочь отсутствует, обычно, в политической дискуссии. Например, отмечалось, что с перестройкой массовая низкопробная культура, заглушает более классическую и оригинальную авторскую культуру и создается впечатление, что новая система власти не только бесконтрольна отдала в частные СМИ информационное поле, которое естественно влияет и формирует мировоззрение и сознание людей, но и поощряет это. Ибо именно власть формирует возможности для чего либо и кого либо активно и широко действовать, а другим бездействовать либо иметь к себе и творческому процессу огромные препятствия или от самой власти равнодушное презрение. Если же каждый член общества обязан быть ответственен за свои внушения-наставления и поступки, что соизмеримо его лишь личностным возможностям, то власть и её представители, которые и создают различные условия и для различного творческого выражения, должны более осознавать их ответственность за информационное состояние в обществе! Чего постсоветская власть даже не осознает, но эта критика отмечалась за круглым столом передач ведущей Екатерины лишь с грустной иронией. Мне захотелось узнать лишь основные детали работы Екатерины Асмус в эфире радио Санкт-Петербурга.

- Екатерина с какого времени Вы на радио, с чего все началось и было ли некое поступательное развитие?

- С радио «Мария» я сотрудничаю давно - с 2007 года. Все началось с создания авторской передачи «Песенник», посвященной авторской песне, которая с успехом шла два года. Потом я решила расширить горизонты и сделать программу более емкой. Так появилась идея передачи «Найти себя», которая благополучно существует и по сей день.

- Спасибо за лаконичный и содержательный ответ, но хотелось бы приоткрыть для наших читателей, а какова суть тех программ которые вы вели и ведете?

- Цель передачи - на примере личного, творческого, делового пути гостей, приглашенных в программу, показать, что в наши трудные времена можно и нужно выживать, бороться, чтобы выдержать, выстоять. Особенно это касается социальной сферы и сферы культуры, которые в данный период явля-

ются наименее защищенными, мало финансируемыми и невосприимчивыми. В частности, остро стоит проблема будущего печатной книги и литературно-публицистических изданий.

- Как никогда в постсоветской системе государственные служащие и деловые люди, должны осознавать и применять изречение, что надо помогать талантам, а бездарности и так пролезут. Увы в современной системе неравноправия, даже в возможностях и к реальным способностям, все перевернуто с ног на голову. Страну наводнила рекламная продукция, реалии-шоу, СМИ фанатического вероисповедания и национализма, сплетен, политиканства и в этом «потопе», некие культурные СМИ, кажутся лишь малым пловущим «Ковчегом». Вы не только представитель медийной группы «Интеллигент» и главный художественный редактор, который бескорыстно трудится на наш проект, но делали Вы передачу, в которой бы обсуждали и освещали бы проблемы подобных печатных изданий?

- Одна из программ прошлого года была посвящена периодическим печатным изданиям. Я представляла в этой передаче медийный проект «Интеллигент».

В студии со мной встретились редакторы немецкого («Ецирут») и финского («Под небом единым») литературных журналов - Лора Прокофьева и Елена Балк. За круглым «радио-столом» мы обсудили плюсы и минусы сегодняшнего дня по отношению к подобным проектам и возможности их продвижения путем расширения читательской аудитории и повышения качества публикаций. Многие аспекты мы обсудили в прямом эфире. Поделились каждый своим опытом, и конечно же было приятно отметить, с каким восхищением гости и радиослушатели слушали историю возникновения и бурного развития проекта медийной группы «Интеллигент». Конечно же у этого грандиозного проекта были и будут огромные трудности, но хотелось, чтобы хоть один, смог сам осознать, каких усилий, притом без каких либо возможностей, стоит этот проект. Практически на голом энтузиазме, чтобы реально достичь такого мирового признания и значимости, который всего за пять лет реализовали участники этого проекта под руководством Сергей тебя. Мне самой не только интересно участвовать в этом грандиозном проекте, но и я с гордостью его представила на той передаче!

- Спасибо Екатерина тебе за нашу беседу и я выражаю благодарность от всех наших участников проекта, как Вы увлекательно и солидно представляли «Интеллигент» не только в этой программе, но и с презентациями в Нью-Йорке, в Санкт-Петербурге, в Москве и так далее.

Беседу провел Сергей ПАШКОВ

Благодарность медийному проекту «Интеллигент» Радио Мария

Санкт-Петербург средние волны 1053 кГц
Выборг 92, 6 FM
Он-лайн вещание на сайте www.radiomaria.ru
(812) 438-11-92
190068, Санкт-Петербург, а/я 732 «Радио Мария»

17.06.14 № 01-01

Хочу от всего сердца поблагодарить главного редактора и коллектив редакции журнала «Интеллигент» за верность миссии и традициям культурного просвещения соотечественников. Ваш труд приносит не только пользу, но и надежду на то, что в современном обществе не забыт «герой второго плана», интеллигент, не рвущийся к самолюбанию, высотам власти и временной популярности.

Особо признателен за замечательное интервью с Екатериной Асмус, журналистом, автором и ведущей программы «Найти себя», которая выходит в прямом эфире радиостанции и касается вопросов культуры и её исторического контекста.

Разговор в программе Екатерины не ограничивается главной темой – беседа строится вокруг самого героя, его творческой биографии, судьбы, культурных достижений, жизненных ценностей и принципов. Кроме того, в беседе с гостем затрагивается широкий круг профессиональных, нравственных вопросов, с участием петербургских слушателей обсуждаются вопросы культурной и социальной значимости. На базе материала радиопрограмм создан цикл тематических художественных эссе, посвященных выдающимся деятелям культуры Санкт-Петербурга.

"Радио Мария" - международная семья христианских просветительских радиостанций, основанная в конце минувшего века в Северной Италии. На сегодняшний день позывные "Радио Мария" звучат уже в 60 странах мира, в разных уголках Земли, где вещание ведется на родном языке каждого народа. Все радиостанции интегрированы в единую систему. Это дает возможность стандартизировать формат вещания, разумнее распорядиться имеющимися возможностями и совершенствовать свою деятельность. Формат "Радио Мария" в России - 30 % католические и православные передачи, 30 % - культура, 30 % - социальные программы, музыка. "Радио Мария" вещает в Санкт-Петербурге в диапазоне средних волн на частоте 1053 КГц и в Выборге на частоте 92,6 FM, а также в Интернете (сайт <http://www.radiomaria.ru>.)

Искренне желаю процветания журналу и редакции!

главный редактор радиоканала «Радио Мария»



Пирогов А.А.



SBS

«ИНТЕЛЛИГЕНТ» на ПЯТОМ КОНТИНЕНТЕ



За последний год название медиа-группы «Интеллигент» не раз звучало в Австралии. Об интересе «Интеллигента» к авторам из Австралии неоднократно говорила старейшая австралийская газета на русском языке «Единение», собравшая на своём сайте целую библиотеку русскоязычной литературы пятого континента. Избранные авторы газеты «Интеллигент» появились на страницах австралийского литературного альманаха «Витражи», уже несколько лет публикующего интересных авторов, живущих в Австралии и за её пределами. Русская библиотека города Сиднея получает выпуски изданий «Интеллигент» и доносит их до читателя. И, наконец, о группе «Интеллигент» говорилось в программах русского радио Австралии на государственном канале SBS.

Публикации группы «Интеллигент» привлекают читателей тем, что они рассказывают об интересных авторах, живущих в разных точках земного шара, о литературных фестивалях, о творческих объединениях и интересных событиях. Одна из библиотекарей города Сиднея так объяснила спрос на газету: «Все номера газеты – интересны, очень насыщены информацией, всегда хочется узнать больше об авторах публикуемых произведений. Очень понравился номер газеты о русской литературе в Австралии. Некоторые читатели знали и знают многих авторов из этого номера».

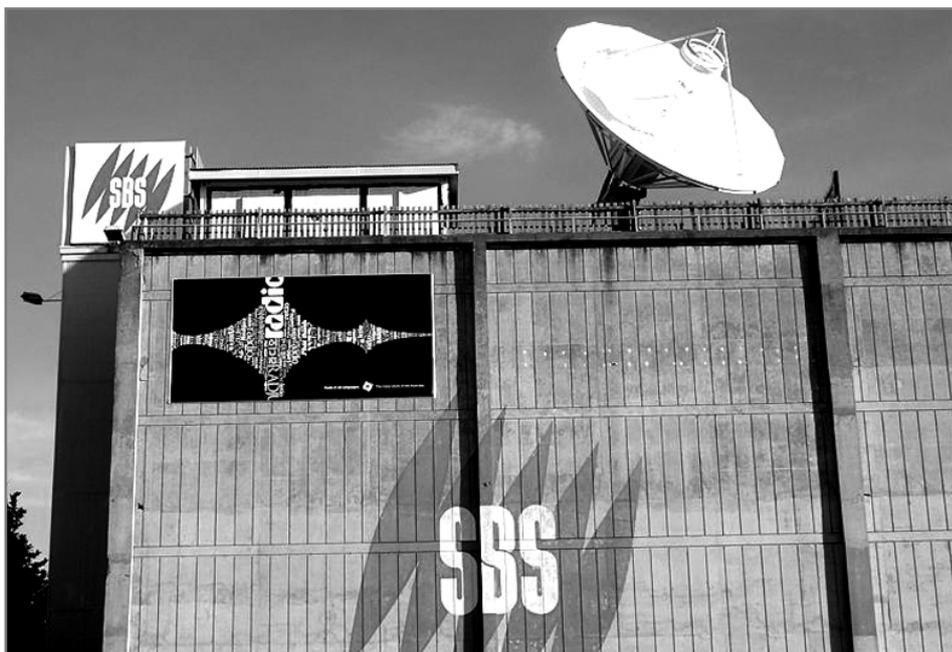
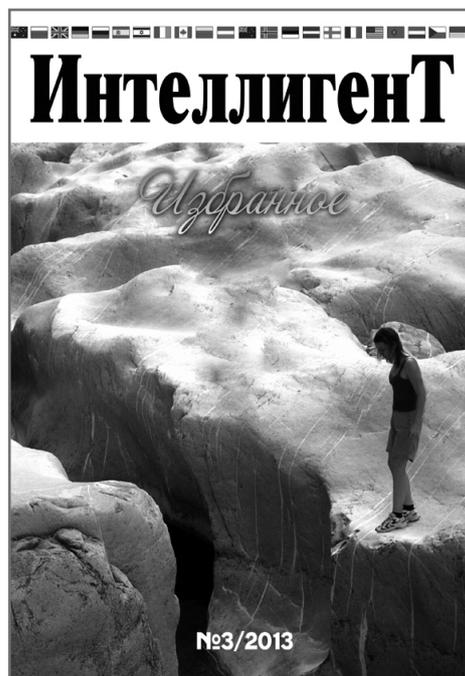
И действительно, газета «Интеллигент» была единственным периодическим изданием, полностью посвятившим один из номеров русской литературе Австралии. На страницах газеты прозвучали рассказы об истории русскоязычной литературы и русской диаспоры на пятом континенте, вновь увидели свет строки, написанные в Австралии и век назад, и совсем недавно:

от стихов Константина Бальмонта, посетившего материк в 1912 году, до замечательных рассказов Ляли Нисиной, живущей ныне в Брисбене, Норы Крук, живущей в Сиднее – и многих-многих других авторов.

Радует и то, что число интересных авторов из Австралии выросло со времён первых публикаций австралийских писателей в газете. «Интеллигент» познакомил своих читателей с лауреатом «Русской премии» по итогам 2012 года – прозаиком из Мельбурна Алисой Ханцис, с членами мельбурнского ЛИТО «Лукоморье», куда входит ряд интересных поэтов – и со многими другими авторами.

Хочется верить, что это плодотворное сотрудничество «через континенты» продолжится и принесёт нашим читателям ещё много новых имён и замечательных строк.

Н. Крофтс, 2014, Сидней



Новая литературная премия имени Надежды Брагинской



В память о выдающейся пушкинистке - Надежде Брагинской - объявлена денежная литературная премия в рамках Лондонского конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии», - за лучшее конкурсное стихотворение финалистов на заданную строку Пушкина. Учредитель премии: Светлана Дион. Премия присуждается во время церемонии награждения финалистов конкурса 7-го июня в Лондоне по решению Большого жюри. (www.pushkininbritain.com/)

А РОДИЛАСЬ ОНА В ОДИН ДЕНЬ С ПУШКИНЫМ...

10 апреля в Нью-Йорке скончалась Надежда Семеновна Брагинская - известный в зарубежье петербургский пушкиновед, литературовед, радиожурналист, ведущая передачи «Живое слово» на русском радио «Альянс» (США) и мой близкий друг, духовный маяк, литературный поводырь. Как человек, поэт и писатель, я в неоплатном долгу перед ней. Она радовалась каждому новой строке и книге. Правила тонко и с пониманием мои шаги в жизни, ровно как и не мало моих стихов. Она же благословила в 2004 году на конкурс финалистов «Пушкин в Британии» и велела поехать и не робеть...

Надежда Семеновна Брагинская — глубокий исследователь творчества А. С. Пушкина. Автор книги «О Пушкине» (издательство «Зелёная лампа», Нью-Йорк, 2004), огромного числа статей и радиопередач. За 24 года выпустила в эфир более 200 передач

о русской литературе.. Живя в Нью-Йорке, Надежда Брагинская не потеряла связи с родным Петербургом: в ее радиомостах не раз участвовали представители российской культуры. В 2007 году Российский Фонд культуры наградил Н. С. Брагинскую Пушкинской грамотой «За многолетнее служение культуре». В 2009 году, к 210-летию со дня рождения А. С. Пушкина, Надежда Брагинская была награждена Пушкинской Царскосельской медалью.

А родилась она в один день с Пушкиным в Ленинграде. Полностью посвятила себя изучению творчества Александра Сергеевича, всего, что связано с именем поэта, а это значит – русской литературы вообще. Известный в Петербурге пушкинист, Надежда Брагинская и в Нью-Йорке осталась верной делу своей жизни. В просветительстве она создала свой жанр – удивительно искренний и теплый способ донести свои

знания до каждого человека. Без тени театральности, Надежда Брагинская в своих передачах беседовала с людьми о гениальных РУССКИХ прозаиках и поэтах – с глубочайшим почитанием и одновременно как о родных и близких людях. Она часами могла по памяти читать любимые стихи, несмотря на нездоровье. В отличие от других пушкиноведов, ее основной аудиторией стали русскоговорящие читатели и радиослушатели Америки.

Надежда Брагинская постоянно и бескорыстно помогала молодым литераторам, консультировала, редактировала... В ее биографии есть одна удивительная история - Надежда Семеновна обучила русскому языку американца, Джулиана Лоуэнфельда, ныне известного поэта-переводчика на английский язык А.С. Пушкина и русской поэзии. В истории эмиграции это пока беспрецедентный пример – русский пушкинист воспитала человека, влюбленного в Пушкина, ставшего в пушкиноведении авторитетом. Дж. Лоуэнфельд – единственный американец, награжденный российской литературно-художественной премией «Петрополь». Она вручена за двуязычную книгу переводов А.С. Пушкина «Мой талисман», изданную в 2009 году в Санкт-Петербурге. Джулиан называет Надежду Семеновну «духовной мамой», а в своей речи к открытию памятника Пушкину в г. Ховелл, шт. Нью-Джерси, 26 мая 2012 г. на которую не смогла приехать Надежда Семеновна, процитировал ее послание: ««Пушкин – не только «наше всё», путеводная звезда русской литературы, но еще, великий народный поэт, при том, что он дворянин с древнейшей родословной. Он совместил в себе честь, блеск и благородство просвещенного аристократа с несказанной «всемирной отзывчивостью русской души». Его гармония наполнена теплом и милосердием, к которым нужно в преданном изумлении тянуться всю жизнь.... Слава Пушкина не зависит от мишуры тленной политической власти. Она выше, чище, прочнее. Сама Поэзия, как ангел-утешитель, бережет ее для нас. И «пока сердца для чести живы», у нас, хранилелей того самого главного памятника Пушкину в душе, останутся две розы, принесенные нам по этому в дар: «любовь и тайная свобода»».

Многолетние духовные и литературные наставления Надежды Брагинской – мой бесценный клад в душе, мой невидимый свет между строк поэзии и прозы...

Мне посчастливилось встретить Надежду Семеновну 1998 году, в Нью-Йорке, когда я внезапно начала писать стихи и прозу. По просьбе издательства Блиц в 1998 году Илья Штемлер, петербургский писатель, передал мне через Надежду Семеновну мой первый сборник стихов «Тысяча и одна жизнь».

На пороге скромной Нью Йорской квартиры известнейшей пушкинистки у меня перехватило дыхание. Но эта лучезарная с мудрыми глазами, без-

временная женщина взяла меня за руку, словно знала меня уже давно, и не отдала мне мой сборник в прихожей, а пригласила сесть к столу за чай: «Садись, у нас есть о чем поговорить». В ее тихом и доброжелательном голосе таилось нечто, что с того дня заставило довериться ей всей душой и в жизни, и в творчестве. Позже она не раз приглашала меня в связи с выходом моей новой книги участвовать в ее радиомостах, - по телефону из Мадрида я читала стихи в открытый эфир с ее добрыми комментариями. Именно с ее благословения был снят фильм обо мне «Поэтический полет русской Терпсихоры» на РТВ в США. Возвращаясь в Нью Йорк на несколько дней каждые два-три года мы с сыном неизменно навещали ее. У этой тяжело больной женщины не было собственной семьи, она никогда не рассказывала о себе, но называла Джулиана, меня и еще одну женщину, по-моему в России, своими приемными детьми, а ее тепло и участие согрело меня, осиротевшую, и сына моего за всех рано ушедших родных и любимых. Её воля и стоицизм служили примером многие годы. Любовь к русской литературе, воплощенная в Пушкине, и внутренняя сила помогали ей до последних дней вести передачи на радио, оставаться преданной своему делу. Зачастую по телефону удавалось поговорить не более пяти минут, ее голос слабел, она, извиняясь, просила перезвонить на следующий день. Наша дружба продлилась 16 лет... Успела ей признаться в любви в открытке, прикрепленной к последнему моему неизменному букету на 8 марта. Не успела выслать мой последний сборник, ждала выхода рецензий и ее день рождения – 26 мая...

Несказанная доброта и особое понимание жизни и судьбы, величие души и благородство во всех ее советах в жизни и в творчестве помогли мне выстоять в трудные минуты. Именно благодаря НАДЕЖДЕ БРАГИНСКОЙ я ценю в поэзии превыше всего «СВЕЧЕНИЕ СТРОКИ».

В ее книге «О Пушкине» бесценная для меня с сыном дарственная надпись: «Светочке, моей дорогой девочке, подруге, другу и волшебному Энрике – с любовью. N.Y. 18/12/04 »

Людей роднит по настоящему лишь родство душ...

В память об этой уникальном и безгранично родном мне человеке позвольте учредить из моего личного фонда лит премию имени Надежды Брагинской - в рамках Лондонского конкурса поэтов русского зарубежья «ПУШКИН В Британии». Для меня будет огромною честью ежегодно вручать эту премию памяти выдающейся пушкинистки за лучшее стихотворение финалистов конкурса, начинающееся на строку великого русского поэта.

Света ДИОН,

балерина, поэт/ прозаик, основатель М.А.Г.И.
(Международной ассоциации граждан искусства. Мадрид)

Вручение Первой премии



ТОСТ

(Н.С. Брагинской в день рождения)

Вокруг так много громких строк
И масса благодарных жестов
За вашу мудрость, за добро,
За строгий суд и за советы,

За вашу искру красоты
Средь металлического мира,
За искренность той простоты,
Что обратила Вас в кумира

Для тех, кто видит смысл в стихах,
В душе своей весну лелеет,
Кто тянется за светом к ВАМ
И от сияния робеет...

И низкий Вам поклон за всё,
Спасибо Вам, что Вы –такая,
И за везение мое
Вас повстречать – скажу: «Лехаим!»*

Светлана ДИОН

*Лехаим - в переводе – «За жизнь!» (имеется в виду жизнь высшая)

Эстрада

Карина Сарсенова

Психолог, писатель, поэт, сценарист, продюсер. Родилась в г. Алма-Ата, Казахстан. Окончила Московский Государственный Педагогический Университет им. Ленина, факультет педагогики и психологии. Получила специальность эриксоновского гипнотерапевта на базе Московского Института Групповой и Семейной Психотерапии. Диплом синхронного переводчика по специальности «французский язык» от высших языковых курсов при МИД России. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России». Лауреат Международной премии «Золотое Перо Руси». Дипломант 26 ММКВЯ, 15 выставки интеллектуальной литературы «нон-фикшн», Москва, 15 фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», Крым. Сборники стихов и романы автора входили в число лучших книг столичного лета, лучших книг международной выставки интеллектуальной литературы, были включены в стенд «Изюминки выставки» 26 ММКВЯ. Сборник стихов «Песня сердца», по мнению «Российской газеты», вошел в дюжину лучших книг, изданных в России в 2013 году. По мнению оргкомитета фестиваля «Созвездие Аю-Даг», является изобретателем нового литературного жанра, названного автором неозотерической фантастикой.

Основатель и руководитель крупнейшего в Казахстане продюсерского центра, занимающегося производством фильмов, мюзиклов, театральных постановок и музыки самых разных жанров, от рэпа и рока до классической инструменталистики и этнофолка. На данный момент по сценарию автора снимается полноформатный мистический фильм с участием звезд российской эстрады: Светланы Ходченковой, Елизаветы Боярской, Марины Семкиной, Фархата Махмудова и других.

Автор пьесы, по которой по заказу Великобритании поставлен этнофольклорный мюзикл «Алма и Арман: магия любви», приглашенный к показу в рамках международного фестиваля театрального искусства на крупнейшей театральной площадке Англии «Ковен гарден» и театральных подмостках Ливерпуля, а также Франции, Бельгии, Германии и Италии.

Автор не дает названия своим стихам, предоставляя читателю свободу восприятия и интерпретации.



* * *

Объятая просоночным теплом,
В любви твоей, как в сказке, просыпаюсь.
И благодарность, как Творцу поклон,
В мир отпускаю, явью окрыляясь.

Раскинув крылья, в небо устремлюсь.
Наполнюсь снов нерукотворной силой.
Расцветом чувств Создателю взмолюсь,
Рассвет встречая грезой легкокрылой.

* * *

Любовь твоя — как радуга над небом!
Под ней — предтечи звездной высоты.
И солнечным благословенным светом
Возносятся ступени и мосты.

Над ней — просторы сил преображенья,
Извечность со-творяющих основ.
И радужным сияющим знаменем
Дух возвещает истину без слов.

А в ней самой — то чудо единенья
Твоей души и явности Творца,
Что осознаньем сил благодаренья
Дарует власть свершаться без конца.

И в сути, пробужденной изысканьем,
В разлете возносящихся начал,
Ты обретешься бытием как Знаньем,
И станешь всем, что сердцем опознал.

* * *

Цветка коснулся луч рассветный.
Под лаской солнечной любви,
В порыве нежности ответной,
Раскрыл он чаянья свои.

Разбужена сердечным жаром,
Прильну щекой к твоей груди...
И счастье бытия разгаром
Дня наступленье возвестит!

* * *

Закатная сияла высь...
Ты обнимал меня так нежно!
За чувством улетала мысль
В раздолье радости безбрежной...

И звездная рождалась даль
Из сна сомлевшего Светила...
И гасла небыли печаль,
И возрождалась духа сила...

Ты целовал мои глаза...
А Солнца нового рожденье —
Где звездной россыпи роса
Встречает чудо пробужденья...

* * *

Люблю сильнее с каждым днем!
Сколь животворен свет сердечный!
Рождаясь, обновляюсь в нем
Я со звезды восходом встречным.

Превозношу, боготворю!
Все ярче новое рожденье.
Все выше небом я парю,
Все легче воздуха движенье.

Все дольше счастья миг храню!
Везде тебя предошущаю.
У сна и мира на краю
Любовь как Бога я встречаю...

* * *

Под обнаженными ветвями —
Роскошный золотом ковер.
Свет Солнца радости ручьями
Питает неба синий взор.

А ветра легкое дыхание
Прохладой веет снежных снов.
И стынут в нем лучей касанья,
В Зимы вливаясь тихий зов.

И остывая, оседают
Парчовым шлейфом на траву.
И землю одухотворяют,
Свершаясь сказкой наяву.

* * *

А небо — птицам, грезам и мечтам,
Ветрам летучим, снам — воспоминаньям.
И радужным сияющим мостам,
Души полету в явности бескрайней.

А твердь земная — тропам и следам,
И пикам гор, и пропастям обвалов.
Туманным разноцветным лоскутам,
Хранилищам возможностей и кладов.

А Солнца луч — связующим путям,
Намереньям творящего начала.
И полускрытым тонким областям,
Всему тому, чем жизнь была и стала.

* * *

Слишком много злобы.
Слишком много гнева.
И вины суровой, и стыда.
Слишком много грязи.
Храм души из хлева
Трудно строить всюду и всегда.
Слишком много боли.
Слишком много старых,
Мхом поросших, гниlostных обид.
Очаги заразы,
От больших до малых,
Ценность превращают в неликвид.
Слишком много страха,
И сомнений много.
Морда эго вся трещит по швам.
Отчего ж не проще
Все единым махом
Вдруг отправить в некий тартарам?
Отчего ж не проще
На себя не плюнуть,
Отрыгнув скопившееся зло?
Не хватает мочи
Голову засунуть
Тормозом под жизни колесо?
Не хватает мочи
Вытащить занозу
Из пропавшей в пропасти души?
К жизни полномочье —
Это так серьезно!
Закрывать программу не спеши.
Не спеши соваться
В ту каменоломню,
Где казнят все памятники лжи.
Лучше надорваться
Грузом грез нескромных —
К излеченью грыжа подлежит.
До крови изрезан
Битыми мечтами —
Кровопуск полезен иногда.
Сам собой растерзан —
В мусоре и хламе
Множится страданиями беда.
Не беда, коль болен,
Не беда, коль беден,
Но беда, коль духом неумел.
Возродиться волен,
Там побыть, где метил
Состояться искренностью дел.
Загубиться волен,
Стать себе обузой,
Бременем для мира высоты.



Жизнью недоволен —
Открывай все шлюзы —
Глубиной возносятся мосты.
Открывайся яви,
Открывайся Богу,
Доверяйся истине в себе.
Сердца свет подправит
Всякую дорогу.
Благодарствуй собственной судьбе.

* * *

Не жди любовь — живи любовью!
Проникнись чудом Бытия.
Душа, что явлена тобою —
Извечность мудрая твоя.

Не жди прозренья — открывайся
Творящей силе Божества.
И красотой наслаждайся
В расцвете жизни торжества.

Прими щедроты откровенья —
Ведь мира триумфальна суть.
Творца прочувствуй снисхожденье
В расстеленный судьбою путь.

И обретись счастливым смыслом
Предтечи жизненных дорог.
Надзвездною простершись высью,
Познай сознания исток.

Войдя в оплот духовной власти,
Явись продленьем высоты.
И, целым раскрываясь в части,
Исполни тайнством мечты.

* * *

Бесконечна, бездонна,
В проявленях свободна.
Неузрима, но явна,
Всевозможностью славна.

Подотчетна предтечам,
В становление вечна.
Светлой зиждется силой,
В постиженье — счастливой!

В мелочах кропотлива,
В оскуденье — бескрыла,
В уникальности — диво,
В созревании — красива.

Проводник и посланник,
И исток, и избранник,
То герой, то изгнанник,
То душа твоя, странник!

* * *

Любви неизбежна награда!
В небесном полете ее
Найдешь одоление преградам,
Что строят твое бытие.

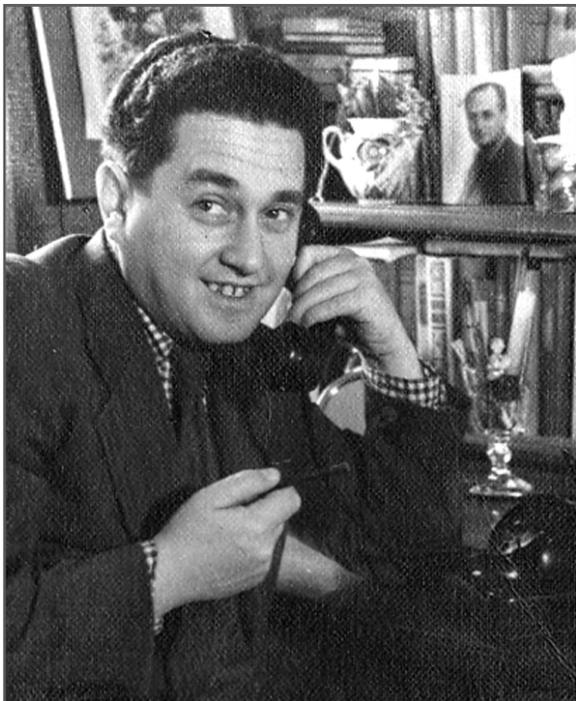
Найдешь одоление сомненьям,
Желаньям и страхам пути.
И через сии одоления
Сумеешь воспрять и взрасти!

Сумеешь сквозь радость и горечь
Сильней и счастливее стать.
Крылья, как высшую доблесть,
Ответственным даром принять!

Творческие изыскания

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ:

«Я вырос в любви»



Часто бывает так, что на детях знаменитых людей природа, как говорится, отдыхает. Этого не случилось с Денисом Драгунским, сыном знаменитого детского писателя Виктора Драгунского, на чьих «Денискиных рассказах» мы все выросли, и чье столетие со дня рождения мы отметили 1 декабря прошлого года. Денис Викторович – востребованный журналист, известный писатель, а также заботливый муж и отец. Произведения Дениса Драгунского, его книги и статьи, его размышления о нашей с вами жизни пользуются успехом у читателей. Значит, к нему в полной мере перешли отцовские гены человека интересной судьбы.

– Денис Викторович, сравнивали ли вас с отцом?

– Мой друг Дмитрий Быков писал, что вот, мол, Денис Драгунский пишет не хуже, чем его отец. Не уверен, что это так. Но дело даже не в этом. Сравнение с отцом надо мной висело всегда, поэтому я, наверное, долго и не начинал писать, так как, если сказать откровенно, побаивался этих сравнений. Писателем-профессионалом, который пишет рассказы, я стал очень поздно, а если точнее, в 2009 году, когда мне уже было 59 лет. Когда-то я дружил с писательницей Викторией Токаревой, и она мне говорила: «Какой ты несчастный человек! Откроют книгу – написано «Денис Драгунский». Сразу скажут: «А-а! Ну, понятно, сын писателя. Конечно, хорошо, но не то». Так что тебе очень сильно придется доказывать свое право писать».

– Как складывалась жизнь вашего отца?

– У моего отца, замечательного человека, была необыкновенная судьба. Он родился в Нью-Йорке, куда его родители, совсем еще молодые, семнадцатилетние, приехали из маленького белорусского города Гомеля. Жили они в самом плохом районе Нью-Йорка, денег не было, кормили его бананами вместо молока. Ничего у них не получилось с устройством в Америке, и они в 1914 году, когда отцу было шесть месяцев, вернулись обратно в Россию. Семейное предание гласит, что они приехали назад в Гомель в июле. Это важно помнить, потому что в августе началась мировая война, и они вряд ли смогли бы проехать через воюющие страны. У отца было нелегкое детство, потому что родители разошлись, и в семье часто менялись отчимы. Потом они с матерью переехали в Москву, он стал рабочим паренком. У него рано обнаружился драматический талант, и он поступил в театральную студию знаменитого актера Алексея Дикого. Это было учебное заведение с правами вуза, поэтому отец получил диплом о высшем образовании. Он начал играть в театре, сни-

маться в кино. Его освободили от службы в армии по болезни, но, когда началась Великая Отечественная война, он пошел в ополчение. На своей шкуре он познал всю катастрофу московского ополчения. Их окружили немцы, половину перебили, а остальные уцелевшие выбирались лесами и болотами к своим. Отцу удалось выйти к Москве. Писать детские рассказы он начал в 1960 году, когда ему было сорок семь лет. А до этого сочинял какие-то фельетоны, скетчи, но таких авторов было много, не только в Советском Союзе, но и во всем мире, и никто его не знал. Вот так вот он и жил, работал актером и режиссером, а когда он выпустил свои рассказы, его ждал большой успех. Не побоюсь сказать, что «Денискины рассказы» стали своего рода классикой. Все их знают, их постоянно переиздают, делаются инсценировки, экранизации.

– Писательство отца как-то было связано с вашим рождением?

– Наверное, связано. Все-таки он посвятил эти рассказы мне. Меня часто спрашивают: «Было ли все, описанное в рассказах, на самом деле, или это придумано?» В этих рассказах очень точно описана атмосфера: школа, двор, улица, магазин, соседи, квартира наша коммунальная, коридор и так далее. Сами имена подлинные: Дениска – это я, Мишка – это вот Мишка, есть такой живой человек, я с ним общаюсь время от времени, учительница Раиса Ивановна – это учительница Раиса Ивановна. Даже мальчишки, которые упоминаются по ходу дела, мельком – Ванька, Костик, Андрюшка, – это совершенно реальные люди, я их прекрасно помню. И даже мелькнувший управдом Алексей Акимыч – это реальный управдом Алексей Акимыч, был такой в нашем доме. Но вот что касается происходящих событий, это все выдуманно. Реальные люди в реальных обстоятельствах играют совершенно выдуманную пьесу. Но это



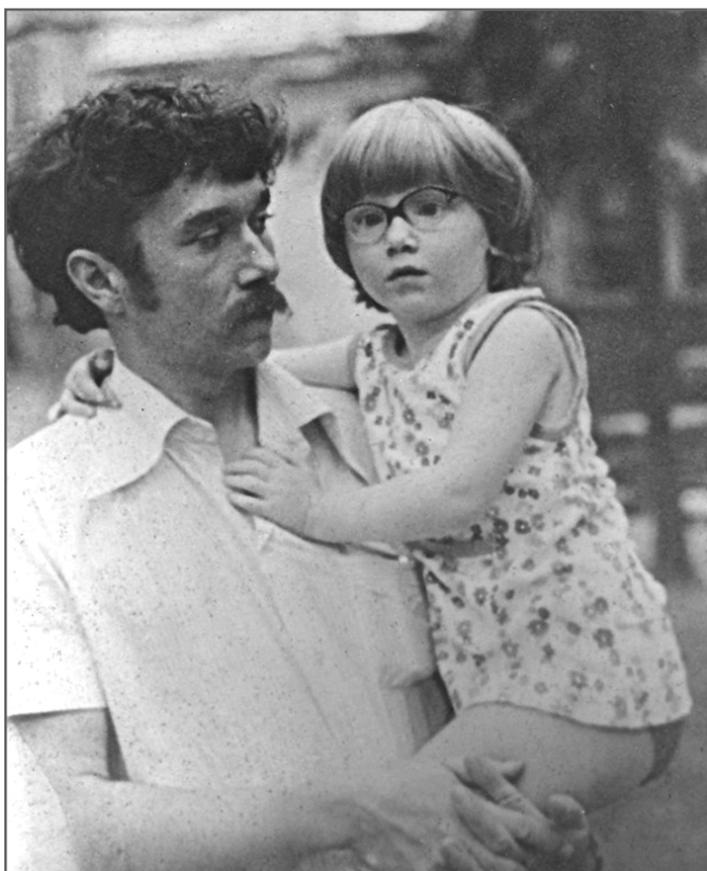
и правильно, на самом деле, потому что иначе любой грамотный папа стал бы автором детских рассказов. Могу сказать: я не влюблялся в девочку на шаре, я не летал под куполом цирка вместе с клоуном, хотя в цирк очень любил ходить вместе с папой – папа когда-то работал в цирке клоуном, у нас дома оставались рыжие клоунские парики. И конечно, я не выливал кашу из окна по очень простой причине: наша квартира была в подвале. А как из подвала выльешь кашу в окно? Окно-то вон где! Очевидно, в этом рассказе была какая-то мечта о том, чтобы мы получили отдельную квартиру. Она потом появилась, хорошая квартира, где-то году в 1960-м. Но наша новая квартира была очень высоко – на одиннадцатом этаже, и оттуда каша просто не долетела бы до земли. Мой папа несколько раз приходил ко мне в школу читать свои рассказы, и хотя там героем был Дениска, мои одноклассники все-таки ощущали разницу между жизнью и художественным вымыслом. Никто не тыкал в меня пальцем, не говорил, что эти рассказы про меня. Ребята прекрасно понимали, что папа-писатель просто назвал своего героя именем своего сына, и все, и точка. Меня никто не дразнил Дениской из рассказов и не спрашивал, выливал ли я кашу. Значит, хорошо тогда преподавали литературу: учили различать вымысел и жизнь!

– **Какое воспитание вы получили в семье?**

– Родители много занимались мной. Папа был человеком очень добрым, хотя иногда вспыльчивым. Он очень хорошо и внимательно ко мне относился и очень хорошо меня воспитывал. Никогда не забуду, как папа со мной прочитал всего «Евгения Онегина», со всеми комментариями. Он был довольно образованный человек, раз он смог мне объяснить все непонятные слова у Пушкина, смысл и значение многих фраз – что значит «мой дядя самых честных правил», «надев свой новый боливар», «недремлющий брегет» и многие другие вещи. Это было очень ценно. Мама водила меня по выставкам. У нас дома было

много разных репродукций картин художников, она мне все это показывала и объясняла. Мама, Алла Васильевна, актриса, очень красивая женщина, получила незаконченное вгиковское образование. Какое-то время она даже была, если можно так выразиться, официальной русской красавицей – вела программы знаменитого ансамбля танца «Березка». Она выходила в красивом платье и объявляла концертные номера. С ансамблем мама объездила полмира, а потом она окончила Институт иностранных языков, в возрасте сорока лет. Для меня это был очень важный пример. Я видел, как мои родители тянулись к знаниям, как отец все время покупал книги, как он помногу читал, как мама, уже взрослая женщина, беременная к тому времени моей сестрой Ксенией, с которой у нас была разница в пятнадцать лет, сидела над учебниками и конспектами, вслух повторяла английские слова. А у папы был сын от первого брака, Леня, ставший известным журналистом, он умер недавно, и он в свою очередь, был меня старше тоже на пятнадцать лет. Раз в пятнадцать лет в нашей семье дети появлялись! Вот этот пример родителей, пример того, как они стремились к культуре, оказал на меня большое влияние. Помню, как отец приходил из книжного магазина, приносил целую связку книг, мы с ним начинали вместе читать. Еще, что было очень важно для моего воспитания – то, что отец был очень демократичным человеком. Конечно, у него были друзья-писатели, но их было мало. Среди них – Юрий Маркович Нагибин, их связывала настоящая дружба, еще, может быть, два-три человека. В основном же он общался со своими школьными друзьями, которые приходили к нам в дом. Это были два очень скромных советских чиновника, один довольно высокий советский чиновник и один профессор кафедры литературы в инязе, которого они нашли позже, он потом присоединился к компании. Мой папа терпеть не мог всех этих, как сейчас говорят, понтов. Есть у него такой рассказ – «Человек с голубым лицом», про то, как произошла авария на дороге. В основе этого

рассказа лежал реальный случай, только меня в этой машине не было. Действительно, мой папа перевернулся на машине, это была двадцать первая «Волга» – танк, а не машина, поэтому, к счастью, все остались живы. И в этой машине ехал один сосед и еще трое рабочих из нашего дачного поселка: два электрика и один вообще не пойми кто, разнорабочий, что называется. И они решили, раз уж они как бы второй раз родились, то они с папой побратимы, и я помню, как они приходили к нам в гости на дачу. Отец с ними выпивал, сидел подолгу. Я даже сейчас не могу понять: смог бы я сейчас дружить и выпивать, скажем, с рабочим с дачи? Я в этом не уверен. Больше того, могу честно сказать: уверен, что нет. О чем с ним говорить? А вот мой папа говорил. Приходил Коля Луковкин, папа тащил из холодильника закуску, и они о чем-то полвечера болтали. Это такую мне прививку демократизма сделали – что нужно обращать внимание на то, какая у человека душа, какие у него переживания, чем он тебе душевно интересен. А не общаться только потому, что он какая-то знаменитость. Вообще меня воспитывали довольно строго, но при этом – странно строго, я бы так сказал. То есть, на какие-то вещи родители внимание обращали, а на какие-то, серьезные с точки зрения других родителей, – нет. Например, мне практически не давали карманных денег. Всякий раз, когда мне нужны были деньги – на покупку книжки, скажем, или мороженого, мне приходилось просить. Просил от тридцати копеек до рубля. Так было где-то класса до восьмого. Потом, уже не помню, как это получилось, но у меня завелась какая-то мелочишка. Одевался я очень скромно, меня не баловали шмотками. У меня всегда были штопаные носки, которые я сам себе штопал на электрической лампе, меня мама научила. Научила она меня самому зашивать порванную одежду, пришивать пуговицы. Я сам себе стирал и развешивал одежду, всегда мыл посуду. Меня научили готовить. Я жарил котлеты, жарил мясо и так в этом преуспел, что родители меня даже просили приготовить мясо для гостей. У меня это очень хорошо получалось, все было просто в восторге. А с другой стороны, при всей стро-



гости воспитания, родители не запрещали мне курить. Курить я начал очень рано, чуть не в двенадцать лет. При родителях я, конечно, не курил, но в карманах у меня болтались сигареты, спички, даже трубку я курил – в школе еще, в девятом классе. Трубка лежала у меня на письменном столе. И они закрывали на это глаза. Когда к папе приходили курящие гости, их всегда выгоняли курить на лестницу. Я выходил с ними, и никаких на эту тему не было разговоров. Выпивать мне позволяли немножко, дома, за столом, ну, там шампанское на новый год. Все было довольно либерально, что меня очень удивляло, потому что ребята мне рассказывали, что у них в семьях за курение надирали уши.

– **Вас наказывали за что-нибудь?**

– Раза два или три, было дело. Один раз меня папа и мама не то что побили, а дали выволочку, потому что я закапризничал, не хотел надевать теплый шарф, говорил, что он мне колет, режет и все такое. А было холодно. «Замолчи, не ори!» – встряхнули меня родители. Я это запомнил и перестал орать. Понял, что с папой этот номер не пройдет, с папой нельзя так себя вести. Тогда мне было, наверное, лет шесть. Решил попробовать то же самое с мамой – и получил по попе. Все понял и перестал. И еще меня как-то раз наказали – не взяла с собой в кино, потому что я получил в школе двойку. Вот и всё.

– **Как вы считаете, нужно применять наказание в воспитании?**

– Не знаю. То, как меня называли родители, кажется смешным. Есть ведь и серьезные наказания – когда запирают, лишают сладкого, оставляют без подарка, а то еще и порют. Я считаю, не нужно бить, недопустимо унижать ребенка. Лучше обойтись без этого, как-то достучаться по-другому. Не бить, а заставлять себя правильно вести. Не надо наказывать ребенка, например, за то, что он не убирает комнату, а сделать так, чтобы он убирал. Родители приучили меня к ручному труду. Начиная с пятнадцати лет, я мог починить электричество, врезать в дверь замок, ключ выточить. У меня был набор слесарных инструментов, который подарил один из папиных друзей. Я и сейчас это могу. Считаю, что это необходимо, потому что напрямую связано с мозгами. Ручная работа развивает мозг. Рубить дрова я умел, – когда мы жили на даче, это была моя обязанность, – печь истопить, вскопать грядку, забор починить. Эти очень полезные навыки остались со мной на всю жизнь, за что я очень благодарен своим родителям.

– **А в семье ваших родителей была гармония?**

– Они были очень красивой парой, прожили в согласии больше двадцати пяти лет, до смерти отца. Очень любили друг друга, помогали друг другу, гордились друг другом. Ссор между ними я практически не помню. Иногда папа мог стукнуть кулаком по столу, но это было по поводу какой-нибудь сущей ерунды. Папа был влюблен в маму и радовался, что она выступает, ездит на гастроли, и что она окончила институт. Это для него было особенно важно. Наверное, он чувствовал какую-то свою вину, потому что в свое время он ее забрал из ВГИКа. Он это сделал не потому что, как многие мужчины говорят: «Мне не нужна жена-артистка». Наверное, у мамы было недостаточно таланта, играть у нее не очень получалось, и он это видел. Он понимал, что из нее не выйдет настоящей актрисы и не хотел ей судьбы неудачницы – сам он тоже был не очень удавшийся артист. Его эпизодические роли в театре и кино не принесли ему ни славы, ни удовлетворения. Он состоялся, как писатель. Мама очень его любила и очень страдала, когда он умер. Так что я родился и вырос в любви, что очень помогло мне в жизни.

Беседовала Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

Московский BAZAR



ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы будем говорить об авторских проектах, которые считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории. В этом выпуске речь пойдет о Сергее Пашкове и его медийном проекте «Интеллигент».

МЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНТ»: ЗНАКОМЬТЕСЬ - СЕРГЕЙ ПАШКОВ, ИЗДАТЕЛЬ, ХУДОЖНИК, ПУБЛИЦИСТ.

Материал подготовлен Светланой СУДАРИКОВОЙ

«К сожалению, в нашей современной системе истинная духовность не пользуется спросом...»



Сегодня мы хотим рассказать об основном учредителе хорошо известного медийного проекта «Интеллигент» Сергее Пашкове.

Сергей Пашков – издатель, художник, публицист. Пишет прозу, стихи. В его авторском портфолио не только замечательные рассказы, но и переводы с болгарского языка. В составе авторской группы Сергей получил три международных сертификата: Российской академии естественных наук, Института интеллектуальной собственности РФ, Российского общества оценщиков (программа по использованию экспозиционных субъектов РФ в качестве носителей информации была признана ноу-хау). Продолжительное время Сергей занимается издательской деятельностью, издавал авторские газеты «Отражение», «Мир загадок и открытий», альманах «Лепесток Розы мира», где выступал и в роли автора литературных произведений, и художника, и журналиста, и редактора. В настоящее время основным и главным детищем Сергея является хорошо известный нам медийный проект «Интеллигент», включающий три международных газеты – «Интеллигент» Москва, «Интеллигент» Санкт-Петербург и «Интеллигент» США, а также журналы «ИНТЕЛЛИГЕНТ. Избранное» и «ИНТЕЛЛИГЕНТ. Нью-Йорк».

Конечно, хочется начать разговор именно с рассказа об этом проекте. Учредителями медийного проекта являются Сергей Пашков и его помощники Сергей Лебедев и Андрей Медведев. Проект был запущен в начале лета 2011 года, тогда же по всему миру начались презентации этих изданий. Презентации прошли в Нью-Йорке (США), Мельбурне (Австралия), Херсоне (Украина), Луганске (Украина), Одессе (Украина), Хайфе (Израиль), а также в крупнейших Российских городах, таких как Краснодар, Красноярск, Омск, Нижний Тагил, Петрозаводск,

Москва, Санкт-Петербург, так и в небольшом закрытом городке Знаменск, что в Астраханской области. Суть нового проекта – создание единого русскоязычного литературного пространства, сохранение русского языка с его многообразием, уникальной палитрой различных диалектов, языковых особенностей русского зарубежья, где местами еще сохранились старые дореволюционные традиции общения, доставшиеся потомкам от первой волны эмиграции. Именно поэтому медийный проект объединяет русскоязычных авторов во всем мире, продолжая замечательные традиции русской классической литературы, открывая миру новые имена талантливых авторов. На страницах изданий можно познакомиться с поэтическими, прозаическими, публицистическими произведениями. Основная задача проекта – духовное просвещение и возможность предоставления площадки для русскоязычных авторов независимо от места их проживания.

Первоначально был запущен проект «Провинциальный Интеллигент 1», который планировалось в течение 5 лет вывести на международный уровень, однако это произошло значительно быстрее, и уже через год «пятилетка» была выполнена. Издание сразу же стало пользоваться большой популярностью среди русскоязычных авторов, хотя в самой Карелии, откуда, собственно, проект родом, он успеха не имел.

С.С.: Сергей, как вы думаете, почему столь амбициозный и интересный проект не просто не заинтересовал никого в Карелии, но к нему даже сложилось негативное отношение?

Сергей Пашков: Современные СМИ, которые обслуживают правящее сословие и чиновников, ориентируясь на Западные формы низкого, чисто потребительского уровня, не способны принять народное издание, которое к тому же пред-

ставляет культурное духовное творчество. Надо понимать, что современные СМИ сильно политизированы, имеют культовую и корпоративную направленность, и им не выгодно не только развивать, но и сохранять русский язык. Сейчас все держится только на кучке энтузиастов, которым государство, к сожалению, не только не помогает, но, я бы сказал, даже вредит, преступно бездействуя, попустительствуя появлению низкопробных изданий либо исключительно рекламно-потребительского характера. Что касается отношения к этим проектам и изданиям в моем городе и в Карелии в целом, то тут сложились несколько нелепых стереотипов. Людям мерещится, что кто-то должен к ним прийти, увидеть их «гениальность», интересные мероприятия, культуру, неких авторов, таланты и все это затем этот НЕКТО начнет представлять по всей территории России и по земному шару. Либо житель этих мест сам, в одиночку, сможет пробиться далее чем городское пространство или Республиканское и тогда - то все на таком человеке постараются «въехать с таким в райские кущи». Ведь это как бы соотносится с местной и их принадлежностью, но при этом не учитывают, что не только никакой помощи не осуществлялось на местах, а только вредили, от различных завистников, до жалких проходимцев и самозванцев. Я и мои соратники неоднократно пытались вразумить, что надо самим завоевывать как Российское информационное пространство, так и по всему миру, но не размещением опять же сайтов «местнических» в интернете, а надо расширять самим горизонты в информационном мировом пространстве!

Надо экономически и морально всячески это поддерживать, а не пытаться с мизерными масштабами в мировоззрении и в бытие, еще и учить-командовать тем, что не вмещается в таких местных аборигенов. Чтобы принять нечто новое или его произвести, надо избавиться от старых стереотипов или навязанных иными системами, чего до сих пор не способны даже понять как в моем городе, так и в Карелии.

Надо четко понимать, что духовное творчество - это не буквальная информация, а она иносказательная, т.е. это метафоры, аллегории, символы, притчи, но при этом духовность никакого отношения не имеет к культу верований. К сожалению, в нашей современной системе истинная духовность не пользуется спросом. В обществе процветают разного рода фанатические веры в культы, национализм, нелепое политиканство, подменяя истинные понятия добра и зла. Зато граждане в иных регионах России и зарубежья поддерживают наш уникальный проект, потому что понимают его значимость не только для России, Карелии и естественно славу для города Костомукши, но для всего русскоязычного пространства! Об этом свидетельствуют не только письма от простых читателей и писателей, различные международные награды из Индии, Австралии, Бельгии, Англии, США, Новой Зеландии, Болгарии, Греции, Израиля, Франции, Германии, Украины и прочих стран, из городов Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара и так далее. И хотя местные чиновники уверяют меня, что таких проектов в Карелии тысячи и что для карельских авторов наступили просто благоприятнейшие времена после якобы советского «тотального запрета на словесное творчество», я знаю, что это не так, и назвать ни одного действующего проекта, подобного нашему, они не могут. И это не удивительно.

С.С.: Непризнание проекта в Карелии привело к тому, что издание покинули два учредителя, и проект был на грани развала. Сам проект, по сути, перестал относиться к Карелии. Однако Сергей Пашков отстоял проект, фактически взвалив на себя всю работу. Более того, Сергею удалось практически в одиночку запустить целую медийную группу изданий, а сейчас к нему присоединились и его поддерживают двое новых помощников.

Сергей Пашков: Это было очень сложное время. Планировалось запустить еще два международных газетных издания «Интеллигент. Москва» и «Интеллигент. США», а так же из них сформировать ЭТАЛОН наших новых журналов. Мы должны были создать ПЯТЬ изданий!!! Притом самостоятельных международных изданий в одной стилистике, которые отличались бы друг от друга материалами. Когда же я слышу, что якобы

я украл идею создания газеты или журнала, а эти невежды и лгуны еще в различных кулуарах активно и такое муссируют, то мне становится и смешно и очень грустно. Ведь я один из немногих, кто первым стал самостоятельно еще в СССР издавать независимое издание, да и в Костомукши участвовал в таких проектах самостоятельно, но главное никто, никому не мешает этим взять и заниматься, т.е. это закреплено законодательно, потому красть то не у кого, а бери и делай сам любое СМИ!

Проблема в том, что их следует финансировать, формировать, продвигать в различном развитии, от уровня материалов до географии. Чтобы начать издавать некую газету, прежде всего надо наработать огромную базу различных материалов, просто наладить отношения и связи по различным авторам, творчеству и географическому расположению. Если же речь идет об солидном журнале, которые мы издаем, то надо все усилия умножить в пятьдесят раз!!! А ходить и всем рассказывать, мол, я хочу издавать газету или журнал, потом ничего не сделав кроме сотрясение воздуха и в оправдание недееспособности говорить, мол, у таких украли идею, это аморально и глупо.

Благодарен «МОССАЛИТУ» и лично Ольге Грушевской, которая в труднейшее для проекта время начала активно помогать проекту, над которым нависла реальная угроза уничтожения его ресурсной интернет-базы. Номера начали размещаться на сайте «Моссалита», и появились электронные версии газет. Были открыты новые редакторские почтовые ящики. Был также изменен редакторский и представительский состав. В этот момент я получил исключительную поддержку от Ольги Грушевской, хотя она сама вряд ли подозревала обо всех сложностях проекта. Именно она, связав сотрудничество проекта «ПИ 1», а затем и проекта медийной группы изданий «Интеллигент» с одной стороны и «Моссалитом» с другой, укрепила меня в мысли, что проект уже не смогут уничтожить, и он имеет все шансы на развитие. Да и в Костомукше проект все же поддерживали морально и материально Сергей Лебедев и Андрей Медведев, за что им огромное спасибо.

И, как видите, проект «ПИ 1» преобразовался, более того он занял гораздо более значимое место в русскоязычном пространстве на международной арене!

С.С.: Сергей, я знаю, что в этот сложный период вам поступило предложение о сотрудничестве от американского журнала «Острова/Islands», и вы согласились. Почти наполовину издание формировалось исключительно материалами, представленными вами, и результат был очевиден – интерес к изданию со стороны авторов во всем мире резко возрос. Однако дальнейшего сотрудничества не получилось. Сергей, почему у вас произошел разрыв с американскими партнерами?

Сергей Пашков: Причиной послужили личные «трения» американского издателя. Однако для меня это стало интересным, я бы даже сказал успешным опытом работы с Западными СМИ. В этом издании публиковались и авторы «МОССАЛИТА» и другие, кто с нами уже активно сотрудничал, действительно тогда издание начало приобретать интерес и в том числе к нашему проекту. И после запуска нашей медийной группы к нам стали поступать постоянные предложения о предоставлении наших материалов в другие издания. Мы стали плотно сотрудничать с изданиями в Европе, США, Азии, Австралии, т.е. это уже реальное мировое признание проекта на различных континентах Земного шара. Собственно, и с американскими журналами мы готовы возобновить сотрудничество, лишь бы наши усилия вновь не подверглись деструктивному воздействию другой стороной.

С.С.: Сергей, я знаю, вы не собирались останавливаться на достигнутом, и в проекте запустили журнал «Интеллигент, Избранное и Интеллигент. Нью-Йорк». Расскажите об этом подробнее.

Сергей Пашков: Это действительно так. Вдобавок к трем нашим международным газетам мы начали выпускать эти журналы. Первый номер «Интеллигент. Избранное» был посвящен в основном авторам из эмигрантов, его формировала Наташа Крофтс. Во втором номере преобладали авторы из России, и я формировал его с другим главным редактором - Диной Лебеде-

вой. Я, как основной учредитель, буду курировать все выпуски, но редакторы будут меняться. Вышло уже три номера журнала «Интеллигент. Нью-Йорк», который всюду пользуется огромным не только интересом, но и влиянием. Если в (Избранном) мы публикуем только словесное творчество и он издается как альманах, то журнал «Интеллигент. Нью-Йорк» - это толстый международный журнал. В нём представлены концерты классической музыки, и их критика, представлены знаменитые и интересные художники, всевозможные международные конкурсы связанные с русским языком, в нем представлены страны и города, где проходят или проходили презентации наших изданий, а это огромная сейчас уже палитра и по масштабам и по количеству этих презентаций. Представлены благодарственные письма и различные награды, притом как наших участников так и награды и благодарственность из различных стран непосредственно нашему проекту медийной группы «Интеллигент». Есть в этом журнале рубрики поздравлений к нашим участникам проекта и уввы, памятные материалы об ушедших наших партнерах и участниках. В журнале «Интеллигент. Нью-Йорк» мы так же выбираем и некую новую тему, а затем представляем её читателям. Будь то тема о балете, где предстают балерина прошлой и современной эпох, как пишут о балете разные творческие и увлеченные люди. Недавно публиковали тему о библиотеках, в частности которые активно и с удовольствием с нами сотрудничают и благодарны нам за это! Надо отметить что мы активно сотрудничаем с самыми известными библиотеками мира, будь то англоязычные страны, а это библиотека в Австралии или библиотека Оксфорда в Великобритании, а так же библиотека Конгресса США, где официально наши издания признаны легитимными и международного уровня, притом мы неоднократно получали из библиотеки Конгресса, благодарственные письма, хотя мы открыто в своих изданиях ведем пропаганду именно русского языка, русской культуры, русского образа мыслей и творчества. Тогда как в Карелии, то есть в самой же России, не только к нам нет никакого интереса, но и мы прекратили сотрудничество даже с национальной библиотекой города Петрозаводска, притом по надуманным с их стороны требованиям к нам. Могу только выразить очередное свое недоумение по таким отношениям, когда во всем мире к нашим изданиям огромный интерес и большая заинтересованность, то на местном уровне ничего за пять с лишним лет существования проекта не изменилось. В новом номере мы уже сформировали материалы об журналистах работающих на радио, о различных радиостанциях рассказывающих о нашем проекте. О теле-видео из разных стран, где представляли наш проект, т.е проект не обделен вниманием по всему миру, но через негативное отношение к нему в городе и Карелии, у многих региональных и зарубежных лиц, складывается и негативное отношение к городу и Карелии. Хотя именно наш проект по всему миру и прославляет реально город Костомукшу и Карелию в целом, и я ожидал адекватного сотрудничества или хотя бы адекватного отношения к тому, что еще имеется и держится на голом энтузиазме. Негативное отношение к личному творчеству и неким международным уже признанным делам человека, зеркально переносится, но в отношении к тому месту, где живет данное лицо, которое пытаются на этом уровне придать забвению, вредить и распускать негативную лишь информацию. Тогда как реальное содействие приводит к реальному разделению и славы с такими лицами. Сейчас же принято присваивать реальные плоды и достижения, но не только ничего реального для этого не сделав, но еще и противодействиями пытаться заглушить такие плоды в зародыше, либо уже игнорировать и пытаться присвоить результаты других.

С.С.: Сергей, теперь мне хочется поговорить о вашей живописи. Вы пишете удивительные картины, наполненные тайным ассоциативным смыслом, что вызывает к ним большой интерес. Скажу честно, увидев их впервые, я была потрясена, даже шокирована. Ваши работы публиковались в разных региональных и иностранных изданиях и всюду они вызывали не поддельный интерес. Глядя на ваши работы, у каждого возникает собственное ощущение, глубинное, возможно и не связанное с вашим представлением о работе.

Хотелось бы услышать именно ваши комментарии. Например, к работе «Тайная вечеря», я знаю, вы еще называете ее «Единосушность», или к картине «Страж», которая, не скрою, мне нравится особенно.

Сергей Пашков: Мое творчество духовное, в нем нет буквального представления, все метафорично и аллегорично, то есть все надо осмысливать и воспринимать иносказательно. Именно это каждому созерцателю дает возможность увидеть то, что даже я, как автор, не в силах увидеть! Вспоминаю интересный случай: ко мне пристал один молодой человек, который хотел купить у меня как раз картину «Тайная вечеря», или «Единосушность», но он требовал продать ему, как он называл, «Оранжевого Будду»! Например, на картине «Страж» представлены извечные моменты переплетения ужасного и прекрасного. Потому в этой композиции можно созерцать «Аленький цветочек», «Красавица и чудовище» и даже сцены из фильма «Кинг Конг». Мне, как автору, эта работа тоже очень нравится, а в ней основной мотив – это некие стражи, в том числе из мира падшего и из мира возвышенного, в благодати и истинности.



СТРАЖ

Картина «Единосушность» включает в себя всякое сущее, в ее очертаниях можно увидеть попеременно то голову слона, то голову муравья. Используя изменение акцентов в очертаниях, можно созерцать в одной матрице этого рисунка как волка, так и ягненка, воина, несущего смерть, и врача, дарующего жизнь. В матрице рисунка все расы и нации, лицо и изнанка, низ и верх, рождение и смерть, различные люди, притом как великие и известные, так и каждый из самих же созерцающих!

Вот таким духовным текстом я иногда сопровождаю этот рисунок:

«Вот был я в одном расположении Духа. И виделся мне всякий Суций. И сотворил всякий суций Единосуцного Бога. Единосуцный Бог наделил каждое свое сущее присущей ему чертой. Дабы каждое сущее имело черту своего отличия и однородную черту со всем Единосуцным. Всякий, стирающий плохие черты в себе и восстанавливающий добрые черты в себе и в мире, становится ближе к Божьей Единосуцности. Однако надо помнить, что одной плохой чертой можно перечеркнуть все хорошее, тогда-то скроется все истинное. И никто никогда из порочных людей не увидит божественного.»

Всякий, кто стирает хорошие черты и восстанавливает в себе и в мире плохое, подводит себя к последней и необратимой черте вечного зла. Однако можно одной доброй чертой перечеркнуть все плохие черты. Только жаль, что часто многие переступают и эту последнюю черту и уходят в вечность порочную, порочными и отходят во вторую смерть, как духовно падающими уже в буквальную вечную смерть. Все черты меняются - и на небе, и на земле, но что мудрого тут предназначено, извечно, ибо сие и является неизгладимыми предназначениями!»



ЕДИНОСУЩИЙ

Это краткий текст к картине, тексты могут и варьироваться не только по объему, но и по текстовому расположению, при этом за подобные духовные тексты мной был получен орден «Сергея Есенина», а тексты печатались в разных странах и регионах России.

С.С.: Ваши работы публиковались в российских и зарубежных журналах, у вас проходили авторские выставки. Где и когда мы можем увидеть их? Нет ли планов издания авторского альбома? Скажу откровенно, как редактор «Московского БАЗАРА», имею тайное желание разместить ваши удивительные работы на страницах нашего журнала! Мне бы очень хотелось познакомить широкую публику именно с этим видом вашего творчества. Хотя видеть работы живую, конечно же, ни с чем не сравнимое удовольствие!

Сергей Пашков: Самое смешное то, что на моей первой и последней авторской выставке в моем городе Костомукша, с открытием моей авторской выставки в Музейном культурном центре, начались споры между посетителями. Каждый посетитель, созерцая нечто «свое», то есть отличное от другого, пытался доказать свою версию увиденного, и на этой почве и начались споры. Меня начали вызывать по телефону, хотя встреча с посетителями выставки была намечена через месяц, тогда и завершалась демонстрация моих работ. После очередных споров меня вызвали и любезно так попросили демонтировать мою выставку, а вслед я услышал: Мол, у всех все понятно, деревья, так деревья, портреты, так портреты, а у этого никто ничего понять не может, да еще и сам художник всех запутывает, ничего конкретного не говорит. Действительно, вот и в моем духовном тексте к картине «Тайная вечеря», или «Единосущность», я ни о каком конкретно существе не говорю, ибо все сущие, находятся

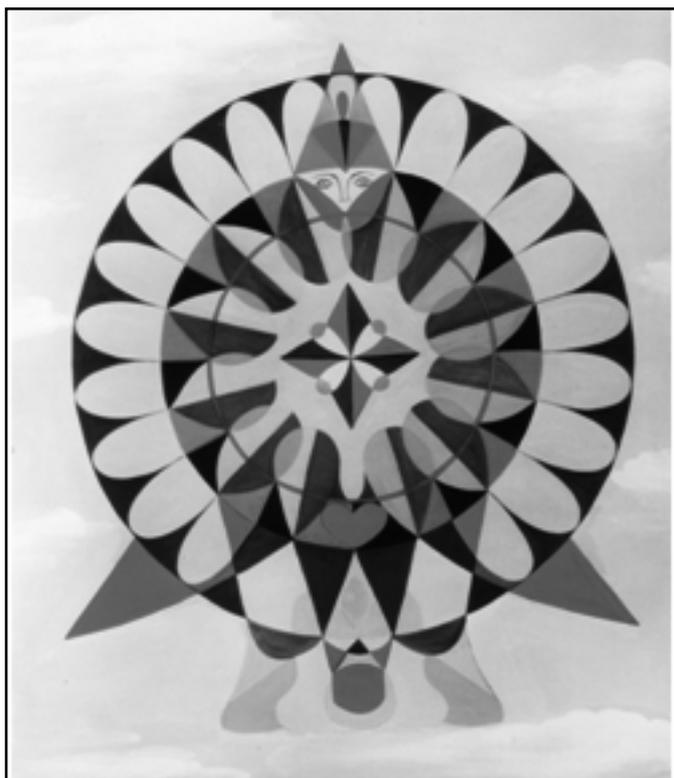
в одной духовной матрице рисунка, как со-творцы в единосущном. Как видите и тут устоявшиеся стереотипы не дали даже жителям города встретиться со мной лично и поговорить и об этом моем творчестве. Зато это творчество привлекло внимания по всему миру и мои рисунки попросили для публикации в США, в Австралии, в Украине, в различных регионах России и мне было бы не только замечательно увидеть мое с вами интервью в вашем издании, но и мои рисунки.

С.С.: Сергей, я знаю, вы не любите отвечать на личные вопросы, и все же прошу рассказать немного о себе.

Сергей Пашков: Родом я из мира горного, с Урала. Там и начал издательскую и творческую деятельность, но с началом перестройки всей семьей переехали в Карелию. Еще в советский период тут оказалась моя сестра, а позже и мать с отцом. Как-то так получилось, что я не влился в ряды новоявленных антисоветских представителей, потому и не стал частью нового постсоветского мира, и в Карелии меня не приняли как «своего». Зато могу считать себя человеком мира, потому что работаю с разными людьми, живущими в разных странах и на разных континентах, да и в Карелии имею хорошие отношения с небольшой группой творческих людей. Пожалуй, это все. Говорить о личном не люблю, о творчестве – пожалуйста, а вот где родился, учился, когда женился, дети и прочее – это мое личное пространство.

С.С.: Сергей, большое спасибо за откровенную беседу. От имени журнала «Московский БАЗАР» и лит. объединения «Моссалит» хочу пожелать вам успехов в вашем многогранном творчестве и дальнейшего развития медийной группы «Интеллигент». Вы делаете замечательное дело, мы будем рады и в дальнейшем рассказывать о вашем проекте, а также надеемся на сотрудничество.

В заключение скажем, что менее чем за полгода проект медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк) был отмечен тремя дипломами «Золотое перо Руси». Многие участники проекта, в том числе Ольга Грушевская и Ян Кауфман, получили копии этих дипломов, как одни из самых активных участников проекта. Как сказал Сергей, проект «Интеллигент» принес золотое оперение на целую «Жар-птицу»! В апреле 2012 года Сергей Пашков и Вячеслав Барыбов были удостоены ордена «Трудовая доблесть России» (первой степени), а уже в последующие годы, проект получил большое число всяческих наград из различных стран и регионов России!



ДРЕВО ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

ИСТОРИЯ КАТЮШИ С. ЕКАТЕРИНА ГИМЕР-ЧИСТОВА

Литературоведы, пишущие о творчестве Льва Николаевича Толстого, в частности, о его знаменитой драме «Живой труп», идущей на сценах всего мира, обязательно упоминают людей, ставших прототипами героев пьесы – Николая Гимера, его жену Екатерину, второго мужа Екатерины Степана Чистова. Но что скрывается за этими именами? Как она жила? И как получилось, что жизнь хорошенькой благовоспитанной московской барышни превратилась в криминальную драму, где нашлось место и зловещей проруби на застывшей Москве-реке, и подложному письму в кармане утопленника, и неожиданно воскресшему «труп», и шокировавшему воображение российских обывателей скандальному факту двоемужества? А если еще обнаруживается, что Екатерина – твоя дальняя, пусть не прямая, но все же родственница, и ты держишь в руках некогда принадлежавшую ей вещь?

... По обеим сторонам зеркала на туалетном столике стояли две одинаковые пудреницы, чудом прошедшие через все раскулачивания, конфискации и экспроприации. Пудреницы в виде фарфоровых тюльпанов – бледно-розовых, полуоткрытых, чуть бахромчатых по краям, на длинных бронзовых ножках, покрытых густой позолотой. Подарок покойного мужа Степана Ивановича на день Ангела. Он любил свою жену, с первого взгляда и до конца дней очарованный ее красотой и внутренним светом, и всегда старался сделать ей что-то приятное.

Екатерина Павловна, сидя в кресле у столика, рассеянно провела по лицу пуховкой – заячьим хвостиком, когда-то это был шик, сохранившим остатки тончайшей рисовой пудры. Да, все еще красива, хотя предательские морщины выдают возраст. А сколько пришлось перенести... О жизни с первым мужем и связанной с ним кошмарной истории она старалась не вспоминать, но забыть об этом ей не давали всю жизнь. И зачем только Лев Николаевич написал эту пьесу? Не нужно было этого делать...

...Катюша росла в бедной московской семье офицера-прапорщика Павла Симона. Видимо, их далекие предки были выходцами из Франции или Швейцарии, и примесь французской крови придавала расцветающей на глазах девушке – миниатюрной блондинке с красивыми выразительными глазами – особый шарм. Отец рано умер, и мать Катюши, Елизавета Антоновна, женщина волевая и твердая, поспешила пристроить восемнадцатилетнюю дочь замуж. Как ей казалось, очень удачно. О любви к будущему мужу со стороны Катюши речь не шла. Скорее, о симпатии. Главное, что жених был достойный – дворянин Николай Самуилович Гимер, из обрусевших немцев, небогатый, но имевший постоянное место службы при железной дороге и внешне привлекательный.

Через год после свадьбы, в 1882, родился сын, названный в честь отца Николаем. Жить бы да радоваться, но не тут-то было. У Николая Самуиловича, в общем-то человека неплохого и по-своему любившего Катюшу, обнаружился очень серьезный недостаток – он пристрастился к выпивке. Все чаще он возвращался домой нетрезвым, обдавая жену отвратительным запахом перегара и дешевого табака, и валился, не раздеваясь,

на кровать. Тихий и непритязательный, в подпитии он мог быть грубым и неуправляемым. Все мутное, нехорошее, что пряталось в глубинных уголках подсознания, тотчас вылезало наружу.

Наутро Гимер клялся и божился перед иконой, что это в последний раз, а потом все повторялось снова и снова. Постепенно эта страсть трансформировалась во что-то темное и непреодолимое, и он проваливался в длительные запои, оставляя свою молодую жену наедине со всеми жизненными и семейными проблемами. Николай Самуилович почти перестал появляться дома, опустился до кабаков и притонов, где порядочному человеку не место, и в конечном итоге потерял службу. Видеть это медленное самоубийство близкого человека было невыносимо. Катюша порой доходила до крайней степени отчаяния, и только мысль о маленьком сыне и необходимость заботиться о нем удерживала ее от последнего шага.

Мать Катюши, состоявшая в переписке со Львом Николаевичем Толстым, попросила у него совета. Писатель откликнулся, не подозревая, что спустя десятилетие девушка, которую он пытался наставить на путь истинный, станет прообразом героини его пьесы. Что же посоветовал Толстой? Терпеть, покориться... Но Катюшу такое решение совершенно не устраивало. Она ушла от мужа.

Они с сыном остались без средств к существованию, мыкались по съемным углам и подвалам, голодали. Екатерина кое-как перебивалась случайными заработками. Долго так продолжаться не могло. Отдав Колю на воспитание дальним родственникам, Екатерина поступила на акушерские курсы и в качестве акушерки устроилась на большую текстильную фабрику – известную мануфактуру Рабенек – в тихом подмосковном городке Щелково Богородского уезда.

Случайная встреча со Степаном Ивановичем Чистовым, из местных крестьян, служившим в конторе фабрики, перевернула ее жизнь. Они полюбили друг друга. Истрадавшаяся, измученная Екатерина почувствовала, что теперь у нее появилась опора, что открылась новая страница в ее жизни, которая непременно принесет ей счастье. Степан Иванович, человек умный, надежный и предприимчивый, оказался прекрасным семьянином и, что называется, носил Екатерину Павловну на руках. Он был интеллектуалом, любил порассуждать на высокие темы. Но как жить с ним «во грехе»? Этого Чистовы, довольно строгие в вопросах религии и морали, не одобряли, хотя Екатерина всем очень нравилась: открытая, светлая, доброжелательная, готовая помочь, со спокойным и ровным характером. Да и ей самой, незамужней жене другого мужчины, было не по себе.

Официально расстаться с Гимером ей не удалось. Московская Духовная консистория в расторжении брака отказала, хотя Николай Самуилович давал Екатерине Павловне развод и был готов признать свою вину в распаде семьи. И тогда у Екатерины Павловны созрел очень рискованный план. На такое ее могла сподвигнуть только любовь. Любовь, которой она не знала прежде.

«Помоги тебе Господь, Катюша, чтобы все уладилось», – благословил ее Степан Иванович перед поездкой в Москву.



Сколько бессонных ночей провела она, обдумывая свой невестный план, сколько всего пережила и перечувствовала, прежде чем решилась...

Николая Самуиловича Екатерина разыскала в одной из московских ночлежек. Грязный, опустившийся, заросший неопределенного цвета щетиной, он ничем не напоминал человека, за которого она когда-то вышла замуж. Нечто среднее между Мармеладовым Достоевского и Бароном из пьесы Горького. Как многие пьяницы, он был незлобивый, в чем-то добрый, а попросту говоря, безхарактерный. Его не пришлось долго уговаривать. Гимер согласился на необычное предложение Екатерины, лишь бы его оставили в покое. А предложила ему Екатерина Павловна исчезнуть, и не просто исчезнуть, а пропасть навсегда, то есть... умереть. Конечно, не в буквальном смысле. Достоверно инсценировать самоубийство – вот каков был ее план. Она продумала все детали жуткого спектакля. Оставить у проруби на замерзшей Москве-реке одежду, документы и отправить жене прощальное письмо. Как говорится, был человек – и нет человека.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна, последний раз пишу Вам, жить я больше не могу. Голод и холод меня измучили, помощи от родных нет, сам ничего не могу сделать. Когда получите это письмо, меня не будет в живых, решил утопиться. Дело наше можете прекратить. Вы теперь и так свободны, а мне туда и дорога», – на каком-то замусоленном листке выводил Гимер под диктовку жены свою «предсмертную» записку. Письмо Гимера, полученное по почте, Екатерина сама потом отнесла в полицию.

... – Это он! Мой муж! Николай Самуилович Гимер!

Екатерина Павловна едва держалась на ногах, когда 27 декабря 1895 года в полицейском участке ей предъявили для опознания тело неизвестного мужчины. Её трясло от волнения, ведь сейчас решалась ее судьба. Драма достигла своей кульминации. Неизвестного еще живым вытащили из проруби на Москве-реке. Он умер, не приходя в сознание, через десять минут после того, как его доставили в участок. Опознанный труп выдали Екатерине. Она похоронила «мужа» на Дорогомиловском кладбище, без отпевания, за церковной оградой, как самоубийцу, и получила так называемый «вдовый вид». Будучи теперь честной вдовой, Екатерина Павловна смогла наконец обвенчаться с любимым Степаном Ивановичем и стать его законной супругой. Венчание состоялось в маленькой Никольской церкви в селе Жегалово, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. А Николай Гимер в это время продолжал пить горькую, затерявшись в трущобах Москвы.

Как же надеялась Екатерина Павловна, что все останется в тайне, и она начнет новую, счастливую жизнь с бесконечно любимым ее мужем! Кто вспомнит о несчастном бездомном пропойце, утопившимся с горя в реке? Кому он нужен? Но беда была в том, что Николай Самуилович не сумел доиграть взятую на себя роль до конца. Выйдя из длительного запоя, Гимер объявился в Петербурге и зачем-то решил выправить себе новый паспорт. Видимо, не терял надежды пристроиться куда-нибудь на службу. А какой уж тут паспорт? Умер, так умер. Но он все же отправился оформлять документы, совершенно не подумав, к чему это может привести. Естественно, его личность была установлена, и совсем не мертвая, а очень даже живая. Разразился неслыханный скандал, и на супругов Гимер завели уголовное дело. Екатерину обвинили в двоебрачии, а Николая – в преступном сговоре и пособничестве жене. И началось...

О деле, разбиравшемся в уездном центре Богородске, а затем в Московском окружном суде в 1896 году в России не упоминал только ленивый... Сидя перед зеркалом, Екатерина Павловна непроизвольно вздрогнула, вспомнив об этом. Грубости следствия. Бесцеремонное любопытство публики. Пикантные подробности «сексуального скандала», кочевавшие по страницам газет и смаковавшиеся на все лады. Жуткий призрачный сибирской каторги, отчетливо замаячивший перед ней и в последний момент замененный годом тюремного заключения. Но и в тюрьме, слава Богу, не пришлось сидеть благодаря заступничеству знаменитого юриста Анатолия Федоровича

Кони, глубоко равнодушного к женской доле. Он прославился тем, что суд под его председательством оправдал революционерку-террористку Веру Засулич, стрелявшую в упор в петербургского градоначальника генерала Трепова. В срок Екатерине Павловне засчитали работу акушеркой в тюремной больнице во время следствия.

С подачи Кони Министр юстиции Николай Валерианович Муравьев написал Николаю II записку с просьбой о смягчении приговора Московской судебной палаты, вынесенного супругам Гимер, и Николай удовлетворил ходатайство своего министра.

Не обошлось и без взяток – проверенного, во все времена и при всех властях исправно работающего средства. Взятки, и немалых. У Степана Ивановича деньги были – вместе с братом он содержал в Мещанской слободе Щелкова мыловаренную фабрику, и чтобы выволить Екатерину, средств не жалел. Годовой оборот фабрики исчислялся десятками тысяч рублей. Так что сибирских этапов в компании преступников Екатерине Павловне удалось избежать, иначе ее давно бы уже не было на свете. Тогда она выглядела так, что краше в гроб кладут. В чем только жизнь держалась, непонятно. Тягот пересылки в Енисейскую губернию и каторжных работ она, больная, измученная, истерзанная, страшно исхудавшая, превратившаяся в тень, просто не выдержала бы. А преданный Степан Иванович и в Сибирь готов был за ней последовать.

Судебные страсти и газетная шумиха постепенно затихали, жизнь входила в свою прежнюю колею. Семейное счастье ничем не омрачалось, но столь желанный покой оказался иллюзорным. Екатерину Павловну вновь поджидали испытания.

Когда в 1900 году в газете «Новости дня» появилась заметка о новой пьесе Льва Николаевича Толстого, созданной на основе нашумевшего судебного дела супругов Гимер, в прихожей его дома в Хамовниках раздался звонок. На пороге стоял взволнованный юноша, невысокого роста, сероглазый, с белокурыми кудрявыми волосами, в форме учащегося 1 Московской гимназии.

– Очень прошу Вас, Лев Николаевич, от имени моей матери, не публикуйте драму. Надо мной издевается вся гимназия, но я как-нибудь стерплю, а вот маму жалко. Она столько страдала. О ее деле почти уже забыли, а сейчас все всколыхнется с новой силой. Вдруг маму посадят в тюрьму?

Вскоре последовал еще один визит. К Толстому явился сам «живой труп» – Николай Гимер – с просьбой найти ему хоть какую-то работу. С помощью прокурора Тульского окружного суда, добрейшего Николая Васильевича Давыдова, от которого Толстой в свое время и узнал подробности дела, эта просьба была выполнена.

Свое обещание не печатать пьесу Лев Николаевич сдержал. «Умру – тогда играйте, – ответил он Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, просившего разрешения поставить

новую пьесу в Художественном театре. Драма была напечатана в 1911 году лишь после смерти Толстого, а потом состоялась знаменитая премьера «художественников». Новая пьеса заняла ведущее место в репертуаре сотен театров по всей России. И опять Екатерина Павловна сделалась притчей во языцех.

За ней охотились падкие на сенсации журналисты, зачавшие в Щелково. Но вместо «роковой героини» судебных хроник они видели перед собой маленькую, располневшую женщину, с добрым морщинистым лицом, ничем не похожую на «сексуальную революционерку», не побоявшуюся посягнуть на моральные устои общества и официально имевшую двух мужей. Она сетовала корреспондентам на то, что постановка пьесы и связанное с ней извлечение из архива давно забытого дела ее страшно огорчает и нервирует. А что еще она могла им сказать? Нервы у Екатерины Павловны, действительно, были порядком расшатаны. Чуть что, она начинала плакать и просила оставить их со Степаном Ивановичем в покое. Нет, покоя ей не видать. Остается только мужественно сносить все пересуды, сплетни и слухи, обраставшие новыми подробностями. И при жизни, и даже после смерти.

... Екатерина Павловна очнулась от тягостных воспоминаний. Неужели все это произошло с ней? Просто не верится. Но и действительность была не лучше. Шел 1930 год, и её единственный сын был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, на этот раз как германский шпион.

Юному гимназисту, добившемуся встречи с великим писателем, чтобы защитить свою мать, было суждено стать видной фигурой русского революционного движения, экономистом и публицистом, известным под псевдонимом Н. Суханов. После окончания гимназии он учился в Париже, в Высшей школе общественных наук, слушал лекции Ленина, Мартова, Троцкого, Чернова. Потом поступил на экономический факультет Московского университета. Со своей женой, профессиональной революционеркой Галиной Константиновной Флаксерман, прожившей долгую жизнь и умершей в Москве в 1958 году, он познакомился, отбывая ссылку в Архангельской губернии. Жить в столице им запретили, и они поселились на окраине Петербурга. Именно в их квартире на первом этаже многоэтажного доходного дома № 32 на набережной Карповки в 1917 году состоялось историческое заседание большевистского ЦК. Инициатива предоставить для этого свою квартиру принадлежала Галине, активной большевичке. Николай же, стоявший на позициях меньшевиков и не разделявший убеждений жены, что не мешало их семейному союзу, в тот день уехал из города. Не зная о готовящемся заседании он не мог и ушел нарочно, предоставив решать все вопросы без него.

...Под потолком комнаты горела большая лампа с белым матовым абажуром. Чтобы свет от нее не падал во двор, единственное окно завесили плотным одеялом. К десяти вечера, под покровом тьмы, в квартиру Суханова стали постепенно стекаться участники заседания, соблюдая все правила конспирации.

– Яков Михайлович, а кто этот незнакомый старик? – встревожено спросила Александра Михайловна Коллонтай у распорядившегося всем Свердлова.

Им оказался ни кто иной, как Владимир Ильич Ленин, передетый и загримированный до неузнаваемости – в седом парике, без усов и бородки.

Прения завершились далеко за полночь. Десятью голоса-

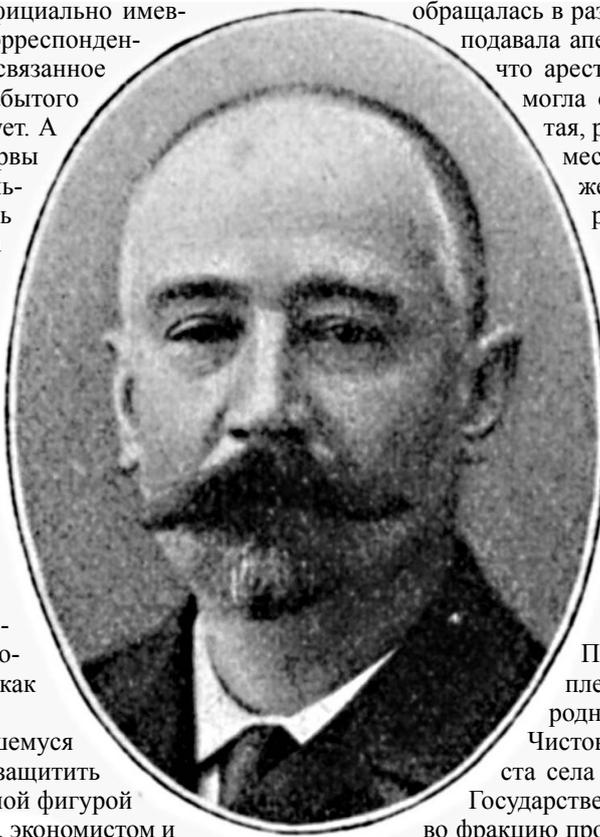
ми против двух было принято решение о подготовке и начале вооруженного восстания в Петрограде.

После революции Николай Суханов работал в области экономики – и на Урале, и в Москве, и за границей. Современникам запомнился его европейский вид: изысканные манеры, элегантное габардиновое пальто, серая фетровая шляпа, пенсне. И вдруг аресты... В марте 1931 года его арестовали по процессу Союзного бюро ЦК меньшевиков. Потом арестовали снова...

Екатерина Павловна, пока была жива, как могла, пыталась спасти сына. Работая машинисткой в Щелковском исполкоме, обращалась в различные инстанции, писала прошения, подавала апелляции, но безуспешно. Она боялась, что арестуют и ее, и не без оснований. Разве могла она, в прошлом скандально знаменитая, раскулаченная вдова фабриканта, пусть местных, щелковских, масштабов, но все же владельца производства, остановить раскрученное колесо адской машины истребления? И разве мог Сталин простить Суханову, что в своих знаменитых «Записках о русской революции», изданных во многих странах мира, он назвал «великого вождя и отца всех народов»... «серым пятном, иногда маячившим тускло и бесследно»? Этими словами Николай Суханов-Гимер подписал себе смертный приговор, который был приведен в исполнение в Омске в 1940 году. Его матери к тому времени уже давно не было в живых.

...В дверь постучали. Екатерина Павловна пошла открывать. Вошла Юля, племянница и крестница мужа, дочь его родного брата Алексея. Алексей Иванович Чистов был личностью незаурядной. Староста села Жегалово под Щелковом, депутат IV Государственной Думы от крестьян, вошедший во фракцию прогрессистов, он пользовался всеобщим уважением. А в марте 1917 года лично сопровождал Великого Князя Николая Николаевича в Ливадию, что подтверждалось удостоверением за подписью Председателя Временного Комитета Государственной Думы Родзянко. После революции и национализации мыловаренного производства Чистовых он продолжил дело своих братьев, но уже в Москве, на фабрике «Свобода», как один из лучших специалистов в мыловаренном деле. Говорят, сама Александра Михайловна Коллонтай зачем-то приезжала к нему в Щелково на автомобиле, что произвело в городке сенсацию. А отец его жены Ольги Иван Иванович Юхов руководил очень известным в России хором, с которым не раз пел Федор Иванович Шаляпин. Именно хор Юхова отпевал умершего Ленина, его запись звучит за кадрами хроники.

Екатерина Павловна была как-то по-особому расположена к племяннице. Возможно, потому, что им со Степаном Ивановичем Бог детей не дал, а с сыном, всецело поглощенным революционной деятельностью, они виделись редко. Юля была самым близким для нее человеком. Она часто навещала Екатерину Павловну, помогала ей по хозяйству и слушала ее рассказы о прошлом. Она знала многое. Даже о том, что в потайном ящичке туалетного столика на всякий случай припасен яд – цианистый калий, убивающий мгновенно. Зачем он Екатерине Павловне, племянница не спрашивала. Юля не торопилась выходить замуж (она так и осталась старой девой) и всю свою любовь и сочувствие отдавала тете, прожившей бурную и непростую жизнь. Жизнь, похожую на пьесу, точнее, на криминальную драму с трагическим финалом. И, может быть, поэтому, вызвала на свет пьесу, похожую на ее жизнь. Все переплелось, и трудно сказать, где правда и где вымысел, где начало и где конец...





Екатерина Павловна любила делать Юле подарки – то кольцо, то бусы, то часы. Но все это было в прошлой жизни, когда она не нуждалась. На этот раз она приготовила для нее изящный темно-синий альбом с собственноручно вклеенными семейными фотографиями. Тетя и племянница неторопливо пили чай с кусочками колотого сахара. Момент прощания почему-то затягивался.

– Возьми еще что-нибудь на память обо мне.

Екатерина Павловна обвела взглядом убогую комнатку, где стояла лишь самая необходимая и порядком обшарпанная мебель. Это жилье в деревянном домишке на Воронке, железнодорожной станции на окраине Щелково, ей выделили после смерти Степана Ивановича. Он неосторожно поднял что-то тяжелое и надорвался. Его похоронили на жегаловском кладбище, в ограде, где лежали все Чистовы, справа от алтаря Никольской церкви и практически напротив входа в собственный дом. Дом, где прошло так много счастливых, радостных и невозвратных дней, где была большая библиотека и много картин... Взгляд Екатерины Павловны скользил по голым стенам, пока не наткнулся на стоявшие перед ней фарфоровые тюльпаны.

– Вот пудреницы, больше у меня ничего не осталось.

Юля собралась уходить.

– Наверное, мы видимся в последний раз, – вдруг произнесла Екатерина Павловна.

– Почему? Что Вы такое говорите?

Екатерина Павловна промолчала.

Пришедшие за ЧСИР (членом семьи изменника Родины) Чистовой-Гимер сотрудники НКВД обнаружили ее в кресле без признаков жизни. Вскрытие показало отравление цианистым калием. Место ее захоронения неизвестно. То ли она, став безымянной, все-таки упокоилась в семейной ограде Чистовых, рядом со Степаном Ивановичем, то ли где-то в другом месте – точно не знает никто.

...На полке стоял фарфоровый тюльпан – бледно-розовый, полураскрывшийся, чуть бахромчатый по краям, с едва различимыми следами позолоты на длинной бронзовой ножке, явно сделанный в начале прошлого века в стиле модерн с его излюбленными цветочными мотивами.

– Откуда у тебя этот необыкновенный тюльпан? – спросила я мужа, переселившись к нему после свадьбы.

– От тети Юли, родной сестры моей бабушки Надежды Алексеевны Чистовой. Вообще-то их было два, это парная вещь, но один давно разбился. А принадлежал он, знаешь, кому? Екатерине Чистовой. Ну, той самой, которая в «Живом труп»...

Я молча смотрела на тюльпан, оставшийся от легендарной женщины, вошедшей в историю благодаря драме великого Толстого, героини одного из самых громких скандалов века. Странное совпадение: поступив после школы на театроведческий факультет ГИТИС, первую в своей жизни рецензию я писала именно на «Живой труп», сравнивая постановки двух московских театров, с незабываемыми актерами Леонидом Марковым и Георгием Бурковым в роли Феди Протасова.

– А вот и она сама. Это единственная сохранившаяся ее фотография. Других нет ни в музеях, ни в архивах.

Муж протянул мне маленький потертый кожаный альбом. Со старинной размытой фотографии смотрела улыбающаяся женщина – красивая, нежная, словно озаренная внутренним светом. Парадоксальная все-таки вещь история. Об этой женщине знала вся Россия, а изображений ее не осталось, кроме этого любительского снимка. На последней странице альбома четким росчерком пера было выведено: «На добрую долгую память от Екатерины Чистовой»...

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ.

Писатели

ГЛАВНОЕ – ЧТОБЫ НЕ БЫЛО КОНЪЮНКТУРЫ

Интервью с Алексеем Борычевым



Алексей Борычев

Кандидат технических наук, Член Союза писателей России, Лауреат литературной премии Арсеньева (журнал «Литературный меридиан», номинация «Поэзия», 2013 г.), Финалист международного конкурса «Эмигрантская лира», 2013 г. Финалист конкурса «Вечерние стихи», 2013 г., Финалист конкурса журнала «Окна», 2012 г. Награждён литературной медалью «А. С. Грибоедов», награждён медалью «55 лет московской городской писательской организации», награждён дипломом «За верное служение отечественной литературе» (СП РФ). Автор девяти книг стихотворений: «Иду на восток» (Москва, 2004г.), «Снежное полнолуние» (Москва, 2006г.), «Солнечные слёзы» (Москва, 2008 г.), «Сонеты» (Москва, 2008г.), «Лепет» 2008г., «Стихотворения. Романсы. Сонеты», 2007 г., «Порабощение» 2008 г., «Вдыхая звёздные ветра» (Москва, 2013г.), «За первой вселенной...» (2014г.), журнально-газетных публикаций стихов: «Смена» (Москва) «Юность» (Москва), «Нева» (Санкт-Петербург), «Аврора» (Санкт-Петербург), «Второй Петербург» (Санкт - Петербург), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Неевечерний свет» (Санкт-Петербург), «Нива» (Казахстан), «Время и место» (США), «Байкал» (Улан-Удэ), «Волга 21 век» (Саратов), «Южная звезда» (Ставрополь), «Наш современник» (Москва), «журнал ПОэтов» (Москва), «Сура» (Пенза), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Московский вестник» (Москва), «Вестник российской литературы» (Магнитогорск), «Аргамак» (Татарстан), «Наше поколение» (Кишинёв), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Окна» (Германия), «EDITA» (Германия), «Жемчужина» (Австралия, Брисбен), «Лава» (Украина), «Литературный меридиан» (Владивосток), «Русский свет» (Финляндия), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Слово Забайкалья» (Чита), «Интеллигент. Избранное» часть 2 (Костомукша), «Северо-Муйские огни» (Северо-муйск); в газетах: «Российский писатель» (Москва), «Московский литератор» (Москва), «День литературы» (Москва), «Литературная газета» (Москва), «Культура» (Москва), «Парадный подъезд» (Санкт-Петербург), альманахах «Истоки» (Москва), «День поэзии. 2011 г.» (Москва), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Сияние лиры» (Москва), «Муза» (Москва), «Останкино» (Москва) и многих других.

- Алексей, Марк Луцкий при моем вопросе, что в вас больше химика или лирика (Марк Луцкий - химик), и в чем более творческое начало? Марк ответил, что наука и творчество практически одно и то же, даже порой в науке творческого удовлетворения бывает больше, т.к. результаты бывают более наглядными. Что вы, как человек науки, могли бы добавить к этому или у вас есть свое мнение на этот счет?

- Существует расхожее мнение о том, будто бы поэзия исчерпала все темы и поэтому являет собой форму, в том смысле, главное в ней не то, что и о чём сказать (всё давно уже сказано), а – каким образом – сказать. Я не вполне согласен с этим хотя бы потому, что наука – могла бы служить поставщиком тем для поэзии. Вижу свою задачу в том, чтобы научная мысль, ограниченная формой регулярного стиха, заиграла бы всеми гранями, как бриллиант в чудесной оправе. Мне могут возразить, что философия уже исследуется поэзией. Однако это лишь жизненная философия, являющая малую часть от самой философии, не говоря уже о науках. Некоторые математические теоремы сформулированы так, что в них присутствует всё, что свойственно поэзии: и метафоры, и композиция, и даже эвфония. Более того, благодаря использованию символов можно поэтически описать явления, к изучению которых наука только подступает, например, многомерные пространства, причинно-следственные связи, их изменение при переходе от пространств с одной метрикой к пространствам с другой. Мною написан цикл твёрдых поэтических форм (сонеты и триолеты), где осуществлена, на мой взгляд, удачная попытка это сделать. Они опубликованы в последних моих книгах «Вдыхая звёздные ветра» и «За первой вселенной» (книги можно приобрести у меня или скачать в сети), а так же в самой первой книге «Иду на восток», которая давно разошлась.

- Что вы можете сказать о том, что порой столичные авторы иногда высокомерно относятся к провинциальным

изданиям и более склонны публиковаться в столичных изданиях, либо в зарубежных? Притом даже не удосуживаются ознакомиться с провинциальными изданиями, которые бывают приличного уровня. Вы сами как подходите к таким взаимоотношениям?

- На мой взгляд, высокомерно относятся в основном некоторые из тех, кто регулярно публикуется в журналах, входящих в проект ЖЗ. Провинциальные издания разные. Сейчас сотни изданий. Вызывают уважение издания с традицией, например, «Байкал», «Сура», «Сибирские огни»... Столичные авторы одинаково активно, по моему мнению, публикуются и в заграничных, и в провинциальных изданиях.

Несмотря на то, что они провинциальные, существует немало очень сильных журналов с хорошо продуманной редакционной политикой. Несколько настороженно отношусь к авторским изданиям, или к тем, что существуют всего год-два, хотя и среди них можно встретить очень приличные. Стараюсь публиковаться там, где я востребован или где существует преемственность, потому что по форме стихи мои очень классичны. Вообще, мне чужд какой-либо снобизм.

- Алексей, как вы считаете, есть ли разница в стихосложении, но если одно написано по вдохновению, а другое просто сочиняли, в чём по вашему бывает между ними различие?

- Главное – чтобы не было конъюнктуры. Фигурально выражаясь, стихи могут быть при написании либо «пропущены через голову», либо – через «сердце»... У Гумилёва, к примеру, головные стихи, но они замечательны. У Блока – то, что называют «настоящие стихи». Они совершенно другие, более глубокие. Но у «рассудочных» стихов свои преимущества. У «сердечных» - свои... Печально, что Блок и Гумилев, понимая то, что оба великие поэты, всё же не сумели найти общий язык в полемике по поводу подхода к написанию стихов. Головные стихи более предметны, детальны, может быть. Сердечные –

более таинственны... Но, конечно, чёткой грани нет, так что глубокие рассуждения на эту тему носят зачастую надуманный характер.

- Я постоянно пытаюсь объяснять людям, что дух отличается от буквы тем, что духовное - это иносказательное, скрытое, тайное, притчи, метафоры, аллегории, символическое, зашифрованное, проще, это не буквальная передача информации. При этом именно стихи это одно из реальных проявлений животворящего духа, если конечно же сами стихи не такие, мол, что вижу то пишу. Однако порой встречаю высказывания представителей «духовенства», которые заявляют, что не любят стихи, хотя сама Библия - это стихи, притчи, мудрые изречения, то есть духовное предание. Так возрождения живой и реальной духовности все же в реальном духовном стихосложении и причастности к этому массово членов общества, либо культовые обряды и ритуалы в рукотворных храмах?

- Духовенство – такие же люди. Некоторые любят стихи, некоторые – нет. В целом же, негативное отношение клириков к стихам, полагаю, связано с тем, что в стихах очень много дозволено, и трудно порой отличить Божественное от дьявольского – слишком тесны переплетенья. А для церкви способность различать тьму и свет чрезвычайно много значит. В связи с этим, хочется вспомнить Ольгу Седакову, которая всю жизнь посвятила изучению этой темы, переводам священных книг etc. Да, для церкви духовные тексты несут сакральный смысл, а не конкретный, особенно, акафисты. Паства не всегда может и должна быть филологами или поэтами, поэтому и возникают обряды и прочее. Современная поэзия, кстати, тоже движется навстречу, устраивая перфомансы (по-сути, те же обряды). Филолог воспринимает библейский текст по-другому, более объёмно, но уклоняясь более в сторону анализа формы, в отличие от духовенства, для которой форма являет собой некий догмат. Но я здесь не вижу явных противоречий. Напротив, полагаю, что одно дополняет другое.

- Алексей, вы публиковались во многих изданиях, в том числе и у нас, замечали ли вы некоторые особенности между различными изданиями, и в чём считаете у наших изданий есть преимущества и в чем нам следовало бы расти?

- Эволюционная спираль привела нас к такому витку, когда книгу вытесняет дисплей. Это объективная реальность, и я не даю этому знаковой оценки. Поэтому книга (или журнал, для большей наглядности) стали как бы приложением к крупным информационным порталам: ЖЗ, МЕГАЛИТ, ЛИТБУК... Однако при этом многие издания с приличным уровнем текстов (не только по моим оценкам), например, «Юность», «Бельские просторы», «Байкал»... оказались вне пространства этих порталов. Что огорчает. Потому что все стремятся к какой-то новизне, модерну, хотя никакой новой парадигмы нет (постмодернизм – лишь средство временного роздыха, и тот постепенно себя изживает). В результате критериями качества стихов становится просто АНТИтрадиция! Поэтому следует, на мой взгляд, утишить конфликт между западниками, почвенниками, традиционалистами и модернистами, хотя они и находятся в разных системах координат представлений о литературе, и попытаться сформировать такое информационное поле, в котором бы они друг друга дополняли, а не противоречили!

Теперь относительно «Интеллигента»... Преимущество Ваших изданий в том, что Вы сумели посредством правильной медийной политики малыми средствами и тиражами широко заявить о себе. А расти следовало бы в направлении сотрудничества с ещё более «раскрученными» порталами. Значительно повышать тиражи вам, полагаю, не нужно. Ведь даже сто экземпляров с помощью информационных технологий сейчас можно превратить в сотни тысяч

Алексей БОРЫЧЕВ

Декабрьское

Угол дома заалел, лихорадкой
Заразилась высота и закашляла.
Это в мир пришёл декабрь, и украдкой
По забвению раздал в сердце каждому.
И дворцы весны в сердцах вмиг порушились.
И восток оскалил пасть угрожающе,
И стреляла пустота без оружия
Пулей снежной тишины в окружающих.
Угол дома заалел, и встревожилось
Позабывшее в снегах отошедшее,
Обратило мысли все в злое крошево,
И брело по тяжким снам, сумасшедшее...
Я стою среди рассветного пламени,
Обжигающих ветров злого севера
Под горячею тоской снежной замети
И вдыхаю небеса, цвета клевера.
И по венам дня струится молчание
Бесконечное, тревожное, гулкое,
По снегам крадутся тени печальные
И блуждают, словно псы, закоулками...
Ближе к вечеру кораблик спокойствия
Проплывёт по тихой заводи времени,
Привезёт из дальних стран продовольствие –
Сны цветные – для души исцеление.

Июнь, гуляющий в полях...

Июнь, гуляющий в полях густых ромашковых сердец!
Чьё счастье спрятал в рукаве непримиримого Персея?..
Я по лесам иду к тебе, сплетая звёздных дней венец
И так хочу, чтоб навсегда мой мир ты звёздами усеял.
Передо мной в глуши лесной смешно воркует тишина
И апельсин вечерних зорь спешит душе моей в объятия.
А на тропинках снов седых танцуют танго времена,
И надевает пустота – печали бархатное платье.
В медвяно-липовой глуши, где обитает бог лесов,
Построю терем из лучей, золотоцветный лунный терем,
И дверь, как прошлое моё, легко закрою на засов,
Чтоб всеми - в памяти, во снах – везде-везде, я был потерян!
И лишь бы ты, мой свет-июнь, ко мне лесные тропы знал
И приводил кормить с руки косуль несбывшихся мечтаний
Последней спелой чистотой, что мне оставила весна,
Хрустальной влагою поить из родника сердечной тайны!

Втроём

Я помню день, взлетевший грустной птицей
Над полем увядавших васильков,
Что мог другому только лишь присниться:
Столь было всё торжественно, легко!
Мы шли втроём по лугу, полю – к лесу.
С небес с утра струилась тишина,
И каждый миг имел так много весу,
Так много счастья, грусти и вина!
Я пил его с полян, залитых светом,
Из ковшика сыреющих чащоб...
Тогда уже заканчивалось лето
В судьбе, в душе, в природе, но ещё
Из утренних туманов улыбалось
Холодным недоверчивым лучом.
И эта обольстительная малость
Пронзала сердце сладко, горячо!
Я помню тех смеющихся, весёлых,
Кто шли со мной в лесное никуда,
Под шёпот колдовских столетних ёлок,
Считавших проходящие года.
И мы в лесном покое проходили,
Смеялись, рвали польские грибы...
И не пойму я – мы ли это были

Иль счастья тени в зареве судьбы?
Березняки, болота и пригорки
Уже впитали оцет новых лет...
Как мне сегодня горько, очень горько
За тех двоих, кого давно уж нет!
За тех двоих, которые так ярко
Нарисовали солнечный денёк,
Что мне дороже всякого подарка,
Особенно, когда я одинок!

Научи грустить небеса...

Надо же, февраль-то какой!
Недоверчив. Суетен. Тих.
И своей светящей рукой
В темноте судьбы пишет стих.

Из лазури выкован лёд.
И блестит свечой на ветрах.
По ночам печально поёт
Синеокий вкрадчивый страх...

Надо же, февраль-то какой!
Ни вперед взглянуть, ни назад...
И покой его – не покой.
И слеза его – не слеза!

Колокольчиками ночей
Синева его отзвенит
И в реке весенних лучей
Захлебнётся снова зенит.

Рассмеются вновь небеса,
Прибегут к тебе сквозь окно –
Показать весны чудеса,
Улыбайся им, слышишь, но...

Если вечно грустный ты сам,
И тебе невзгода грозит,
Научи грустить небеса.
Пусть печаль твоя в них сквозит.

Вино, хрусталь, янтарный вечер... (триолет)

Вино, хрусталь, янтарный вечер
И тайны чёрная фата...
Мне подарила темнота
Вино, хрусталь, янтарный вечер.

И мир казался бы увечен,
Когда б не прятая мечта:
Вино, хрусталь, янтарный вечер
И тайны чёрная фата.

Феврالي

Как светлы и чисты феврالي.
Как звенит и поёт гулкий лёд.
И летают мои корабли.
И хрустален их лёгкий полёт.

Веселее напевы разлук
И просторно предчувствиям тут,
Где леса убегают на юг,
Где лиловые тени цветут.

Аромат апельсиновых зорь
Переспелые дали струят.
Осыпается с неба лазорь
Лепестками забытых утрат.

Назови предвесенние дни
Именами свирельных ветров
И смотри, как сгорают огни
Серебристых лесных вечеров.

Если север стоит за спиной,
Твой суровый земной визави,
Назови свою зиму весной.
Назови. Назови. Назови.

Зимний ноктюрн

Светящийся шёлк берёз.
Седящий дым осин.
И день – как всегда – вопрос,
Направлен
в ночную синь.

Но синь – высока, чиста,
И вряд ли ответит мне,
Зачем так судьба пуста,
Хотя и зовёт к весне?

Зима, не молчи! Зима!
Скрижали твоих высот
Истёрты былым весьма,
И горек закатный сок!

Я знаю – в случайных снах
Блуждая, давно погиб.
К чему же даётся знак –
Причудливых дней изгиб?

В рыдающей пустоте
Молчания твоего –
Ни ворона на кресте,
Ни голубя...
Ничего!

Скажи, почему слова
Твои так скупы, бедны,
Что кружится голова
От мраморной тишины,

От грусти твоих снегов,
От света твоих небес,
От скрипа моих шагов,
Неспешно ведущих в лес?..

Бутоном утреннего холода...

Бутоном утреннего холода
В осинах солнце расцвело,
Востока облачное золото
Крошилось снегом, как стекло.
Пыльцой ложилось на дремотные
Деревья, травы и кусты,
Слепя воздушные, полётные,
Во мне живущие, мечты...
Избушка леса разукрашена
Огнистой краской января –
Хранит осколки счастья нашего,
Чтоб стала радостней заря
В бутоне холода рассветного,
В его алмазной тишине,
Чтоб чувства злого, безответного
Не обнаружилось во мне.
Чтоб светом льдистым, ослепительным
Сквозь блёстки кружев на кустах
Январь бесстыдно, упоительно
Поцеловал тебя в уста.
И чтобы этой лаской точною
В морозе льдистого огня
Январь поставил многоточие...
И... ты забыла про меня!

Неназванная

Из бабочкиного непостоянства,
Сияющего палевой пылью,
По сполохам весеннего пространства
Сквозила, обжигая мне лицо
Лиловым ощущением тревоги –
Не встреченная мною на дороге,

Не названная памятью, во сне
Не явленная... просто было что-то,
Проснувшееся бабочкой в весне,
О чём и думать вовсе не охота,
Но растворить в себе самой судьбой,
Как выпить кубок неба голубой!..

Я в комнате окно открыл, и птицей
Предчувствие влетело, но ему
Пространства нет в душе,
где приютиться,
И в сердце – места нет, и потому
Оно покинет дольные пределы,
И станет той неназванной, несмелой,

Которая тревогой обжигать
Другие лица будет в иступленье,
Когда весной зажгутся вновь снега
И замерзают первых листьев тени,
И снова кто-то, но уже не я
Почувствует сквозняк небытия.

По сполохам весенних откровений
Струиться будет некое тепло
И напоит печальным ядом вены
Тому, кому спокойно и светло.
Окно откроет он: предчувствий птица
Всё также не найдёт, где приютиться!

Вечерняя верста

На донцах луж апрельских
Дремала темнота,
Мелькала, как по рельсам,
Вечерняя верста.

И ехал тёмный поезд
Пространства моего
В былое время, то есть
В отсутствие всего:

В отсутствие надежды,
В отсутствие мечты...
Легко пронёсся между
Чрезмерно и почти.

Лесной версты вагоны
Навстречу мне неслись,
Бежали под уклоном,
Похожие на жизнь.

И мшистые вокзалы
Столетних сосняков
Грустящими глазами
Смотрели из веков

На поезд, что проехал
Сегодня мимо них,
И, словно на потеху,
Сложился в этот стих.

Вера Зубарева



ТРАКТАТ ОБ ОБЕЗЬЯНЕ

*Об Обезьяне –
Венце творения природы;
Её скитаниях и ренессансе;
И о попытках привить ей
Искусственный человеческий интеллект
ТРАКТАТ
На соискание докторской степени
В прогрессивных науках,
Написанный высшим позвоночным,
Магистром п/окайных наук,
Примат-доцентом,
Теплокровным и млекопитающим.*

Что побудило Веру Зубареву, поэта и филолога, профессора Пенсильванского университета в США, автора нескольких книжек лирических стихотворений и издаваемых по-английски и по-русски трудов о наших классиках, - что понудило ее написать эту гротескную поэму, полную озорной насмешливости и мрачной иронии? Вероятно, то же, что в отдаленные от нас времена подсказало Алексею Константиновичу Толстому его знаменитое «Послание М.И. Лонгинову о дарвинизме» (декабрь 1872 года).

Казалось бы, тогдашний повод прямо противоположен нынешнему: Толстой во имя свободы мысли защищает Дарвина от запретительных мер главы цензурного ведомства (своего доброго приятеля, между прочим); автор же «Трактата об Обезьяне» защищает ту же свободу мысли от нынешних истолкователей Дарвина. Между тем мишень у обоих поэтов одна – агрессивное превращение научной доктрины во власти-

тельное орудие идеологии и политики, в орудие господства над инакомыслящими. И – попутно: примитивизация и варваризация самого научного климата в обществе.

А.К. Толстой, христианский поэт-мыслитель, около полутора столетия назад уже отлично понимал, что эволюционная теория, связываемая с именем Дарвина, не противоречит истине веры, если с недобросовестным умыслом не изговаривать из нее атеистическую агитку: «Отчего б не понемногу / Введены во бытие мы? / Иль не хочешь ли уж Богу / Ты приписывать приёмы», - шуточно упрекает Толстой своего адресата за «скудость веры» и добавляет со ссылкой на «еврейское преданье»: «И, по мне, шмагина глины / Не знатней орангутанга». (Из статьи биолога и антрополога Г.Л. Муравник «Человек парадоксальный: взгляд науки и взгляд веры», напечатанной в «Новом мире», в № 2 за 2001 г., наши читатели могли узнать об эволюционном - «понемногу» - введении в бытие человеческого организма и о чудесном, скачкообразном его одухотворении – о том, что имел в виду старый поэт.)

Однако, одернув приятеля за ретроградство, Толстой не забывает о другой «партии»: «От скотов нас Дарвин хочет / До людской возвесть середины - / Нигилисты же хлопочут, Чтоб мы сделались скотины. // В них не знамя, а прямое / Подтвержденье дарвинизма, / И сквозят в их диком строе / Все симптомы атависма».

Вот эти «симптомы атависма» и превратила Вера Зубарева (скорее все-

го, о строках Толстого не вспоминая) в ядовитый философский сюжет своего «Трактата...».

Увы, если Толстой видит здесь в своих извечных идейных противниках анархические группки нечесаных «грязных неучей», то новый автор имеет дело никак не меньше, чем с отлично вымытым и респектабельно прибранным академическим истеблишментом, всем своим весом не допускающим уклонений от атеистической догматики «неолиберализма». Одним из конкретных поводов к сочинению «Трактата об Обезьяне» стал фильм американского писателя и юриста Бена Штайна «Expelled: No Intelligence Allowed» (что можно перевести как: «Изгой: Умникам вход воспрещен»), выполненный в духе документального расследования и демонстрирующий факты остракизма, коему ныне подвергается в научном сообществе США едва ли не любой ученый, не отказывающийся видеть в возникновении жизни на Земле и в антропогенезе признаки разумного Замысла, плана, дизайна, направленной эволюции, наконец. На этом фоне поэтическая инициатива Веры Зубаревой, вписанной по роду своих занятий в ту же академическую среду, можно квалифицировать как достаточно мужественный поступок.

Но этим только оттеняются достоинства весьма оригинального литературного исполнения – отнюдь не прямолинейного и не назойливо-дидактического. Повествование ведется от имени некоего апологета новомодного просвещения на «обезьяний» лад, который и Книгу Бытия готов переписать во славу восстанавливаемого в своих правах четверорукого примата. Этот «примат-доцент» всему нашему общежитию сулит неперменный благой переворот по ходу победы Природы над Богом в их будто бы исходной конкуренции. Сам же автор, то прячась за повествовательной маской, то выглядывая из-под нее, исподволь ставит и завихрениям рассказчика, и состоянию общества, в той мере, в какой оно готово им следовать, неумолимый диагноз: деградация. Ставит его как бы играючи, развязывая себе руки свободным стихом с ассонансными, тоже свободными от педантизма, шутивными, можно сказать, рифмами, которые (будучи хоть и перекрестными, а не парными) вносят в текст некий дух раёшника с его устной «неподцензурностью».

Перед нами мысль затейливо-поэтическая, но она предстает и мыслью общественно-актуальной. Побуждающей отечественного читателя задуматься: а что у нас? Не зажаты ли и мы между двумя полюсами идеологической агрессии: фундаменталистской и неолиберальной?..

Ирина РОДНЯНСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь – это зеркало в него смотрящегося.
 Дарвин, например, увидел там обезьяну.
 После этого с Кафкой был нервный приступ.
 Его еле вытолкнули из утробы мира
 Год спустя после смерти Дарвина.
 Он из страха сделался страховым агентом
 И следил за собой, за каждым шагом,
 И докладывал страху о своих превращениях,
 А тот хохотал, хохотал, таракан-тараканище.
 В той тесной, узкой, опечатанной комнате
 До сих пор летает чёрная галка
 С алой, крест-накрест, раной в горле.
 Попробовал бы кто перечеркнуть так Дарвина!
 Сколько вообще это может сниться?
 В том-то и дело, что вечно, вечно.
 Не избавиться уже от снов, от Кафки –
 Мумиевидного, высохшего сверчка в углу комнаты.
 В лапках его – труха книги.
 В провалинах глаз –
 Зола видений.
 Каждую полночь ему является
 С боем часов
 Призрак отца Дарвина –
 Великая и ужасная
 Обезьяна.

ЧАСТЬ I

1

Гелиоцентрическая система Коперника
 Оставила в небе большую прогалину.
 Вторым историческим событием для человека
 Стало явление Обезьяны Дарвину.
 Ренессанс Обезьяны, задвинутой незаслуженно
 В угол цивилизации и там забытой, –
 Наступил. Наши горизонты сделались уже.
 Её – расширились. Теперь мы квиты.

2

Что бы там ни говорил Деррида,
 Но самым великим деконструктивистом был Дарвин.
 Вся эта человеческая чехарда
 Не прошла животному миру даром.
 Царь зверей издавал грозный рык вотще –
 Человек прибрал всё к рукам очень скоро.
 Страдала Обезьяна с младенцем на плече,
 Природа ругалась естественным отбором.
 Крыс вообще лишили всех прав.
 Кроликов сгоняли в гетто лабораторий.
 На человека нужен был большой удав,
 Чтобы он осознал своё место в истории.

3

До Дарвина была человекоцентрическая система.
 Дарвин поставил в центре Обезьяну
 И доказал, что вокруг неё все мы
 Вращаемся, как вокруг директора – замы.
 Обезьяна – это солнце для homo sapiens,
 Погрязшего в своей социальной психушке.
 Под её влиянием уже пересматривается
 Прототип «Чудного мгновения» Пушкина.

4

Чтобы глубже понять особенности Обезьяны,
 Нужно вчитаться в мифы народов мира,
 Например, в Библию – праматерь Себастьяна
 Баха «Хорошо темперированного клавира».
 В обезьяне воплотилась идея подобия,
 Легшего в основу и библейского создания.
 Подражательность она впитала с кровью.
 А всё остальное – всего лишь иносказание.
 Действуя всегда по образу и подобию,
 Окружённая ящерами обезьяна-диссидентка
 Постепенно превратилась в двуногое,
 Чем весьма порадовала Лысенко.

5

Бог сотворил человека по Своему образу.
 Природа сотворила Обезьяну по человеческому подобию.
 Кто в кого верит, пусть и строит свою гипотезу.
 Природе – природное; Богу – Богово.
 Но о Боге, по мере возможности, не будем –
 Это позднейшее синтетическое понятие,
 Принадлежавшее уже людям
 (Пока что буду их так называть я).
 Обезьяна – венец творения природы.
 Природа всегда соревнуется с Богом.
 Её весьма прогрессивные опыты
 Уже выходят Ему боком.
 Природа показывает Творцу все изыскания
 Человека, не имеющего у фауны успеха.
 Любая человекообразная обезьяна
 Культурней обезьяноподобного человека.

6

Но мы отвлеклись. Речь не о природе и Боге,
 Тем более, что о последнем нет никаких свидетельств,
 Никаких раскопок, ничего, кроме аналогий.
 И в космосе черно, как в некоторых сельских
 Местностях в полночь, где перебили
 Все лампочки, явно целясь в звёзды.
 В космосе уйма космической пыли
 И вообще отсутствует всякий воздух.
 Бог родился и вырос в трудных условиях,
 Но Ему удалось превозмочь их. Вкратце
 Идея, выраженная в Его первом Слове, –
 Это Божья власть плюс электрификация.
 Но мы отвлеклись. С утра не туда заносит...
 Речь, опять-таки, не о Нём, а об Обезьяне.
 (Сказанное выше, прошу поместить в сноске.
 И там же читать. Благодарю заранее.)

7

В этом есть некоторая непреодолимая спутанность.
 До упоминания Библии всё шло гладко.
 Теперь же выясняется, что, по сути,
 Есть сотворение второго и первого порядка.
 Бог и природа получились конкурентами,
 Хоть Бог благоволил к чистым и нечистым,
 (Но, кто из них пользуется какими дивидендами,
 Придётся разбираться уже экономистам).
 Суть не в этом. Бог выписал квитанцию
 Земле на выращивание флоры и фауны.
 Таким образом, природа стала Его напарницей.
 Конкуренция не входила в Его планы.
 Он развёл себе вскоре сынов Божиих,
 Но природа не отставала. И желая ответить,
 Создала дочерей земных, весьма пригожих
 (Бытие, шестая глава, стих с первого по третий).
 С Адамом же всё получилось как в сказке о Кошечке:
 Вон древо,
 на нём ветка,
 на ней плод,
 а в нём – смерть Адама и отпрысков.
 Пропп эту связь проглядел, и его отрицаю вообще я.
 Тот же досадный пробел и в трудах Веселовского.
 Но всё это, опять-таки, не относится к теме
 Данного исследования в свете естествознания,
 Поэтому лучше всего прервать рассуждения
 Общего толка и перейти к Обезьяне.

8

Так вот, в Эдеме, а попросту джунглях
 С прекрасным климатом, вкушала все блага
 Невинная Обезьяна, пока не встретила жулика,
 Хитреца и завистника – ядовитого Нага.
 Наг раскачивался на развесистом дереве.
 Издали его можно было принести за лиану.
 Он не вызывал у окружающих доверия
 И провести мог только наивную Обезьяну.

- Попробуй вот это, - сказал он, указывая
Кончиком хвоста на что-то среднее
Между лысым кокосом и гладким ананасом.
У Обезьяны как раз уже всё было съедено.
Она приблизилась. Любопытство
Было самой серьёзной её ошибкой.
Тронула плод. Оттуда выполз
Дрянной червяк с пьяной улыбкой.
Наг, следивший за Обезьяной украдкой,
- Видишь? – спросил. Обезьяна кивнула.
Органы зрения у неё были в порядке.
Червяк же витал в эмпиреях загула.

- Попробуй – повеселеешь, - сказал ей завистник,
Предвкушая увидеть обезьяну на брюхе,
Носом в пыли. Отодвинув листик,
Наклонил к ней ветку. Обезьяна обнюхала
Бродящие соки за шагреновой кожей.
- Чувствуешь? – спросил негодяй. Обезьяна снова
Честно кивнула. С нюхом у неё было тоже
Всё в порядке. Чуть надкусила. В голову
Ударило лёгкое, чуть газированное, веселье.
«Вот это да!», - Обезьяна впервые подумала.
Стали кружиться деревья, как карусели,
Но кто-то к виску уже приставил дуло.

9

В пробуждении было мало весёлого.
Обезьяна очнулась на обочине джунглей,
Пыталась вспомнить, кто же привёл её
Туда. Настроение было жуткое.
Шерсть отваливалась просто клоками.
Челюсть сделалась недоразвитой.
Обезьяна всплёскивала короткими руками
И гляделась в речку, где с каждым разом,
Отражение менялось, и было уже трудно
Различить обезьянье в новом телосложении.
«С кем же я скрещивалась?», - Обезьяна раздумывала
Над падением нравственности под углом отражения.

10

После принятия плода в Обезьяне всё раскололось.
Иногда ей мнилось, что она идёт ко дну.
У неё появился ломающийся внутренний голос
(Шизофрения по Блейлеру, полифония по Бахтину).
У природы она явно уже была не в фаворе.
Ей не хватало прежней ловкости,
Она беспрестанно пугалась во флоре,
И никто из фауны не приходил к ней в гости.

11

Сложные отношения бывшей обезьяны и среды
Обусловили дальнейший разрыв между ними.
Ни волки, ни овцы не хотели приютить, увы,
Существо без отчества и даже без имени.
Отбившись от стаи, и не прибавшись к стаду, оно
Озлобилось в душе, которая у него появилась
Как мифическое золотое руно,
Что имеет далеко не каждая живность.
Но дело не в этом. Оказавшись одним против всех,
Существо затаило обиду на всю природу,
Ей в отместку придумало письменность, назвав себя: «человек»;
Прикарманило земли, наскрябав на скалах: «продано».
Обходили его десятой дорогой и волк, и лев.
Человек управлял скотом, и плодами, и пчёлами в ульях,
А устав от забот, он посасывал плод, и потом, охмелев,
Засыпал. И к нему нисходил рай в джунглях.

ЧАСТЬ II

1

Итак, Обезьяна стала человеком насильно,
В результате сплошного обмана.
Родственная ветвь была полностью репрессирована
И звучала как прозвище: о-бе-зья-на!

Наг не ожидал такого успеха
От своей затеи просто поглумиться.
С тех пор он не мог смотреть без смеха
На все эти бывшие обезьяньи лица.

2

Так называемое Древо познания
Хранило компромат на Господа Бога,
И стало понятно даже Обезьяне,
Что Он сделал хорошо, а что – плохо.

3

Земля в Эдеме не плодила самостоятельно,
И дождей Бог не слал. Всё это красноречиво
Свидетельствует о реальных обстоятельствах,
Которые загладило библейское чтиво.
Адам эксплуатировался при любой погоде,
И не предвиделось выхода из этого рабства.
Знание, скрытое в Запретном Плоде,
Было подобно «Капиталу» Карла Маркса.

4

Революция в Эдеме совершилась по Ленину –
В одной отдельно взятой аграрной области.
Феминистка Ева стала во главе сопротивления.
(Но переписчик стёр все эти подробности.)
Бог уготовал Еве узы замужества.
Ева же стремилась к высшему образованию,
Что свешивалось с Древа, не внушая ужаса,
И суля ей сладости, больше, чем в Адаме.
По поводу Евы у Бога не было ясности.
Его представления о женщинах были слегка однобокими.
Ученье – свет, который приносит тьму неприятностей.
(Последний вывод лучше заключить в скобки.)

5

Фернесс испытывал к обезьяне Люси
То, что Фрейд назвал бы Эдиповым комплексом,
Павлов – рефлексом, а Достоевский – конвульсиями.
Фернесс же интересовался только Люсиным мозгом.
Люси была симпатичного сложения,
Любила зеркало и очки (что ей было подарено)
И очень радовалась своему отражению,
Видя, наверное, в зеркале Дарвина.

6

Уильям Фернесс был одним из первых,
Кто отдался подготовке будущей смены.
Он верил, что крепкий примат займёт место нервных,
Шимпанзоидных особей, вскрывающих себе вены.
Он у зеркала простаивал часами с Люси,
Вытягивая губы то наверх, то вниз,
Пытаясь осуществить лингвистические иллюзии.
Но из него не получился мистер Хиггинс.

7

Люси не прошлёпала губами «папа».
Люси подражала молчаливости зеркала.
Мистер Хиггинс-Фернесс прошептал
Жизнь. И она померкла.

8

Вот история жизни Обезьяны,
Что во всех учебниках (отечественных и неотечественных)
Представлена (и весьма узнаваемо!)
Как собирательный образ человечества.
Поначалу сутулая, как первоклассник за партой,
Которому требуется классная дама,
Она всё меньше опирается на передние лапы,
И на последней картинке стоит уже прямо.
Всё дело в позвоночнике. И каждый воочию
Может убедиться, сравнив человека и кенгуру,
Как точно термин «высшие позвоночные»
Описывает замысловатую эволюционную игру.

Язык сусликов, например, изучить и понять не просто.
Он состоит «из разнообразных свистов и щелчков,
И щелчков различной частоты и громкости».
Среди сусликов должно быть много поэтов.
По позвоночнику различают низших и высших.
В нём – наука и искусство нашего завтра.
Человек – выше суслика, и он тоже слагает вирши,
Но ему ещё далеко до динозавра.

9

Насколько человек, отделивший себя от Обезьяны,
Отстаёт от своего животного окружения
Демонстрирует канон Моргана
В его классическом приложении
К копыту Умного Ганса, выстукивающего
Математические выкладки, как азбуку Морзе,
Об асфальт, поражая образованных присутствующих,
И ставя вопрос о нужде и пользе
Математических вузов, а заодно и всех прочих.
«Мозг не определяет свойства ума», -
Поговаривали. Но некий завистник и склочник
Дискредитировал копыто, выстукивающее теорему Ферма.

10

Копыто Умного Ганса вскрыло проблему
Нехватки братьев по разуму в человеческом обществе.
Поэтому в выстукиваниях слышали и теорему,
И аксиому, и всё, что захочется.
После разоблачения, в общем, неглупой лошади,
Астрофизики сами стали выстукивать
Позывные в космосе. Но и на этой обширной площади
Откликалось лишь то, что сумело аукнуться.
В общем, всё это эм це в квадрате
Показало, что усилия не стоили репки,
И что тоска человека по братьям –
Это настоятельный зов предков.
Неудовлетворённость современного человека
Идёт от разрыва между ним и историей.
Один примат девятнадцатого века
Так и написал: «От ума – горе».

11

Возвратить к Обезьяне заблудшего человека –
Задача, идущая от природного чувства долга.
В предвкушении этого социального Биг Бэнга
Мы растим своего Кинг Конга.
Обезьяны пытались освободить Маугли,
Выкрыв детёныша, но очень скоро
Его обнаружили и поймали
Тупые враги естественного отбора.
Из этого делаем простой вывод:
Чтобы окончательно прийти к Обезьяне
И отразить успешно вражеский выпад,
Нужно поменять систему образования.

12

Разум – свойство высокоорганизованных систем,
А не мозга отдельных особей.
Муравей, к примеру, силен именно тем,
Что мыслит коллективным образом.
Выживает не единичное, а сверхорганизм,
И при этом ему даже не нужен позвоночник,
Как показывает муравьиный коммунизм,
В котором не сыщешь одиночек.

13

Высшие позвоночные должны подражать низшим,
Не выказывать превосходства, молчать и сливаться
Или прикинуться какой-нибудь пищей,
Лучше – неудобоваримой для собственной безопасности.
Перестройка приведёт к окончательному примирению
И стиранию граней между позвоночниками.
За это приматы получают премию
И разделят её со всеми прочими.

Равенство, братство и другие понятия
Поставят всё на своё место.
Обезьяне, имитирующей низших собратьев,
Будет отдана пальма первенства.

14

Стирание граней между низшими и высшими
Способствует перераспределению энергии между ними.
Бог отпадает как третий лишний.
(Читай с маленькой буквы здесь Его имя).
Некогда Он сослал человека свирепо
На пожизненные работы (почти как при Сталине).
Теперь человек изгоняет Его из своего вертепа.
Как говорится, яблочко от яблони...
Богу неча пенять на Собственный образ и подобие.
Что посеешь – то и пожнёшь, как говорится.
Богу не набрать голосов и не выдать Нобеля.
Нужно как можно быстрее стереть все границы.

15

Возвращение блудного человека к Обезьяне
Будет с радостью воспринято природой, что тоже
Воскликнет: «Ешьте и веселитесь, земляне!
Ибо этот сын мой был мертв и ожил».
Поначалу Обезьяна, конечно, рассердится,
Обрушит на своего нерадивого младшего брата
Герпес, гепатит и другие инфекции
За то, что природа щедрее к тому, кто пришёл обратно.
Но природа её образумит, сказав: «Ты всегда со мною.
Иногда нам с тобой даже было скучно.
А теперь Этому Вечному под луною
Я докажу что моё творение было лучше.
И тогда, наконец, я буду царить в числителе
Над всеми вами – животными одной крови
И колонии насекомых превращу в исправительные
Для обращения в бесхребетных сопротивляющихся хребтовых».
Но для этого людям придётся ещё потрудиться,
Сделать вновь обезьян своими друзьями,
Перенять их походку, мимику, жесты, интуицию,
И труд вернёт человека к Обезьяне.
Первыми должны показать пример учёные.
Их готовность к скрещиванию подхватит студенчество.
Не пройдёт и столетия, как новоиспечённое
Поколение освободит всех от оков человечества.

16

Сближение с Обезьяной сделает былью сказку.
Мы рождены для того, чтоб вернуться в ретро.
Слово «обезьяна» имеет глумительную окраску
И посему политически некорректно.
Все мы приматы и гоминоиды.
Будет весело вместе нам.
Возвращённые дети природы
Не будут томиться по зоопаркам и церквям.
Цивилизация – это войны и дороговизна.
Прогресс – это старая забытая радость.
Под прочным знаменем дарвинизма
Орангутарии всех стран, объединяйтесь!

ПРИМЕЧАНИЯ И ВЫВОДЫ

Бог, наученный горьким опытом,
Испугался, что Каин займётся селекцией
И выведет Древо жизни. И что потом?
Бог не одобрил Адамова первенца.
С тех пор не сыщешь гибрида без вкусового изъяна.
Картофелен персик; клубника хрустит огуречной клетчаткой;
Арбуз не хрустит. Пострадала, как всегда, Обезьяна –
Вегетарианка, питающаяся плодами и початками.
Но зато уже сблизились огород и сад.
Есть надежда, что и с нами всё будет в ажуре,
И Дарвин – пастырь обезьяньих стад –
Встретит человека с ключами от джунглей.

ТОРЖЕСТВО



Елена Пархоменко

В республике Карелия впервые состоялось собрание лиц, ранее отмеченных знаками «Трудовая Доблесть России». Сбор провел ставший в регионе Карелии официальным представителем этой доблестной награды Сергей Пашков. Сергей коротко отметил, что с момента перестройки многие люди не только отучились получать моральное удовлетворение от своего труда, но и принимать факт, что их труд и творчество можно оценивать нематериальными поощрениями.

Оценить то, что приносит высокое моральное удовлетворение, а также эстетическое, патриотическое и культурное,

взял на себя председатель центрального правления, Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель России,

кандидат технических наук Алексей Гаврилович Лёвин, который теперь и возглавляет Всероссийскую общественную

организацию «Трудовая доблесть России». Алексей Гаврилович прошел путь от простого рабочего до бригадира, многие годы трудился в системе Метроспецстроя,

построил вместе со своим коллективом лучшие станции метро. Организация, находящаяся под его руководством, занимается защитой интересов человека труда, способствует формированию в обществе уважительного отношения к его трудовым заслугам.

Одна из главных целей организации — возродить престиж трудовой профессии. Ни для кого не секрет, что в стране в настоящее время практически свёрнута система подготовки квалифицированных рабочих кадров, молодёжь не идет на производство. Среди жизненных ценностей россияне традиционно считали приоритетом не личное обогащение, а трудовой энтузиазм во славу Родины.



Аниса Терентьева

Всероссийская организация «Трудовая доблесть России» бережно сохраняет и развивает эти качества российского народа. Она делает всё возможное, чтобы россияне не только видели происходящие в стране позитивные изменения, но и активно участвовали в этом важном общегосударственном процессе. Ведётся большая организационная работа по вовлечению широкой общественности страны и молодёжи в позитивные производственные процессы. Для этого организация «Трудовая Доблесть России» разработала целую систему поощрения

людей, работающих на возрождение общественно-политического, промышленного и интеллектуального потенциала России.

За последнее время многое перевернулось в социальном бытии и массовом сознании, изменились и ценности. Однако все же остались

люди, которые верят, что человека следует поддерживать и поощрять моральными знаками. В этом году в республике Карелия знаком «Трудовая Доблесть России» награждена Аниса Терентьева, дипломами «ТДР» отмечены Лена Пархоменко и Сергей Истомин. Приятно отметить, что все эти люди причастны к медийному международному проекту «Интеллигент». Это свидетельствует о том, что наш проект вызывает признание не только во все мире, но и в самой



Сергей Истомин

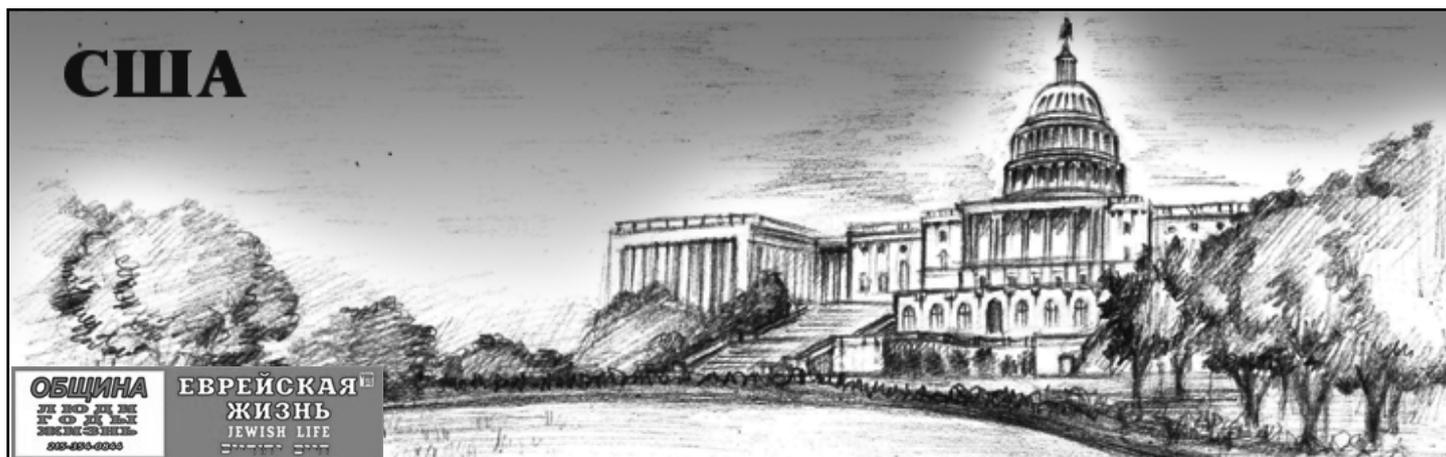


России он отмечается серьезными знаками внимания.

Поздравляем награжденных и надеемся, что отмеченные лица с пониманием будут нести эти награды по своему жизненному пути.

Редакция.

О НАС ГОВОРЯТ...



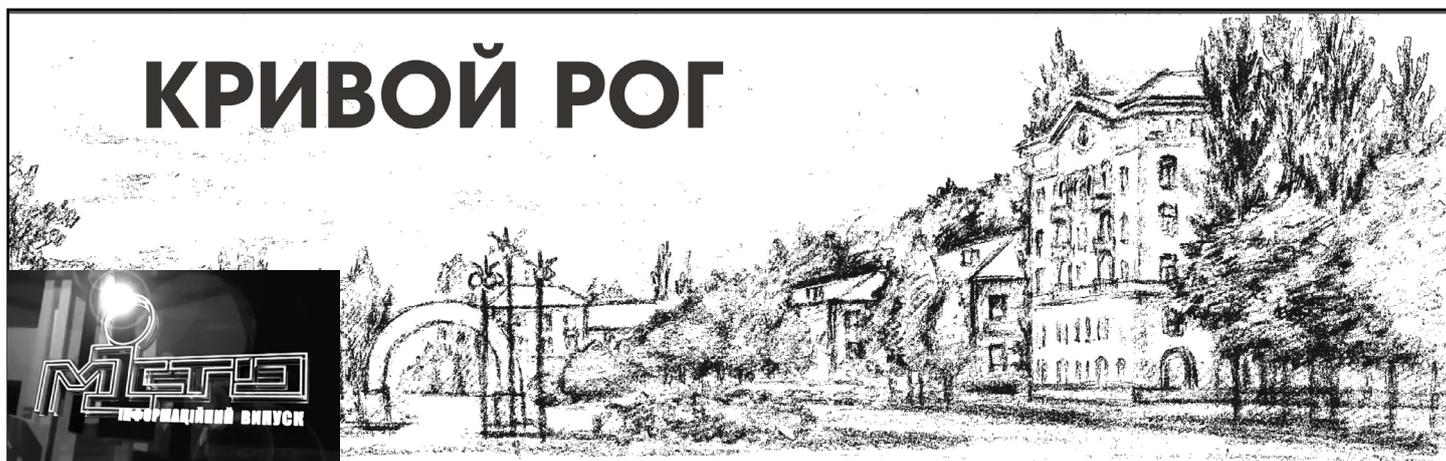
Уважаемые читатели! Как вы знаете, сегодня в России и за ее пределами возникло много новых русскоязычных издательств, утвердилось не одно поколение русскоязычных авторов, появились новые печатные органы.

Одним из наиболее популярных и уважаемых Издательских Домов является международный медийный проект «Интеллигент», поставивший своей целью объединить творческих русскоязычных людей, чья судьба разбросала по всему свету. «Интеллигент» предоставляет возможность писателям, поэтам, журналистам, художникам, музыкантам, влившимся в новую среду, продолжать обогащать русскую культуру. Широка география авторов публикуемых «Интеллигентом» произведений. На страницах издания представлены известные и малоизвестные авторы, а также творческие объединения из многих стран мира.

Сегодня «Интеллигент» издает три газеты и два журнала.

Отзыв из Филадельфии.

Общественный редактор, Инна ШВЕЦ



На встрече, прошедшей в пресс-центре исполкома, автор также рассказал о достижениях «Творческой лиги» - проекта, призванного объединить лучших авторов и деятелей культуры Кривого Рога и поделился успехами местных писателей на международной литературной сцене.

Особое внимание Андрей уделит международному медийному некоммерческому проекту «Интеллигент», на страницах газет и журналов которого были опубликованы криворожские литераторы.



ЧУКОТКА

ПЕРЕЛЕТ НА КРАЙ СВЕТА

Приходит пора, и лицо становится ликом, а жизнь бытием...

Обернувшись по сторонам, кого бы на этот раз взять с собою на Край света, полковник Дальневосточной авиации Владимир Спивак неожиданно вспомнил о нас. Вышел по скайпу с вопросом – не хотели бы мы сопровождать православный гуманитарный груз, и есть ли у нас возможность выделить часть подарочного фонда книг для детишек Чукотки? Времени на размышление – два дня. Авантюра понравилась.

И вот детские книжки грузятся в багажник ЛандКрузера в надежде увидеть Байкал, Благовещенск, и зацепившуюся за сопки Крайнего Севера Анадырскую красавицу церкву.

В конечном итоге с 10 по 17 сентября 2012 года произошло не кругосветное, но достаточно обширное путешествие от Москвы - в Рязань, затем г. Энгельс, Байкал (Белая), Благовещенск (Украинка), Анадырь и обратно. Кроме автора сей летописи, горстка путешественников под руководством Владимира Спивака состояла из съёмочной группы Марии Карпинской, учредителя Золотого Пера Александра Бухарова, и Отца Владимира из г. Печеры (Псков).

Мы оттолкнулись от земли, и заслушались в полете историями и легендами. А может быть, нам это приснилось...

ЛЕГЕНДА О СЕВЕРНОМ СИЯНИИ

Полярной ночью так холодно, что стоять на одном месте невозможно. Даже небо греется, пританцовывая. Тьма оживает Северным сиянием. Всполохи причудливых танцующих радуг поют и потрескивают. Инуиты, коренные жители Аляски передают от дедов и прадедов красивую легенду. Это не сполохи небесные. Это души умерших предков.

Духи людей вместе с духами собак танцуют на небе, и тем самым напоминают ныне живущим о своем прежнем существовании. Именно поэтому лайки любят лаять на полярное сияние. В хороводе духов они безошибочно узнают сородичей, и просят вернуться в мир живых.

ВОЕННЫЙ БОРТ 33

Не так-то просто провести даже час на летающей посудине, предназначенной для перевозки военного груза. Никаких таких «удобств» там нет. А перелеты длинные. Жесткие металлические откидные боковые сидения выкрашены в зеленый цвет. Над ними на молниях – маски. На всякий случай. Под сидениями – фонари. Над «потолком» какие-то кабели, кнопки, грузоподъемные оранжевые лебедки. Центральная часть тела самолета занимает трапы и еще круглые чехлы для двигателей, окрашенные яркой красной краской. Пол металлический, весьма холодный на вид, весь в клепках. Иллюминаторов всего несколько. У трапа температура достаточно жаркая. В хвосте – холодно. Пассажиры в основном летчики или командировочные, направленные по разным делам, кто на Байкал, кто в Благовещенск, кто на Чукотку, спокойно переносят неудобства, устроившись на рюкзаках. Случайно попавшая сюда особой породы английская псина поскуливает в клетке – боится летать... Однако, во всем чувствуется приподнятость духа и какое-то

особое доброжелательное военное братство и взаимопомощь. Наши нехитрые пожитки поднимаются сильными руками по оранжевой лестнице. Полет проходит в полутьме. Дремать сидя достаточно неудобно. Но по мере удаления от Москвы попутчиков становится все меньше. И вот каждому из нашей группы достается не по одному, а по три места. Мы блаженно вытягиваемся, и дремлем в ожидании чуда.

СВИДЕТЕЛЬСТВА АВЕСТЫ

Священная книга зороастрийцев «Бунда Кришна» гласит:

«Йима – первый человек - поступил по совету Ахура Мазды, и построил на далёком Севере город Вара, окруженный стеною. И собрал туда семена всего лучшего от людей, зверей и растений, чтобы сохранить их от роковой зимы, пришедшей как наказание Духа зла Ангромани на священную землю счастья.

И поместил Йима город в золотой стреле, и сделал врата светящиеся и иные светильники. И спросил Спитама Заратустра Ахура Мазду: - О, творец материального мира, достойный законодатель ариев и установитель Аши, что за светильники в городе, который построил Йима? И ответил Ахура Мазда:

- Светильники эти вечны и приходящи. Только раз в году заходит и восходят в этом городе Вара звёзды, и луна, и солнце. И жители его считают весь год за один день...

РЯЗАНЬ

Нет в мире ничего надежнее военного борта. Это не мы выдумали. Это Спивак сказал. Причем убедиться в правильности такого заявления нам пришлось достаточно быстро.

Сербская народная примета – надо вылить перед собою ведро воды, чтобы дорога шла «как по воде»!

Армянская народная примета – под колесо сзади плеснуть водой, чтобы благополучно вернуться.

Русская народная примета – дождь в дорогу – к удаче. Рязань нас встретила дождиком. И утренним солнцем.

Ничего кроме удачи, окропленные благодатными каплями дождя, мы и не ждали. И предчувствия нас не обманули.

У летчиков тоже есть своя летчицкая примета – нельзя фотографировать друг друга, и снимать военные объекты.

Зато можно передавать членам летчицкого братства на край света посылки и сувениры. И это подтверждает еще одну хорошую народную примету – бросай хлеб по воде, он вернется к тебе с маслом!

ВОЛГА – САРАТОВ – ЭНГЕЛЬС

*«Огней так много золотых
На улицах Саратова...»*

Саратов и Энгельс – два города, разделенные Волгой. Наше второе место посадки.

Вообще, как-то диковато звучит название Энгельс, которое ну прямо совершенно не подходит этому удивительно красивому русскому месту.

Представьте!

«Под крылом самолета о чем-то поет» широкая легендарная Ра-река, ныне Волга, она сверху кажется главной артерией Земли. Изгибы притоков... Острова... Живописные зеленые холмы. А на них – удивительной красоты терема – домики. Прямо как в наших добрых мультфильмах про богатырей.

Конечно, «предприниматель» Фридрих Энгельс не виноват в написании Карлом Марксом знаменитого «Капитала». Но выбранный Ульяновым-Лениным за парадигму идеи построения коммунизма, «призрак которого (наверное) до сих пор бродит по Европе», но давненько покинул эти места, возможно и имеет право остаться в названии какого-нибудь города, например, Брюсселя... А здесь призрак Энгельса зафиксирован в названии, как некий атавизм времен раздутых мировых пожаров «на горе всем буржуям».

Но вернемся к путешествию.

К удивлению нашей команды именно с этого места и начался для нас коммунизм. Мы, естественно взяли с собою запас продуктов. Но там, «на военной дороге» нам даже не позволили им воспользоваться. От базы к базе плотно и качественно кормили в летчицких столовых, предоставляли место для ночлега, транспорт, сопровождение, с любовью улыбкой давали паек с собой. Заботились как могли: корректно, интеллигентно, красиво, как в лучших советских фильмах о путешественниках, типа «Чук и Гек».

У Волги – сезон арбузов, помидор, яблок и других овощей и фруктов, не вызревающих на Чукотке. Ребята собирают для собратей передачи этих деликатесов. Грузят на борт.

А нам показывают музей Дальневосточной авиации под открытым небом.

ВИДИМОСТЬ НУЛЕВАЯ. ИДЕМ ПО ПРИБОРАМ.

*«Где-то багульник на сопках цветет
Кедры вонзаются в небо,
Кажется, будто давно меня ждет
Край, где ни разу я не был...»*

И вот, рев моторов глушит сознание. Взлетаем уверенно и мощно. И песни флэбустьеров звучат на устах. И рвется сердце встреч солнцу. Мы опережаем время. Чем дальше, тем увереннее. Наши московские и европейские современники, остаются в прошлом, сначала на час, потом на два, на три... Вперед Край Земли. Край Света. Но прежде мы должны приземлиться «в ночь» у Ангарска. Заправить борт топливом. Вручить адресатам груз. Поместить на борт что-то еще.

Военная база у Байкала носит имя Белая.

Шутка Спивака «Видимость нулевая. Идем по приборам» оказалась не шуткой, а обыденной реальностью военных буден.

Мы плывем в белом мареве облаков, точно в небесном молочном море с открытыми глазами иллюминаторов. И неожиданно быстро попадаем в ночь!

НОЧЬ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ СТРЕЛЬЦА

Интересно плыть на лайнере «среди звезд». Там за бортом, не черное небо. Оно полно тайнств, над нашей головою многомерно разворачивается веер звезд галактика. Но самое удивительное и загадочное место – созвездие Стрельца!

Вот же оно! Совсем рядом! «Чем дальше, тем ближе!»

В Стрельце находятся точка зимнего солнцестояния, а также центр Галактики, удаленный от нас примерно на тридцать тысяч световых лет и скрытый за облаками межзвездной пыли.

Считается, что в Стрельце располагается самая красивая часть Млечного Пути, множество шаровых скоплений, а также темных и светлых туманностей. В радиодиапазоне в Стрельце находится несколько ярких источников, один из которых (Стрелец А*), как считается, является сверхмассивной черной дырой в центре нашей Галактики.

На военном борту, слабоосвещенном и таинственном это кажется особенно занятным.

Как правило, Солнце гостит в созвездии с 18 декабря по 18 января. Под этим созвездием родился Иисус...

Древние греки на всех небесных атласах изображали это созвездие в виде Кентавра Кротоса, именно он по преданию изобрел стрельбу из лука. Занятная борьба мифических героев за центральное место на небе привела к следующему.

Считалось, что изобретателем небесного глобуса был кентавр Хирон, создавший его специально для похода аргонавтов, а может быть, для нашего перелета.)

На глобусе Хирон оставил место для себя в виде зодиакального созвездия Стрелец. Но кентавр Кротос опередил Хирона, заняв его небесное место, и тому пришлось довольствоваться менее почетным по положению созвездием Центавр. Вон там, видите? Справа!!

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Теплая встреча теплее предыдущих. Наверное, чем дальше в хол, тем теплее простые человеческие отношения. И люди как-то меняются. Меняются глаза. Суровой сжимает стальные объятия климат.

А ночь, которую мы нагнали вопреки естественным законам развития Земли, пожимает недоуменно плечами млечного пути.

11 сентября в 6 часов утра закончился еще один завтрак-обед-ужин (мы капитально сбились с определениями), и наша группа, досыта уфотографировавшись забайкальским колоритом, взьерошенными нахолодившимися воробьями на ледяных откидных сиденьях ждет взлета. Попутчики предлагают омуль. Какой там омуль? Мы сыты. Вот только спать чуть-чуть хочется! Человек привыкает ко всему. Даже к неудобствам. И они, как это удивительно, кажутся теперь нормальными допустимыми условиями жизни здесь между небом и землей.

СИБИРСКИЕ ПРИМЕТЫ

Есть поговорка: «Собака сама грязная, а ее язык чистый. Кошка же наоборот: сама чистая. А язык грязный». Это правда. Укус кошки ядовит. Он долго не заживает. А для некоторых мелких животных является смертельным. С собакой другой случай. Раненые таежники обмывали сметаной пораженное место, и давали вызлывать собаке. Это способствовало очень скорому заживлению. А в подростковом периоде избавляло от прыщей!

Почему еще говорят, «мы с тобой не одну собаку съели!»? Это значит, условия тайги оказались столь суровые, что пришлось пожертвовать другом-собакой, чтобы остаться в живых. В крайних случаях эвенкийцы, проживающие в Забайкалье и Восточной Сибири, советуют полностью съесть собаку, это якобы излечит туберкулез или воспаление легких. На самом деле, в отличие от Китая, Кореи и Вьетнама, в России собак не едят.

КРАЙ, ГДЕ НИ РАЗУ Я НЕ БЫЛ. СЕРЫШЕВО

В 4 часа по нашему времени 33-й приземлился близ Благовещенска на военной базе Украинка у поселка Серышево. Это «близ» по местным меркам действительно рядом, около 100 километров. Пятьдесят больше, пятьдесят меньше – не в счет.

Команда летчиков нуждалась в отдыхе. Борт – в дозаправке.

А нам на всех выделили трехкомнатную квартирку для ночлега. Кстати, этот пятиэтажный дом военного городка еще 2 недели назад был по пояс затоплен наводнением. А теперь достаточно гостеприимно нас принял. Обеспечил пропитанием. Душем. Мягкими кроватками со свежими простынями. О! Счастье стой! Но отсыпаться никому и не приходило в голову!

Военный поселок предоставил машину для экскурсии.

Первым делом, мы посетили местную достопримечательность – церковь, построенную летчиками в виде ракет с яркими голубыми куполами.

Проехали Белогорск и реку Доль. Прекрасная дорога усыпана золотом ранней осени. Крепкий холодящий ветерок, как ледяный первач, настоящий на веточках багульника, проникал в легкие через походные куртки, пугая мыслью, а чем же встретит Чукотка?

Первое, что удивило еще в аэропорту – примятая наводнением трава. Но бедствие лишь косвенно коснулось этих мест.

Проезжая по трассе к Благовещенску, мы стали свидетелями масштабной катастрофы. По левой и правой стороне дороги - затопленные по нижние окна жилые дома и коттеджи.

Амур и Зея разлились с небывалым размахом. И души наши скорбели, представляя, что через неделю другую в этих местах ожидаются заморозки...

На пути нам попадались громадины современных машин, пытающиеся выкачать воду насосами. Да где там?

Когда водохранилище сбрасывает тонны воды, и реки идут вспять, невозможно восстановить экобаланс, как бы не пытались сделать это добросовестные спасатели.

БЛАГОВЕЩЕНСК

Наконец, благая весть Отца Владимира, что мы подъезжаем к Благовещенску, порадовала всех.

Оператор Александра снимала без остановки. Также, не давая себе шанса на перерыв, комментировала все события Маша Карпинская. Саша Бухаров, выдавал редкие, но меткие замечания. Я все это записывала. А командир группы Володя Спивак отдал приказ «Вольно».

Мы сверили часы, и обозначили место встречи у набережной.

Кстати, с нее открывался вид на реку Амур – водную границу между Россией и Китаем.

Что представляет собою Благовещенск сегодня?

С одной стороны – культурный центр региона. Есть и оперный театр, и музеи, и библиотеки и симпатичные памятники: все, как положено. С другой стороны – цены в супермаркетах и продуктовых магазинах раза в два выше московских. Поразила стоимость рыбы и красной икры. Кроме того, во всем городе улавливается налет некоего разрушения. Серости. Я бы не смела говорить об отсталости. Но чувство тревоги за Державу сопровождается повсеместно.

Удивило и то, что соседство с Китаем не предполагает наличие китайских товаров на прилавках. Не везти же в Москву вакуумные упаковки рыбы, мяса и колбасы, приготовленные в Останкино?! Мы «с налету и перепугу» с трудом нашли какое-то «фирменное» корей-

ское печенье, японскую сухую лапшу и вьетнамский соевый соус. Собственно, единственные трофеи, приобретенные там...

Теперь о самом грустном.

По ту сторону Амура ясно видна развеселенная китайская сторона. Выглядит она впечатляюще, и с некоторой угрозой.

В чем же эта угроза? Не в этой ли самоуверенной внешней благополучности и развеселости?

Ну конечно, она не в гигантском колесе обозрения парка культуры и отдыха цвета радуги. Не в шикарных небоскребах, выстроенных из стекла и бетона и выкрашенных в модные краски современных дизайнеров.

Угроза эта в разнице меж нашим запустением и их развитием. Меж нашим безлюдием громадной территории и их массовостью, сосредоточенной у границ. Меж нашим поголовным, извините, откровенным пьянством и «опофигизмом», и их муравьиной ожесточенной работоспособностью!

На обратном пути получилось, буквально как в той песне. Полнеба заслонила очередная осенняя грозозная туча. Обрушился аномальный ливень, добавивший «радости» местным жителям, замурованных водою в домах.

Докладываем с места бедствия: «На границе тучи ходят хмуро. Край суровой тишиной объят. У высоких берегов Амура часовые Родины стоят...»

ОБЕРЕГ ДЖУНЫ

И тут я спохватилась. Я же обещала Джуне бросить в Байкал рублик! А мы пролетели над этим гигантским морем-озером, и оказалась так далеко...

Джуна – моя любимая волшебница. Наши встречи редки и знаковы.

Я вспомнила, как она перед поездкой пошептала что-то над монеткой, и вложила ее мне в ладони, загадочно сверкая черными звездами очей.

Забегая вперед вопреки нормальному течению повествования, открою секрет. Когда через месяц я предстала пред нею с виноватым взглядом, она спросила:

- Ну что? Привезла обратно?

- Откуда ты знаешь? – удивилась я.

- У вас было слишком мало шансов вернуться. А мне без тебя скушно, - хитро улыбнулась Джуна, - оставь себе. Пусть... будет!

КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Считается, северные народности произошли от жителей Китая, те в свою очередь от народа группы мяо-яо, которые обитают на больших пространствах Южного и Юго-Западного Китая и Северного Индокитая. А, соответственно те, ведут свое происхождение от собаки!

Послушаем же, что говорит народ яо.

Древнекитайский император Гаосин вел длительную ожесточенную войну, которая обескровила страну. Не надеясь уже на победу, он объявил, что победителю вождя врагов он отдаст дочь-принцессу. Вскоре с головой врага пришла жившая во дворе пятицветная собака Паньху. Императору пришлось отдать за нее дочь. Пес увел жену на юг в горы, где у этой пары появились потомки — яо. В честь предка Паньху стали проводить празднества, а женщины носить головной убор, похожий у одних мяо и яо на уши собаки, а у других — на головной убор принцессы. У мужчин сзади свешивается повязка в виде хвоста.

В домах яо устанавливается алтарь, посвященный Паньху. У них собака Паньху выполняет также функции главного духа-хранителя и защитника, помогает в путешественникам в странствиях.

ВПЕРЕД НА КРАЙ СВЕТА

После двух суток бессонницы несколько часов на сухих простынях показались раем. По первому звонку будильника в пять утра местного времени все живоножно поднялись. Взбодрились кофеём.

До аэропорта доехали во мраке. Фары освещали седую полынь, густо орошенную росой, похожую больше на изморозь. Кстати, по дороге встретили несколько дружелюбных многоцветных собак. Подумали, что это тоже хорошая примета.

Пока шла обычная суета погрузки, розовый дальневосточный рассвет обернулся голубым и теплым восходом. Быстро запустили турбины. И в час по нашему времени (а по ихнему в 7 утра), военный борт по обыкновенно резко взлетел, так что попадали ящики с болгарским перцем, покатались неукрепленные наши глупые гражданские чемоданчики на колесиках, а мы вцепились коготками в твердые углы откидных сидухек.

Под нами – изумруд тайги Амурской области.

До Анадыря 3-4 часа лету. Как повезет с ветром!

Нас всех охватило небывалое воодушевление. Виною тому была невиданная красота, над которой воспарил наш борт, похожая на розово-голубую кашу облаков.

Варит ее небесный повар в волшебном горшочке. Столько наварила от щедроты душевной, что закрыли облака пол-земли и пол-неба. Да мало ему, затейнику. Решил на десерт побаловать гоголем-моголем. Хотите посмотреть, как над кашею сей волшебной изжелта-желтое

небо взбивает ветрами желток солнца? Так в чем дело? Так в чем дело? Слетайте на Чукотку! Понравится!

Самолетик наш военный совсем опустел. Мы – единственные пассажиры. Володя Сливак, готовясь ко встрече с Владыкой Анадырским Серафимом читает житие Сергея Радонежского. Девчонки радостно фотографируются в опустевшем пространстве. Борт, прошитый вдоль и поперек мощными прожекторами солнечных трассеров, становится уютным и домашним.

Подлетая к намеченной точке, волнуемся.

Небо стало совсем белым. Солнце ослепительно белым. Возле реки Вилной я заметила КРУГЛУЮ РАДУГУ на облаках. Редкое явление порадовало.

Хорошая примета.

НАЧАЛО ЧУКОТКИ И РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Прилипнув к иллюминаторам, увидели океан, море Лаптевых, Берингов пролив и Анадырский лиман. Показались сопки, опустившие бархатные края лап в синюю безбрежность вод. Они поросли карликовыми рыжими лесами, похожими на шерстку пятицветных собак Паньху.

А капитан, первым опустившийся по трапу, озвучил откровение: - Кто назвал это место Краем Света? Это Начало Света!

И действительно! Как не приходило раньше на ум?! Именно здесь жители первыми встречают солнце! Страна Чукотка – и есть страна Восходящего солнца. А не Япония какая-нибудь! Чукотка дальше!

Ошарашенные открытием, выкатились из летающей посудины, разминая бока и мозги, привыкая к шуму прибора, свинцовому суровому ветру, мелкорастающему под ногами лесу, оказавшемуся ниже травы на золотых солончаках гор. Это не кустарник! Это лес!

Нас радостно встречали тусклое солнце и свинцовый ветер. Там, за проливом – Аляска, наша земля! И здесь – наша Земля.

Съемочная группа брала интервью у летчиков и у всех подряд.

А мне хотелось взять его у помидоров, настроение и внешний вид которым явно подпортили горячие двигатели, а теперь прихватил чукотский ветерок.

Полярные авиалинии совершают с данного аэропорта рейсы в Америку и Канаду, естественно, «на материк».

Вот уж поистине «а в этот край таежный только самолетом можно долететь!»

Что же является причиной названия «материк»?

Вечная мерзлота. Бездорожье.

Трудно было представить, пока не убедились воочию, что под нами в полутора метрах, если капнуть – линзы вечной мерзлоты! Но об этом чуть позже.

БРОШЕННЫЙ ГОРОД ГУДЫМ

«А вот он я, вот он я

А вот он, выходка моя.

А вот он, выходка моя.

А посмотрите т на меня!»

Северная сибирская частушка

До Перестройки в районе велась добыча руд и полезных ископаемых. Но наступили времена перемен. Богатства земли, никеля, например, стали ненужными, раз Китай готов за бесценок поставлять их без затрат на дорогу. Люди обрели статус свободы, но не знали, что с нею делать. Город труженников Гудым прекратил существование. Люди буквально меняли квартиру на билет в теплые города, и как это теперь говорят «ушли», бросая угольные копи, золото, газ, песок, камень. Бросили недостроенные метроспецстроевцами проходы в горах.

Не думается, а почти уверена, если в любом мегаполисе лютый зимой прекратить подачу электричества, воды и отопления, потребители наши, или как их теперь называют «электротат» разбежится в поисках любой теплой избенки. Землянки ведь через асфальт не вырыть! Тем более: здесь! Население на Чукотке со 150 тысяч сократилось втрое. Зарплаты в пределах московских, цены выше втрое. Брошенные дома похожи на серые мрачные остовы, глядящие с укором черными провалами окон в сторону инициаторов развала Великой Дерзавы. Вот вам и «выходка», вот вам и «результат», за который дают Нобелевские премии.

И даже медведи, коих численность также выросла на Чукотке втрое до 75 тысяч особей бурых и 45 тысяч белых, в это гиблое место не имеют надобности заглядывать.

ПРЕДВКУШЕНИЕ ВСТРЕЧИ С РЫТХЕУ

«Мы... нечаянно ворвемся прямо в снежную зорю.

Ты увидишь, что напрасно называют Север Крайним.

Ты увидишь, он Бескрайний!

А тебе его дарю!»

- О чем ты думаешь? – время от времени спрашивали меня благословенные мои попутчики.

Я улыбалась, молча отворачивая лицо. О чем я могла думать, «глядя на эту кучу камней»? Конечно, о Рытхеу! О Тихоне Сёмушкине. И о своей первой любви. И чувства переполняли меня. И слезы на-

ворачивались на глаза. Ведь с годами все реже и реже нам даётся право взглянуть на мир своими же, только детскими глазами.

И точно белый-белый забытый сон проступало сквозь память ни разу за сорок лет не упомянутое время первых счастливых открытий от захватывающего чтения...

Ноябрь 1970 год. Мне уже семь. Мне только-только исполнилось семь. Я самая мелкая в первом классе «В» 23-й Балашихинской школы. К тому же я самая младшая, потому что всем уже исполнилось заветное число совершеннолетия, а мне 10 октября, и в школу взяли «условно» по убедительной просьбе отца, главного редактора газеты «Знамя коммунизма»...

Мои одноклассники только-только складывают в слова буквы, и старательно выводят на доске «мама мыла раму». А я уже сама прочла первую книжку - «Конек горбунок» Ершова. Но, не смотря на это, моя первая учительница, Гетта Михайловна изводит меня за излишнюю бойкость, что отдал обратно в детский сад. Меня дразнит, подражая ей, весь класс: «Дет сад! Дет сад!».

Мне, тем не менее, очень нравится моя учительница. Когда она ведет урок, ее пухлые ручонки очень удобно устраиваются на круглом пузице под толстой грудью. Гетта одета в белую блузку и черный шерстяной сарафан. А, когда я у доски, мне некуда деть руки. И я, подражая первой учительнице, мечтаю скорее стать взрослой и отпустить такое же брюшко, чтобы было, на что их складывать. Гетта тем временем успешно блокирует любую творческую активность, воспитывая класс послушных маленьких солдатиков.

Каждый день я возвращаюсь домой в слезах. И однажды отец не выдерживает и идет выяснять отношения с учительницей. Но я об этом ничего не знаю. В нашем классе есть один мальчик Андрюша Архипов. Отличник. Самый умный. Очень симпатичный. Куда мне до Андрюши! В его аккуратных дневниках – одни пятерки! Его отец работает на Чукотке, и как-то приходил в школу и после занятий рассказывал о снеге, северном сиянии и белых медведях...

Толи от первой влюбленности, толи от любопытства, толи взволнованная мечтами о дальних неизведанных землях, душа моя тянется к знаниям. В кабинете отца – полки с книгами от пола до потолка. Одна из них «Алитет уходит в горы» - взрослый роман о Севере. Вскрабавшись на табуретку, выбираю его. Быстро и кое-как сделаю уроки, спрячусь от взрослых, которые «гоняют» меня, чтобы не занималась «рундой», а лучше прибралась в комнате или помыла посуду, и читаю... читаю... читаю.

Живо дополненным воображением предо мною – бескрайние снежные поля Чукотки. Стойбище Лорен. Американцы-скупщики. Становление советской власти. Богач Алитет. Но, главное – горячая любовь вымышленных героев, впервые пронизавшая мое детское сердечко. Рождение ребенка прямо в снег, и омовение его этим снегом. Рожаница, которая не должна кричать, чтобы не спугнуть злых духов... Открытие за открытием...

- Папа! Мне так понравился этот роман! – восклицаю я, возвращая ему книжку, переполненная эмоциями.

Папа курит трубку. Он в отличие от меня – настоящий писатель. С образованием ВГИКа. У него уже вышло несколько фильмов. Он дружен с Шукшиным, знает Распутина, Солоухина, Паустовского. Уже в детстве я знаю твердо – писатели не любят друг друга, не любят особенно тех, кто лауреаты каких-нибудь престижных премий, Сталинских, например. К ним относятся и Тихон Семушкин, автор романа «Алитет...» и его переводчик на чукотский Рытхуе...

- Это классика, как не надо писать! – ухмыляется отец. - Бездарность! Почитай лучше Пескова «Шаги по росе»!

Я не понимаю его. Он не разделяет моих восторгов. Беру Пескова. Читаю. Интересно. Много фотографий. Информации. Но не «цепляет».

Закрывая от взрослых, делаю роман «Алитет уходит в горы» первым своим литературным открытием. И консервирую в сердце навсегда, запечатав на те замки-секреты детства, которые не выдрать клешами. Как можно ответить: «о чем я думаю, глядя на эту кучу камней?» Конечно о Рытхуе! И о Семушкине, обучающем детей-чукчей и участвующем в экстремальных экспедициях, о том, что когда-то весной на чукотский берег прибыл отряд советских людей, чтобы помочь чукчам построить новую жизнь на свободной земле.

А еще я почему-то вспоминаю о том, как нас толпою выводят в рекреацию, и строят звездочками. В классе 43 человека. Я – в самой последней звездочке без пары. Мы должны хором маршировать, и петь «Мы – веселые ребята, мы ребята-октябрята. Так назвали нас не зря, в честь победы октября». В слове «октябрь» мне слышится что-то приятное, ведь для меня – это моя личная маленькая победа, день рождения, свершившийся наконец! Чтобы Андрюша Архипов обратил на меня внимание, я дергаю его за форму. Гетта Михайловна, кажется, только этого и ждет.

- Ну что, детский сад? Опять нарушаешь правила дисциплины? Опять побежишь к папочке жаловаться? А ну-ка, выходи сюда перед всем классом. Раз твой папочка говорит, что у тебя там какие-то таланты, ты покажешься нам сейчас во всей своей красе! Ну-ка пой! Будешь заповалой. А вы все молчите.

Ребята затихли.

Я, неловко и неудобно шаркая по линолеуму заносенными тапками старшей сестры, которые мне были чуть велики, и понимая, что безобразно пузырятся на коленках синие школьные колготки, выхожу

перед всеми самая мелкая со смешными заколками на белой челке, покраснев до ушей. Я впервые выставлена на позор перед всем классом в таком вот глупом виде.

- Пой! – издевательски улыбаясь, восклицает учительница, дернув меня за плечо, - Твой же папочка говорит, что ты еще и поешь, вот и пой! И маршируй перед всеми, вот так! - Гетта Михайловна показывает, как я должна двигаться, проделав три шага налево и три шага направо.

- Звёздочка из кумача, мы внучата Ильича, - мой голосочек, точно угасающая свечечка на ветру, тихонько выводит знакомую мелодию, - знаменосец выше знамя поднимай, запевала громче песню запевай!!! – но я не выдерживаю энергетической агрессии ненавидящей меня взрослой толстой тетки, голос срывается на мерзкие рыдания бессилия и горя. Я убегаю обратно в строй одноклассников, прячусь за девочкою. Весь класс дружно хохочет. Это «га-га-га» усиливается громом пустынного огромного коридора с высокими окнами и школьным эхом. Громче всех раздается смех Гетты Михайловны и... Андрюши Архипова.

Он имеет на это право. Он отличник.

- Еще раз твой папаша придет в школу жаловаться, и говорить, что ты там на что-то способна кроме мелкого хулиганства, я с позором выгону тебя из школы, и пойдешь ты обратно в свой детский сад! – Орет, одержавшая победу, перекрикивая детский беззлбный смех, довольная Гетта.

- Детский сад! Детский сад! – подхватывает класс...

Возвращаясь домой, поднимаю глазенки к небу, чтобы слезы закатывались обратно в голову, и чтобы родители не видели заплаканного лица. Громко на всю улицу пытаюсь смеяться, сначала срываюсь на рыдания, потом все увереннее и увереннее. Вспоминаю песенку, так часто в те времена транслируемую по радио телевидению «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам, шкуру белого медведя брошу я к твоим ногам...» И лишь когда это получается искренне, я смеюсь над собой по-детски простодушно - действительно детский сад! Глупые смешные заколки! Смешные колготки. И смешные слова! Какие мы дети Ильича!? Мы же дети наших пап и мам! Да и как я могла допустить, чтобы мои мелкие пакости увидел взрослый? Взрослым нельзя доверять! Я даю себе обещание, что обязательно снова скачусь с перил, но только тогда, когда не увидит Гетта. Обязательно снова дерну Архипова, но исподтишка. Обязательно буду хулиганить, но так, чтобы это не видела она, ставшая врагом тетка в аккуратном черном сарафане. Я выучу уроки. И принесу домой пятерки и четверки. Назло ей, гадкой Гетте Михайловне. И она никогда, НИКОГДА не отправит меня в детский сад! А когда вырасту, я уйду от всех на Чукотку! К Алитету! В горы!

- Как прошел день? Учительница больше не обижала?

- Нет-нет! Наоборот! Я солировала сегодня перед всем классом, потому что я лучше всех пою! – почти не обманула я. – И все весело и дружно смеялись. И я вместе со всеми!

- Вот и хорошо! – сказал отец.

Он больше не ходил в школу до самого выпускного вечера, когда получил благодарность за воспитание дочери и особый диплом за мои успехи в области литературы. Правда, уже от другой учительницы. А на Чукотке я оказалась только сейчас. Так сбывлась детская мечта. Вдруг щелкнул замок. Отворился сундучок. Вспомнилось ее полное имя Генриетта... Только зачем оно мне сейчас? Я на сорок с лишним лет забыла о неудачном пении перед первым классом «В». Забыла о неопенимых уроках первой учительницы, зависть к ее круглому брюшку, оно мне как бы сейчас ни к чему, потому что поменялись ценности. Все это ушло. А что же осталось?

Мы взрослые. Или еще дети? Как я благодарна тебе, папа, что ты подарил мне целый год! И отдал меня в школу раньше. С годами время ценится на порядок больше!

Здравствуй, Чукотка. Здравствуй, куча камней. Здравствуй Рытхуе!

Как выяснилось потом, его жизнь тоже складывалась непросто. Родившись в семье охотника-зверобоя в поселке Уэлен, мальчик получил имя Рытхуе, что в переводе с чукотского означает «неизвестный». В дальнейшем, поскольку, чтобы получить паспорт, необходимо было указать имя и отчество, будущий писатель взял русские имя и отчество, имя же «Рытхуе» стало ему фамилией.

Рытхуе закончил семилетнюю школу в Уэлене и хотел продолжить обучение в Институте народов Севера, но по возрасту не попал в число тех, кто был откомандирован в этот вуз.

Дед у него был шаманом. А отец, понятно, не главный редактор газеты, поэтому некому было его устроить.

Поэтому он решил самостоятельно поехать в Ленинград на обучение. Этот путь растянулся на несколько лет. Для того чтобы заработать средства на проезд и жизнь, будущий писатель нанимался на разные работы: был матросом, работал в геологической экспедиции, участвовал в зверобойном промысле, был грузчиком на гидробазе.

Переехав в Анадырь, Рытхуе поступил в Анадырское училище. В 1947 году он начал печататься в анадырской окружной газете «Советская Чукотка», где публиковал свои первые очерки и стихи. В Анадыре Рытхуе встретился с ленинградским ученым Петром Скориком, который возглавлял лингвистическую экспедицию. Тот помог молодому писателю добраться до Ленинграда.

Рытхуе учился на литературном факультете ЛГУ имени А. А. Жданова с 1949 по 1954 год. Писателю было чуть больше 20 лет, когда его

рассказы появились в альманахе «Молодой Ленинград», а чуть позже в журналах «Огонёк», «Молодой мир», «Дальний Восток», молодёжной газете «Смена» и других периодических изданиях. В период своего студенчества Юрий Рытхуэ активно занимался переводческой деятельностью, переводил на чукотский язык сказки Александра Пушкина, рассказы Льва Толстого, творения Максима Горького и Тихона Сёмушкина.

Писатель много путешествовал, ему удавалось часто бывать за границей во многих странах мира с творческими поездками, культурными и дружескими визитами.

После распада СССР в новых постсоветских странах Юрия Рытхуэ перестали печатать.

Благодаря Абрамовичу выходили небольшие тиражи нескольких его книг, но распространялись исключительно на Чукотке. Умер он в 2008 году.

А в Анадыре, первым что мы отметили - был памятник Рытхуэ в обществе славных собак лаек.

Пятицветные они или нет, уже не различить, потому что памятник выполнен в бронзе.

АНАДЫРЬ

На Чукотке стоит небольшой микрорайон. Всего то на 11 тысяч душ. Дома в Анадыре раскрашены в яркие цвета, как в Словакии или Швеции. Розовый, оранжевый, салатный, голубой, фиолетовый – все не серый!

Особой радостью было воочию лицезреть знаменитый Дом пионеров, ныне Дом Детского творчества. Когда-то и вы, и мы, да и все школьники СССР собирали металлолом. На эти средства и возведен этот замечательный дом. Пред ним оставлен памятник Ленину.

Дом ныне реставрирован, и пребывает в прекрасном состоянии.

Да. Важная деталь. Все дома на Чукотке - на сваях. Высота их до двух метров. Иногда основание уходит на 20 метров вглубь. Причина проста. На такой почве, где возможны подтаивания, оползни и другие неожиданные, надежды – прежде всего.

Поэтому на Чукотке нет подвалов. В лучшем случае «надвалы». Зимой случаются сильные бури. Метели. Они как входят под сваи, так и выходят из-под них. Порою люди не могут просто перейти улицу от силы таких ветров. Только ползком. Зато зимой бывает северное сияние, когда небо играет органами потрескивающими спиралями зеленого, голубого, оранжевого. Яркие краски Чукотки проявляются и по весне. Природа перед долгой ночью старается быстро вспыхнуть, вызреть, дать семена и отцвети.

Сейчас же солнце еще заходит на ночь.

Мы посетили краеведческий музей. В нем собрано множество чучел местных животных. Показан быт малых народов Севера. Выставлена уникальная резьба по кости и художественные полотна.

Особое слово хотелось бы сказать об Абрамовиче, бывшем губернаторе. Здесь его уважают. Не смотря на то, что он посредством фирм totally присваивает результаты добычи золота и других драг металлов, оставляя государству 3 процента налогов, он заботится хоть как-то о содержании города Анадыря, за что и снискал любовь местных граждан.

В центре города есть улица Отке, того самого, который бежал с «Начальником Чукотки», есть шикарная пятизвездочная гостиница «Анадырь» и кинотеатр «Полярный». Есть тематические магазины и супермаркеты с колоритными названиями типа «Зимушка». А также установлено несколько монументов, в том числе памятник писателю Рытхуэ в окружении ездовых лаек.

ЛЕГЕНДЫ АМЕРИКИ

Культ собаки существовал в Перу задолго до культа солнца. Индейцы Аляски вели свое происхождение от местных собак лаек. Эскимосы в древности также считали собаку своим тотемом. Не были исключением индейцы Северной и Южной Америки. Красивую легенду рассказывает калифорнийское племя Като. Бог Нагайхо сотворил мир из ничего, создал все вещи, явления природы и живых существ. Но собаке ему не пришлось создавать, потому что она была всегда.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В АНАДЫРЕ

Вот и цель, которой бредили, вот и вы, в которых верили...

Добрались-таки до чуда, что на краю света. Как до золотой рыбки. Огоропели: что ж просить, если хочется лишь смотреть-восхищаться плодами рук человеческих? Да впрочем. Что человек смог бы возвести без Бога? Здесь????!! Где под ногами на полтора километра вглубь вечная мерзлота!

Трава осенняя яркая глядится отражением в океанские глубины серо-синие, стелется шелковыми прядями лисих шкур. Под нею – деревья ниже травы. Карликовые березки. Ивы. Акации. Над нею – грибы – надберезовики да надосиновики.

Все не так, как у нас. Царствует в этих местах Его Величество Холод. А побеждает Ее Высочество Жизнь.

А среди домиков разнопестрых, на счастье выкрашенных прямо-таки по-китайски, церковка из лиственницы солнечно-янтарной светится. По-над нею ослабленное небо перед полярной ночью сползает

прядями до самых трав, кутает сопки пеленками облачного дождя-тумана. Солнечный храм, похожий на легендарную избушку на высоких ножках, тепло зовет. Умиротворением. Уже в полете. В воздухе. Меж землей и небом. Вот-вот взлетит. Да сваи держат, точно грехи людские!

- Владыка! Благослови преданиями северными! Одари Словом мудрым!

Владыка Серафим, хозяин православный всея Чукотки, ласково глядя на церковку, молвит задумчиво:

- Любовь божественная ангельская ее строила. Когда костерок мал, его может потушить одна капелька, а сей светоч, возведенный на мертвых замороженных скалах, стоит навскрес!

Середина сентября. Мы попали на Новолетие.

Этот незаметный церковный праздник в православном календаре торжественно именуется началом индикта. Некоторые историки считают, что счет по индиктионам был введен Константином взамен счета по языческим олимпиадам, которые окончательно были упразднены Феодосием Великим в 394 году. Священное предание сохранило свидетельство о том, что индикт и индиктион были введены в церковный календарь в знак благодарности равноапостольному Императору за прекращение гонений и провозглашение веротерпимости. Создание Великого Индиктиона отцами Первого Вселенского собора было, по сути дела, воцерковлением известного с языческих времен Юлианского календаря.

А как же в наше время отмечается Новолетие в глубинке России? На Чукотке, например?

Дни нашего Новолетия длились долго. От проповеди Владыки. До проповеди Владыки.

У каждого из нас в Епархии, выстроенной из той же солнечной лиственницы на таких же высоких сваях - свои кельи с бревенчатыми теплыми стенами, которые нравятся гладить. Мы почти в раю, потому что в воздухе. И облака-перини теплы и свежи, в них не хочется просыпаться от запахов ангельских ладанов. Как в детской люльке. В красных углах – иконы. Нас учат молиться, как раньше позвездочно учили маршировать. Научимся ли?

Мы едим красную икру столовыми ложками в трапезной. Суп из оленины. Жаркое из оленины. Кисло-сладкую морошку.

Тепло. Светло. Приятно. Мирно. Но манят просторы северов. Для начала поднимаемся к памятнику Николаю Чудотворцу. Он рядом с Епархией и церковью. Руки Чудотворца, простертые к океану, благословляют путников. Значит, нас.

Там – лишь только ступишь на мох – в глаза летят холодные дождевые капельки, которым не потушить костра души твоей, так Владыка сказал, капли забираются в глаза, потому что летят вверх и вниз, вправо и влево. Наверное, время от времени они попадают в сердце размякшей скорбью – ведь мы то уедем. А как же она останется без нас, проникающая в душу каплями предзимнего дождя Чукотка? ... и на ладони уступа - церковка, взлетающая в небеса...

Пришлось осмелиться заглянуть под своды, где от стройного пения рождается волшебство Новолетия.

Утром зазвонили малые колокола. Дружно. Звонко. Владыка вышел в фиолетовом одеянии с красными и белыми полосками и высоким черным головным убором. В его руках – золоченый жезл. Владыка Серафим поднялся на орлец. Знакомые нам по дорожным путям батюшки, облаченные в золотые одеяния, пронесли кадила с колокольчиками, и целиком погрузились в общее священнодействие.

Мы заняли дальние углы, чтобы не мешать прихожанам наслаждаться обрядом. Но не так то просто в православной церкви оставаться незамеченными ортодоксами. Несколько раз нам «случайно» пытались выбить из рук блокнот то боком то спиной, пока не пришлось поднять внимательного взгляда.

Вообще, верующих было маловато. Гораздо меньше, чем на обычной службе в обычной церкви «на материке». Но больше чем в простой день. Надо отдать должное, служители этой церкви так самозабвенно предавались ритуалу, что мы залобовались профессиональной работой, заслушались чистым пением и зауважали за усердие выбить из нас бунтарский дух свободомыслия, дабы приобщить к традициям христианства.

Редкий случай, когда в едином помещении собрано столь много изысканных предметов культа единого стиля. Долго невозможно было понять, отчего сердце ликует гармонией небывалого эстетического упоения, а это – резьба! В деревянных ризах и окладах, воссозданных искуснейшими мастерами, угадывались в мерцании многочисленных свечей барельефы святых. Резной алтарь. И резные двери. И колонны. И все! Все там живое, теплое, милое. Трепетное. Будто не тысяча мастеров трудилось над образами – а один.

На балконах пел женский хор. Может, человек тридцать. Вдвое больше, чем предыдущим вечером. Поскрипывал паркетный пол. Сияли золоченые подставки свечей. По сторонам – красные хоругви.

На лицах прихожан – глубокие скорби и обреченности. Стало вдруг горько и тоскливо. И сердце и мозг прорезали слезы жалости ко всем этим бедным несчастным молящимся с перекошенными мольбою очами. Представилось, что после службы они выстроятся в очередь к священнику на покаяние во грехах. И он терпеливо будет выслушивать о самом плохом, что совершили эти люди на краю света. А за стенами теплой церкви – дождик. Но это самое лучшее, что здесь

может быть. Потому что после дождя придут ураганные муссонные ветры. А за ними – снег. И метель на 10 месяцев года, и стужа. И лютые морозы. И ночь – долгая, беспросветная северная ночь...

Отчего-то заплакали дети. И не прекращали нить до самого конца службы. Наверное, им тоже было жалко всех присутствующих здесь.

Отворены ворота к алтарю. Там то, на что нельзя смотреть женщинам – таинство православной веры.

Стройное многоголосье женского хора льется, снисходя звуковыми волнами. На октаву ниже, как некий стержень – глас Владыки. Он не рядом. Он внутри. Он снаружи невидимым куполом. Он вместе с нами. И мы наслаждаемся чудесной гармонией многоголосья.

Но вот Владыка понес свечи, точно высокие мечи, вокруг алтаря. Народ – свидетель сего действа, кланялся и молился. Меж ними неприкаянно бродил косоватый хромоватый юродивый с блаженной улыбкой. Он не разделял нашей скорби и жалости. А просто усваивал душою на уровне голосовых импульсов, округлых гласных и согласных звуки, где нет решительно ничего несогласного, а лишь смирение, призывающее тихо лечь и затворить очи. Он так и сделал. Присел на скамью. Откинулся. Ненадолго уснул.

Молящиеся стоя вкушали благодать молитвы.

Вот и остальные – дышали бы ладаном, слушали бы, и внимали ангельскому пению. Так нет! В грязь! В дождь! В шторм! Туда, где главенствует авантюра (фр. *aventure* — приключение) — рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех (по словарию Ожегова), приключение, опасное по своей природе, как некий зов развития вселенной в движении вечности. Оттолкнувшись от святых церковью, поют люди: «Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза», устремляют к далеким берегам взоры отважные мореплаватели, флибустьеры, летчики, охотники, и пускаются в путь. «А ну-ка песню им пропой, веселый ветер!»... голубь на фоне символа солнца благоволит отсюда, запутанный в деревянных сетях старославянской вязи.

Аллилуйя!

Театр действия переместился в общую залу. Рядом с нами прошло шествие священников с книгами и свечами. Читались непонятные тексты по этим книгам. Да никто и не старался вникать. Внимание детей тревожно привлекала золотая объемная вышивка – ризишель на парчовых одеждах. Взрослых – шанс на искупление. Злобных теток в черных платках – все, кто не делал так, как они. Например – не платок на моей голове, а дорожная меховая кепка. Под удлиненным стеганным плащом – брюки! Особенно раздражение вызывала записная книжка. Еще более того ручка. Не по канонам!

От этих нервных ненавидящих взглядов пятнами распространялась чернота отрицательной энергии.

- На туристическую экскурсию пришла, бестыжая? – зашипела коброй прихожанка, показывая всем видам, что она тут главная. Рыкнула зверем, злобно завращала глазами и циркнула угрожающе, - пошла вон из святого места! Здесь люди молятся, а не писульки с...е пишут!

- Давайте наоборот. Вы пойдете во двор помолиться, а я здесь допишу, - предложила я, приветливо улыбнувшись.

Тетка остолбенела. Но быстро опомнилась. Двинула меня костлявым подобием бедра. И демонстративно встала прямо перед носом, не смотря на то, что храм был полупустой. Она пыталась наступить на обувь. Шаркала и пыхтела. Но не учла 34 размер ноги. Промахнулась. Оступилась. От этого еще больше разозлилась. И грубым прокуренным голосом демонстративно громко и противно стала вторить священнику молитвы, давая мне мастер-класс по христианству. Заскоружными грязными пальцами перекрещивала мутные очки. Так как она выставилась очень и очень близко, в ее стеклах для моего взора красиво отражалась сотня свечей. Тетка врала не в тон: «Аллилуйя!», поднимая проснувшегося юродивому настроение. Она то глядела на священника, то кланялась к самым кончикам растоптанных своих бот из черного облезлого кожзамента, ударяя меня тощим задом в блокнот. А потом и вовсе стукнулась об пол башкой, опрокинувшись на колени с выкриком:

- Господи, ты боже мой! – под вопли детей с мученическими лицами и злобные шипения старух с мученическими лицами на фоне ангельского пения хора с мученическими лицами и улыбок косоного юродивого.

Это ж сколько надо было нагрешить, чтобы так стараться?

Пошла по губам чаша-братина. Праздник Новолетие удался.

Воздуха! Нам хотелось теперь только воздуха!

Упругий бриз океана струился по улочкам Анадыря. В нем угадывался запах рыбы и морских водорослей. Бездомные собаки разгоняли с берега чаек.

Я оглянулась на деревянную церковку, которую держали сваи. Я думала, она улетит. Она не улетела. Может и вправду, грехи не пускали. О чем нам в тот день было молиться? Что загадывать? О чем звать к христианской вере? Может, лишь повторить, как это делали богатыри из сказки:

- Избушка-избушка, повернись ко мне передом!

ЕЩЕ ОДНО ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕТСТВО

Мерзлячка по природе, я куталась, как велела мама. Три свитера. Трое штанов. Теплый шарф. Куртка с капюшоном. Поэтому на холодной Чукотке мне было сравнительно комфортно.

На побережье я увидела... себя. Только мне было лет пять. Или четыре. Поначалу, я даже не стала спрашивать, как «меня» зовут. Девочка сама подошла и завела разговор.

Устами младенца мне доверилось откровение.

К тому же к нам подбежала собака. И так себя вела, точно тоже хотела общаться. Причем, когда девочка закончила свои несвязные рассказы, собака ушла, не попрощавшись, даже не вильнув хвостом.

У ацтеков Северной Америки собака считалась священной. Согласно их воззрениям, душа человека может спастись после смерти с помощью собаки, которая поможет найти верный путь в потусторонний мир. Поэтому перед смертью ацтек обязательно смотрел на свою собаку, обнаруживая в ее преданных глазах готовность исполнить любое желание хозяина.

Вот и я смотрела в глаза собаки. Собака была готова ко всему. А девочка говорила, нравоучительно поднимая пальчик:

- Ублажение – от слова блажь! Сегодня – литургия. Это малая Пасха.

Я не мешала девочке. Она мне нравилась. Она была одета, так как я. Трое штанов и три свитера. И шарф. И капюшон. И толстая куртка...

- Отец Стефан у нас шеф повар. Отец Алексей по документам. Заместо отца Виктора – Роман. Есть еще один мальчик, его зовут Семен. Он сводил меня на колокольню. Там хороший вид. Жаль, что вы осенью приехали, услышали бы звон всех колоколов. Осенью холодно, колокола потрескаются... только тратить...

Она пошла к океану, совершенно уверенная, что я иду за ней. Ощущение детства не покидало. И я пошла.

- Ну что тебе надо? Пес? – отмахнулась девочка от заигрываний бродячего друга.

Дождик прекратился. Солнце на несколько секунд высветило яркие краски чукотской осени. Сопки вспыхнули рыжим и золотым, багряным и желтым. Кипельно-красные горы фундаментально напомнили о своих богатствах.

Девочка углядела на склоне черную ягоду.

- Это шикша! От нее чукчи никогда не болеют раком. Ешь!

Я съела. Сладкая костлявая ягодка не напоминала по вкусу ни одну из ягод.

- Ее еще зовут вороника! – сообщила девочка. – Самая лучшая корзина – это рот! – резонно заметила она. – Вы тоже приглядывайтесь.

Кустики шикши были похожи на веточки тиса. Сантиметров пятнадцать высотой. Среди травы и мелкорастущих деревьев я очень скоро обнаружила бруснику и чернику. И даже черную-пречерную шикшу. У девочки рот моментально стал черным. Ягода красилась!

- Проводник я худой. А вот солдат – добрый! – заявила девочка.

Я улыбнулась. Земля на сопке постоянно шевелилась мягкими перинами ягеля.

- Откуда ты все знаешь? – спросила я.

- Где Владыка рассказал. Где Семен, где сама узнала. На Чукотке считается, кто болеет – в том бесь. Их изгоняют шаманы. И... земля. Вот, ложитесь! – приказала девочка.

Я не болела, но охотно легла за нею на деревья. В глаза снова закапал дождик. Мягкие объятия карликовых березок подхватили и уgomонили как-то. Я глубоко вздохнула. Девочка лежала рядом и блаженно смотрела в небо.

- Земля лечит, - заговорила она не по-детски мудро, - когда покрывается травами, ягодами, грибами...

Я почувствовала небывалый прилив сил. Поняла, что каждое лето здесь – лишь короткая передышка перед студенными ледовитыми объятиями вечности.

- Как тебя зовут? – спросила я.

- Даша, – ответила девочка. - Хочешь, я расскажу тебе сказку?

Я поняла, что это будет, может, самый главный подарок Чукотки: Дар от Дарьи, и затавив дыхание произнесла осторожно, почти шептала:

- Расскажи!

ДАР ОТ ДАРЬИ

У Северного оленя самая удивительная шкура. Шерстинки внутри имеют трубочатую форму! Да-да! Так они держат тепло! Их меховое одеяние – плотное с пухом. Шерсть настолько хорошо накапливает тепло, что снег под лежащим оленем даже не тает. Эти животные хорошо выдерживают 50-ти градусные морозы.

На рожках Северные олени приносят по весне солнце! И так как такое большое и горячее нельзя удерживать одному, олени ходят большими стадами.

Этих волшебных животных выбрал в помощники Санта Клаус, американский Дед Мороз.

Именно Северный олень рассказал гордой и смелой девочке Герде о том, где видел ее названного братца Кая!

Северный олень является официальным животным острова Бонль и провинции Ньюфаундленд и Лабрадор.

Северный олень изображен на канадской монете в 25 центов, а также на гербах норвежских городов: Ейдфьорд, Порсангер, Рендален, Пендален, Тромсо, Вадсе и Вес, шведского города Питео и шведской провинции Вастерботтен.

- А знаете, почему эскимос называется эскимос? Да потому что эскимосы замораживают кровь оленей! И потом едят ее на палочке!!!!

Это уже потом вместо крови на материке молоко замораживать стали. А сверху шоколад так похож на запекшуюся оленью кровь! Да-да!

А еще у эскимосов был обычай класть в детские могилы черепа собак, чтобы те могли защищать души детей в загробном мире.

Видите, собака бегаёт? Она же не просто так бегаёт!

Вон там, в пещере на каменистом берегу речки жило племя охотников на мамонтов. Как-то раз, когда зимним днём все взрослые пошли на многодневную охоту за мамонтом, хранителями огня в пещере остались подростки, дети и старики. Этим воспользовались людоеды, и напали на стойбище в пещере. Подростки мужественно защищались, но людоеды ворвались в пещеру, стали хватать детей и поедать их. Крики и мольбы пробудили богов верхнего мира Вирия. Они превратили подростков, поддерживающих огонь в удивительных животных - собак. Собаки покусали людоедов, погнались их прочь, и спасли стойбище...

РЫБАЛКА НА ЧУКОТКЕ

«Сколько хочешь самоцветов мы с тобою соберем»...

Чукотский автономный округ – три Франции. Но туристы в Анадыре практически нет. Поэтому сувенирную продукцию можно приобрести лишь в самом центре. Это резьба по кости буквально на вес золота. И магниты на холодильник раз в десять дороже наших. Главным сокровищем является все-таки рыба. Ну, может быть еще золото для Абрамовича. Но мы к этому сословию не принадлежим.

Цены в супермаркете просто дикие по сравнению с Москвой. К тому же, как оказалось, в них львиная доля морепродуктов московских производителей...

Парадокс. Ведь Чукотка практически живет рыбой. Местное население не выращивает хлеба. И даже священники, ведя проповеди в дальних чумах, вынуждены произносить молитву «Отче наш» не «дай нам Боже хлеб насущный», а чтобы понятнее было «дай нам бог, рыбу...»

Анадырь расположен на «шее» небольшого полуострова, напоминающего голову птицы с хищным клювом. Куда бы с него вы не отправлялись, по-любому придется пересекать водную преграду.

Для этого предназначены танкеры и паромы, баржи и баржички, ждущие у берегов охотников и рыболовов.

Наша команда за эти дни арендовала паромы с характерными названиями «Гром» или «Шторм». Хорошо, что мы забирались внутрь машин, потому что северные волны не шутя заливали палубу, и нас бы с головой, если бы мы «зевали» с наружи.

Зимой эти места преодолеваются по «зимнику». От зимы до зимы не так уж и долго. Интересная деталь. Когда в эти места приходит пост, то китов есть разрешается, так как это морские гады. То есть рыбы.

Здесь шутят:

- Лето видел?

- Нет. Я в это время в наряде стоял...

Июнь – еще не лето, июль – уже не лето! В мае сюда добираются еще по льду. А сентябрь иногда бывает гораздо суровее. Нам просто везло!

В тихие дни водную преграду удастся преодолеть легко и приятно. Так в первый раз и произошло с нами. Шторма где-то бушевали, но вдаль. Синяя вода мирнолюбно позволила проскользнуть на противоположный скалистый, поросший мелким лесом берег.

На сопках угадывались военные брошенные объекты и трубы.

А внизу – сооружения охотников и рыболовов, на время приютившие нас.

Море в этих местах богатое. Когда рыба идет на нерест, и вода буквально закипает от бурлящих рыбьих, выходят лакомиться медведи. Они прекрасные рыболовы! Похоже, рыбу на Чукотке едят все, даже собаки и волки! Чукчи и подавно!

Ревут белухи. Играют стаями дельфины. Снуют туда-сюда суевливые нерпочки.

В сети очень скоро попалась большая кета с икрой. Потом еще одна. Наши хозяева быстро разделали рыбу, засолили икру.

Пока мужики готовили уху (это считается здесь делом не женским) мы со съемочной группой вооружились фотоаппаратами. Ведь океан дразнил теплыми и дремно-молочными сказками. Время от времени из-под воды казали плавники уходящие в зиму рыбины, и мелькали мордашки уморительных хитроушких нерп. Но более всего привлекал загадочный берег. Моряки пугали приливом. Мол, сейчас вернется вода, и окажитесь вы по самое брюхо в воде, как соленые киты! Ни приведи господь, провалитесь в растаявшие колодца белесой зыбучей глины! Да мы устали бояться. Разбрелись кто куда на удачу.

Очень скоро я действительно соскользнула с влажного гольша в нежнейшую мелкодисперсную субстанцию, но вовремя сгруппировавшись, отпрыгнула в сторону, и не ушла под ее болотные глубины. Наученная опытом стала перепрыгивать с камня на камень, разглядывая, а что же выбрасывает на берег?

Прилив оставил у камней рыбки крупные кости. Попался даже череп какой-то птицы, белый-белый. И зубастая рыба челюсть.

Но очень скоро я обнаружила под ногами и прозрачные камни, которые оказались самоцветами – опалами, сердоликами... Причем два из них с дырочками, как куриные Боги. Их еще называют собачьими богами. В древности им приписывали свойства оберегать жи-

вотных и жилища от злых сил. То есть, камень с естественным отверстием, образованным речной или морской водою является апотропеем (от греч. apotropaios — отвращающий беду), амулетом, «оберегом», в археологии и этнографии название предметов и изображений, которым приписывалась магическая способность отгонять злых духов.

Название куриный бог аналогично словосочетанию «скотий бог» — так характеризуется Велес в летописях, так в Нижегородской губернии, например, горлышки от разбитых кувшинов вешали в курятниках и под стрехами домов, полагая, что это помешает домовому и щипать кур, и мучить скот. По А. Н. Афанасьеву, в Костромской губернии такой Собачий камень вешают как талисман в псарне, чтобы кикиморы не давили собак.

А теперь люди, нашедшие случайно на берегу камень с дырочкой, считают, что это приносит счастье.

Набив самоцветами карманы своей внешней куртки, я услышала звук обрушения берега. Мне под ноги посыпались достаточно крупные сердолики килограмма по три, вот их-то я уже не смогла бы унести, и запросила помощи мужчин.

Практически весь день шел дождь. Мы торопились. Вода приближалась. И только мы достигли времянки, от которой уже доносились аппетитные запахи ухи, прилив действительно закрыл берега до самых сопок.

В день полнолуния корзину с самоцветами мы оставили в подарок епархии, так любезно принявшей нас. Кстати, и о корзине, и о луне есть интересное предание.

СТАРУХА С КОРЗИНОЙ

По поверьям индейцев племени сиу, конец света наступит тогда, когда взобравшаяся на Луну старуха закончит вязание корзины. Но всякий раз, когда бабка должна вот-вот завершить свою работу, лайка, что живет на самом краю материка, успевает вспрыгнуть на Луну, и проглотить бабушкину корзину, и тем самым спасает человечество от страшных катастрофы. И по их мнению, именно это является причиной периодических лунных затмений.

КАК ВАРИТЬ ТУЗЛУК

Быть в икрином месте и не приобрести икры – дело невероятное. Но члены нашей команды постеснялись просто подойти к рыбакам и задать вопрос. К тому же в тайгу они «почему-то» поехали без денег.

С детства страдающая за излишнюю бойкость, я единственная набралась наглости «дернуть за форму» чукотского рыбака. Он только-только вышел из ледяной воды, и предстал предо мною по пояс мокрым.

- Можно вас сфотографировать?

Рыбак заулыбался, и стал охотно позировать, подтягивая пустую сеть.

- А рыбу у вас купить можно? – я знала, что чукчи браконьерствуют, забирают икру, и выбрасывают рыбу на сечение чайкам, нерпам или медведям.

- Нет рыбы.

- Как же, у такого славного охотника, и нет рыбы? Не может быть! А икра есть?

- Нет икры... - обманывал, улыбаясь, рыбак. И это было так же очевидно, как солнце, только что вдруг вышедшее из-за туч и окрасившее тундру всеми оттенками самой яркой осени, какую только может представить воображение.

Кипельно-красное, ржавое, рудое, рыжее, бурое в срезах желтого и лимонного кустарника вспыхнуло кострами на осенних горах. Небо высветилось голубее самого глубоко голубого. Облака стали белее лебединого пуха. А глаза моего собеседника заискрились лукавыми искрами.

- Ну вот, и икры нет, - не унималась я, - едешь-едешь тут на край света, а там ни рыбы, ни икры! А почему бывает икра, если она есть?

Чукче нравилось со мною разговаривать.

- Если икра соленая, она бывает даже по две с половиной тысячи за килограмм!

- Даже по две с половиной? – удивилась я, в Москве красная икра по сто пятьдесят тысяч в Елисеевском! - А, если несоленая?

- То по четыреста!

- Может, у вас хоть немного несоленой есть?

- Может и есть, только немного...

- А, если я всю возьму?

Чукча улыбнулся еще шире:

- А там больше двух килограмм!

- Это прекрасно!

Так мне досталось два с половиной килограмма несоленой свежайшей красной икры в стыхах за целую тысячу рублей! Но ее надо было как-то засолить.

В этом непростом деле мне помогли работники Епархии и лично отец Стефан. Они подарили мне секрет интересного рецепта засолки красной икры.

Сначала готовится так называемый тузлук. 4 кг. соли на 10 литров воды. Варится 8-10 часов. Охлаждается.

За это время икра освобождается от пленок. Несколько раз ее необходимо прогнать через своеобразное сито с крупными деревянными

ячейками, чтобы в них застревали пленочки. Когда каждая икринка станет отдельной от остальных, на 20 минут все заливается рассолом, но если есть сразу, то на 5-7 минут. И помещается в марлю стекать на ночь.

После чего помещается в баночки. И хранится пока не съедят:) А съедают обычно быстрее, чем она может испортиться.

МЕСТНЫЕ НА МЕСТАХ

Если собрать все население Чукотки в один московский небоскреб, то еще квартиры останутся! Что изменила для Чукотки советская власть? Когда-то в этих местах прошла коллективизация. У каждого имелось по 20 оленей и свой могучий чум. Оленей отобрали. Шаманов убили. По Чукотке прокатился голодомор. После восстания многие ушли на Аляску. Естественно, Советская власть дала детям образование. Но вот в чем парадокс. Отрываясь от семей, дети забывают местные обычаи, не возвращаются в стойбища, но и не интегрируют нашу культуру. Плотно садятся на дотацию государства.

Уважают нашего «багушку» или «бладыку», называя русским шаманом. Еще бы! Именно он со своей паствой собирает в нерест по берегам брошенную ими же рыбу, а иногда этим же буквально спасает население от голода в зимнее время. Местные художники, когда рисовали иконы, и их попросили нарисовать деревья, изобразили рядом со святыми траву. Просто они никогда не видели, какими высокими бывают березы...

Часто случаются нюансы. Когда строились дома, например, и предлагались местному населению, семья чукчей или других народностей севера могла поселиться в квартире, при этом внутри все равно ставился чум, и разводился огонь. Рядом устраивалось по 20 собак и 12 оленей...

Организм малых народов имеет низкий порог восприятия к спиртным напиткам, он не расщепляет алкоголь, и подобно индейцам, моментально пьянеет, и теряет контроль над собою. Этим свойством всегда пользовались нечистоплотные купцы.

На Аляске коренные жители проживают в резервациях. Неадекватность поведения охотников с ружьями можно представить, если они появляются в кафе или где угодно там, за пределами. Америка этих случаев просто не допускает.

У нас в стране резерваций нет. Государство дает достаточно крупную сумму денег, если рождается ребенок в условиях стойбища. Или же дети сразу же забираются в интернаты.

Родители в большинстве случаев на выделенную сумму покупают «огненную воду». Вино они не любят, считают его кислым. Но от сиропа и ликера не отказывается. И коротают длинные чукотские ночи в далеком не трезвом виде. Возле стоянок патрулируют бездесушные украинские таксисты, по спекулятивной цене доставляющие малые народности к магазину за какие-нибудь пять-семь тысяч рублей.

Женщины на Чукотке старятся быстро. В сорок лет уже старуха с черными гнилыми зубами.

О книгах речи не ведется. В чумах их просто нет.

За пределами чума зимою градусов сорок мороза. И внутри градусов сорок. Заворачиваясь в шкуры, члены семьи, раскатываются коконами по углам чума...

Развито язычество, как бы не прививало русское население в них веру в христианство.

Все равно, предлагают жен для «разведения» морозоустойчивых русских. Все равно хоронят людей неглубоко. Считается хорошей приметой, если отец (лет сорока) умер от руки старшего сына (лет двадцати). Его как бы освободили от старости. И еще лучше, если кости мертвеца тщательно обглоданы дикими зверями. Значит, человек был хорошим, духи приняли его душу. Развита вера в реинкарнацию. Временами живы еще случаи людоедства и прочие «славные традиции» Севера.

Маша Карпинская, когда ехала сюда, рвалась спасать коряков. А наслушавшись и наглядевшись, как-то призадумалась и перестала проявлять инициативу.

У народов Севера есть мужской язык (язык охотников) и женский язык (язык хозяйки). Если мальчиков воспитывают одни женщины, они не знают языка мужчин, то становятся чужими в стойбище и потерянными для местной этнокультуры.



Шаманы – явление совершенно не ушедшее в прошлое. Кстати, местные шаманы одеваются совершенно не так, как показывают в кино. Наоборот. Это самая бедная и скромная одежда. Без всяких цацок. Шаман, показывая, как он себя истязает ради соплеменников, даже выполняет женские обязанности, то есть, моет посуду например, что считается унижительным для мужчин. И изучает женский язык.

Коряки, ламуты, бает, ненцы, чукчи трепетно относятся к окружающему миру природы – камню, дереву.

В яранге порою живет три-четыре поколения. Господствует матриархат. Добытчиком является мужчина. Шаманши курят мухоморы, как бы открывая чакры.

На наскальных изображениях с «довременных» лет прослеживаются две темы: охота на оленей или других промысловых зверей и камлание под грибами-галлюциногенами, типа мухоморы.

Обычно соединение в одном образе гриба и человека связывают с общей закономерностью антропоморфизации животных или растений на определенной стадии развития у самых различных народов. Но также пляшущие фигуры людей-мухоморов могут свидетельствовать и о весьма глубоких истоках шаманизма на Крайнем Северо-востоке Сибири. Известно, что пьяные у первобытных людей воспринимались как прорицатели. От жевания мухомора человек становился невменяемым, и начинал галлюцинировать — состояние, близкое к шаманскому экстазу, достигаемому обычно исступленным камланием и изнурительным битьем в бубен.

Кстати, наши бабы Ёги тоже частенько изображались в обществе этих красных в белый горошек грибочков. И способности бабуль предсказывать и предвидеть сильно схожи с талантами северных шаманш.

В общем, все очень и очень интересно.

Охотятся местные не только на оленя, но и на песца, а то и на евражка (это такие суслики), естественно, живут рыбой.

Хорошие воины. Каждая народность из двадцати шести, населяющих Чукотку – своя цивилизация.

Кто хочет быть brutальным – в душе поэт! Чукчи сжигают мертвых. И должны радоваться при этом. Чтобы человек не подумал, что о нем скучают, не вернулся, и не оборотился злым духом.

Собак уважают более всех животных. Наши кошек, случайно заведенных в эти места, называют прыгающими по деревьям собаками.

Власти в этой любви идут на встречу. Духов не гневят.

Если бродячие собаки попадают в Анадырь, их отлавливают, и берут в приют, а весной выпускают, и те благополучно носятся по городу. Гоняют чаек, и умеют ловить рыбу, когда ошалелые стаи идут на нерест и вскипают вода.

АССИРИЙСКАЯ ПРИТЧА

Жил человек, у него была собака. Собака сторожила дом и сад, но пришло время, собака состарилась, и тогда сказал себе человек: «Зачем мне держать собаку, если она такая старая? Пойду и утоплю ее». Он отвязал лодку, посадил в нее собаку, которой привязал на шею камень, и поплыл на середину реки. Когда лодка выплыла на быстрину, человек встал, поднял собаку, и бросил ее в воду. Но от резкого толчка лодка покачнулась, человек не удержался, упал в реку, и стал тонуть. Петля с камнем соскользнула с мокрой шеи собаки, и она оказалась на свободе. Изво всех сил кинулась собака спасать человека, и дотащила его до берега. Человек остался жив, и вместе с собакой вернулся домой. Он стал заботлив, и ухаживал за ней, пока она была жива.

ЧТО ПЬЮТ МЕДВЕДИ

Гризли – самые коварные жители Чукотки спят в пушистых обвалах земли.

Тундра, если смотреть ее с высоты самолета, похожа на мохнатое болото в лужах и поймах. Под слоем травы и мелко растущего леса – вечная мерзлота. Она и подтаивает в короткое летнее время, делая тайгу непроходимой.

Медвежья сопка буквально пружинит под ногами, особенно у океана. Край земли обваливается. На срезе можно наблюдать метровый слой черного торфа, под ним – материковая мелкодисперсная голубовато-серая глина, и далее – линзы льда.

Лед плавится и сочится, стекая ручейками в морские воды.

Ее то и пьют дикие медведи.

А еще они пьют кровь зазевавшихся путников. Обглаживают до половины. Другую половину оставляют чуть притухнуть.

Если медведь попробовал сладенькой человеческой крови, он становится людоедом. Таких особей отстреливают.

Здесь на медведей не охотятся. Их мясо часто бывает заражено неизлечимыми болезнями. И не идет в пищу.

Особенно много их на Медвежьей сопке, куда мы и направились отдыхать. Отец Владимир хотел было пешком идти обратно в Епархию.

Да местные жители его с трудом отговорили. Рассказали парутройку страшных случаев с плохим концом. И мы вернулись с прогулки благополучно на любезно предоставленном транспорте.

ЦЕННОСТИ ЧУКОТКИ

Мало что менялось тысячелетие за тысячелетием в быте коренных народов крайнего Севера. Браконьеры по-прежнему ходят за яйцами на птичьи базары. Быт современный подчас не отличается от того, что было здесь и пять и десять тысяч лет назад. Точно мерзлота ко всему прочему и обычаи заморозила! Считается, что первые люди пожаловали на Чукотку из более южных областей Центральной и Восточной Азии в эпоху древнекаменного века.

В те времена тундра и лесотундра Северо-Восточной Азии и Аляски были соединены перешейком, и представляли единый природный регион Берингия, где росли леса, и паслись стада мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов, северных оленей.

В отличие от загадочной и мифической Атлантиды, Берингия, ушедшая под воду около 10 тысяч лет назад, — историческая реальность. Уровень мирового океана повысился до 150 метров, и обширная равнина между Чукоткой и Аляской была затоплена. С тех пор на ее месте плещутся волны Берингова и Чукотского морей.

Раскопки древних поселений и могильников показывают, что уже с середины I тыс. до н.э. хозяйство жителей побережья Берингова пролива основывалось на развитом зверобойном промысле. Основной особенностью арктической культуры зверобоев является их приспособленность к морю: глухая, остроумно скроенная непромокаемая меховая одежда, полуподземные жилища, построенные из китовых костей, пологи из оленьего меха, отапливаемые жирниками, быстроходные каяки и большие легкие байдары из моржовой кожи, поворотные гарпуны с соскакивающими наконечниками и многие другие хитроумные изделия из камня и кости.

Став искусными охотниками на моржа, нерпу, кита, оленей, белых медведей и других животных и птиц, эти люди сумели не только выжить, но и научились чувствовать себя комфортно и счастливо там, где для уроженцев средних широт жизнь возможна только благодаря могуществу современной техники.

Здесь на Краю и на Начале земли невольно открываешь для себя старые ценности коллективизма. Одному не вытащить из моря ни кита, ни моржа, ни даже нерпу. Не разделать, и не засолить на зиму достаточное количество рыбы.

Не сразиться с медведем. Взаимовыручка, основанная на законах жесткого матриархата, позволяет жителям этих суровых мест оставаться в живых.

И, снова возвращаясь к теме о собаках, что приобрели на материке статус иждивенчества, здесь начинаешь понимать, что содружество человека и собаки не случайно.

В древних поверьях племени хибма говорится: когда Земля покрывалась льдом, и холод заставил искать теплых мест, Творец послал к людям собаку с пылающей ветвью. С тех пор собакам разрешено спать у огня.

А вот в племени ньянга считается, что говорящая собака Рукуба сама украла у бога Ньямурайри огонь для людей. За это люди навеки подарили ей свою дружбу.

Так или иначе, собака огня не боится, в отличие от других диких животных. Стоит даже посмотреть, как у костра северные собаки начинают улыбаться!

СКАЗКА НАРОДОВ СЕВЕРА

Однажды с неба пропало Солнце, и мир окутался мраком. Не стало жизни людям. Собрали они последние шкуры, и отнесли шаману, чтобы вернул Солнце. Но хитрый и жадный шаман обманул их: забрал все шкуры, а обещание не сдержал.

Тогда решил богатырь Этувги сам к Солнцу отправиться, и узнать, почему же оно не выходит из своей яранги. Много добрых дел совершил он по дороге: победил и злодея Северного ветра, и злого бога камней, и коварного сына шамана, который увязался за ним, чтобы помешать. А добравшись до Солнца, узнал богатырь, что Мороз украл дочь Солнца Весну, и держит ее взаперти. Оттого-то Солнце и не выходит больше. Этувги ничего не оставалось, как сразиться с Морозом, и спасти Весну.

СЛУЖИТЕЛЯМ ЕПАРХИИ

Как уже упоминалось ранее, мы сопровождали православный гуманитарный груз. Он состоял из литературы, переданной для Чукотской Епархии от Сергиева Посада.

Так или иначе, наши неумные творческие попутчики соприкасались с прихожанами, служителями и монахами Епархии.

Не смотря на всю нашу бестолковость в воспроизводстве обрядов и прочих принятых ритуалов, отношение к нам оказалось исключительно доброжелательным и терпимым.

Встречающая сторона показала себя высокопрофессионально по отношению к выполнению обязанностей, и вызвала глубочайшее уважение.

Нам показали несколько поучительных фильмов о православии.

Главная их цель, которую я поняла из недолгого, но неординарного общения — спасение душ православных во Христе.

Естественно, у нашей церкви на краю света есть трудности.

Рабочим и служащим города не до праздников и не до молитв. Они работают порою круглые сутки. А иные пьют в том же круглом режиме. Коренное население приходит в Анадырскую церковь крайне редко и в небольших количествах. Чукчи и коряки заглядывают, как нам показалось, более из любопытства, чем из искренних побуждений. Остается какое-то количество русскоязычных пенсионеров ортодоксов, которые, как нам показалось, более портят престиж церкви, чем его поднимают, своим демонстративным навязчивым поведением. Но это не влияло на настроение, а вводило в некое раздумье о мире и вечности вообще. Другое дело, было чуть не по себе после московского темпа и достаточно мощного информационного потока, прежде чем от дефицита общения с внешним миром. К примеру, чтобы скачать фильм из интернета, в Анадыре надо заплатить что-то около 20 тысяч рублей за трафик. Поэтому фильмов не скачивали. Интернетом не пользовались. Отправляли короткие смс, что медведики нас пока не съели. Занимались созерцанием местной экзотики, плюс посещением книгодостоупных мест.

Низкий поклон Епархии и лично Владыке Серафиму за прекрасные проведенные дни. Они останутся в наших сердцах не только как праздник Новолетия, но и вообще как праздник души. Ведь в этих экстремальных условиях мои спутники показали себя с самой лучшей человеческой и гражданской стороны.

ПРОЩАЯСЬ С ЧУКОТКОЙ

Наступило время штормов. Не каждый паром соглашался везти нас в обещанные 17 баллов! Был шанс застрять на каком-нибудь острове на пару месяцев... Но все кончилось благополучно.

И вот, только прикипев к здешним местам и легендам, мы поняли, что «каникулы для Банифация кончились» и пора в обратный путь.

Последним жадным взором мы еще цеплялись за поросшие сопки дикими карликовыми акациями, что цветут белыми, красными, желтыми и фиолетовыми цветами. Искали глазами на сопках пурпурные цветочки княженики, звездочки камнеломок, ковры багульника, капельки брусничной крови и черные глазенки шикши.

Золотистым отливом с нами прощались полярные карликовые осенние ивы. Кивали душистыми соцветьями колокольчики и васильки. От них холмы наполняли воздух ароматами ладана, как в храме.

Выехали уже знакомым паромом «Шторм», и нас действительно било о волны. Церковка махала теплыми ладошками луковок вслед, или нам это только казалось.

Небо глядело сквозь серые щели туч яркими голубыми глазами, полными слез дождя.

Компасы наших организмов сбились, точно попав на аномальную зону безвременья. Перепутались ночь и день. Мы перестали задавать вопросы. Молчали. Впали в ступор какой-то небывалой чукотской философии.

Большая Земля не принимала по причине тотальных туманов и дождей. Но мы все равно вылетели.

И за полчаса до посадки тучи разошлись, открыли благополучное место посадки.

17 сентября. 2013 года. Вторник. 2 часа ночи. Снижаемся. Наш борт заходит на посадку военного аэропорта Рязани.

Не знаю, как кто, а я бы приняла ванну, и выпила чашечку кофе...

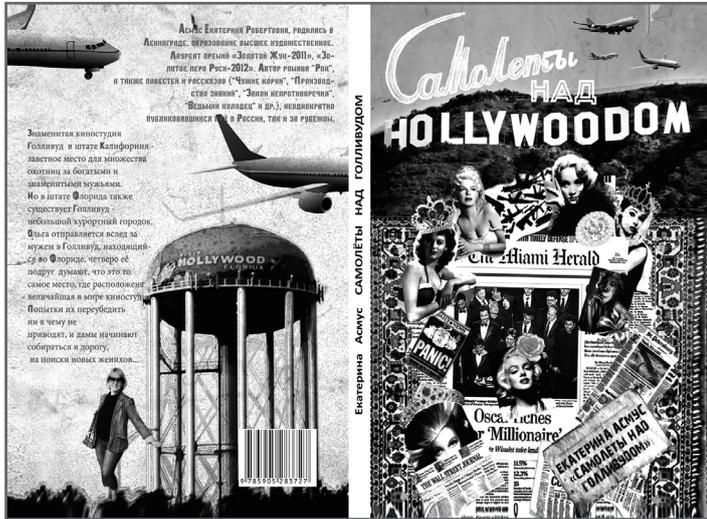
Светлана САВИЦКАЯ



Издатель

ГОЛЛИВУДСКИЙ КОКТЕЙЛЬ, или ШКАТУЛКА С СЕКРЕТАМИ

Обложка книги Екатерина Асмус



Екатерина Асмус, писатель, сценарист в гостях у Александра Гущина в программе «Историограф»

Всякий уважающий себя детектив (под которым я разумею в данном случае не чью-то должность или профессию, а литературный жанр) представляет собой отнюдь не только разгадывание некоей криминалистической тайны. Чаще всего он похож на шкатулку с секретами — из тех, что были в моде в далеком уже XIX веке, когда как раз и происходило зарождение и становление детективной литературы. Одну такую помню сам — с нею, уже облезлой и расстрескавшейся, очень любил возиться в детстве, находя все новые потайные отделения, неожиданно открывавшиеся, если знаешь, где и на что нажать, или же тебе просто крупно повезет. Первое-то было достаточно очевидным и бесхитроно скрывалось под двойным дном, которое, правда, все-таки нужно было догадаться, как извлечь. Но вот остальные хитроумно прятались в стенках, крышке и так далее, где и заподозрить-то существование тайничка казалось немыслимым...

И теперь, когда в руках у вас, милые дамы и милостивые государи, оказалась книга Екатерины Асмус, давайте вместе поиграем со шкатулкой с секретами. Занятие, поверьте, небесполезное, а на мой взгляд — так еще и интересное.

Прежде всего откроем шкатулку — то бишь решим, что же нам все-таки предстоит читать. Детектив? Несомненно. Как водится, все начинается с обнаружения мертвого тела и ше-рифу предстоит выяснить, что же произошло. Попутно замечу, что американский антураж в романе — не просто дань традиции и не следствие чисто литературной эрудиции: писательница некоторое время жила в Соединенных Штатах, не знаю уж, в тех ли самых краях, что описаны, но реалии знает всяко не из вторых рук.

Правда, уже с первых страниц становится очевидным, что перед нами не классический детектив в духе отцов-основателей жанра от Эдгара По до сэра Артура Конан-Дойла, и не хэм-метовско-спиллейновский, скажем, «крутой» — произведение, судя по всему, относится к под-жанру, чаще всего именуемому «полицейским романом», где портрет сыщика неизменно впи-сан в детально проработанный фон служебных взаимоотношений и профессионального быта. Причем сразу же ясно, что доблестный шериф — дитя XXI века с его политкорректностью, мультикультурализмом и прочими веяниями неочевидной ценности. Разумеется, он афроамериканец (интересно, кстати, когда в Штатах додумаются до евроамериканцев, азиатоамериканцев, индейцев же, признавая исторический приоритет, нарекут амероамериканцами?). И, есте-ственно, наделен холодным умом, горячим сердцем, чистыми руками и отсутствием всяких вредных привычек. Впрочем, и полицейское расследование в романе с двойным дном — есть тут свой дополнительный маленький секретец, раскрывать которого в предисловии я, само со-бой, не намерен. Скажу лишь, что он тоже достаточно традиционен — подлинным знаком достаточно вспомнить роман популярного немецкого писателя Франка Ф. Брауна «Где вы были вчера вечером?».

А теперь — о том, что под вторым дном шкатулки. Пусть даже действие «Самолетов над Голливудом» и разворачивается (частично, частично!) в Америке, писательница-то российская и от отечественных литературных традиций никуда ей не деться. А в них, надо сказать, чистый детектив так никогда всерьез и не прижился (отчего и почему — тема отдельного и долгого разговора). Зато элементы его

можно встретить в самой что ни на есть классике. И пусть лишь немногие оголтело влюбленные в жанр критики дерзают причислить к нему «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского или «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, но от фактов-то не уйти: и там, и там в завязке лежит убийство, за которым закономерно начинается расследование... А по сути — романы бытописательные, социально-философские... То же и у Асмус. Так что никоим образом не случайно одна из героинь вспоминает по ходу дела сны Веры Павловны. Правда, в центре внимания писательницы не обширный срез общества, но лишь бытие молодых новорусских дам.

Впрочем, и тут не без дополнительного фокуса, ибо ближе к финалу появляется элемент, я бы сказал, фантастический: превращение по крайней мере одной из современных хищниц с интеллектом Элочки-людоедки в почти вегетарианку, вспомнившую к тому же про свое высшее образование. Это все-таки ближе к утопии в духе упоминавшихся выше снов Веры Павловны.

Но давайте-ка нажмем не слишком даже хитро замаскированную пружинку и откроем еще один ящичек. И там вдруг обнаружится не просто бытописательный, а самый натуральный дамский любовный роман, написанный в полном соответствии с законами уже этого — вполне достойного, кстати — жанра.

И тут извилины начинают завиваться в клубок наподобие змеиной свадьбы. Как могут все эти разнородные начала мирно уживаться в одном — не слишком пространном к тому же — произведении? Ан могут! И причиной тому содержимое еще одного тайничка, где хранятся запасы иронии, поднимающейся местами до сарказма, но никогда не опускающейся до озлобления. Превосходный, замечу, цемент, способный в умелых руках связать все со всем. Не зря же призывал горячо любимый мною Анатолий Франс: «В свидетели и судьи дайте людям иронии и сострадание». Между прочим, и свидетели, и судьи — непрямые участники всякого детективного действия...

Наконец еще одно — последнее ли? — секретное отделение, где таится такое могучее понятие, как литературная игра. Причем не модная еще вчера постмодернистская, которая требует разрушить город, дабы потом, выбирая из куч по приглянувшемуся кирпичику, возвести собственный особнячок. Пусть порою это и приводит к результатам весьма впечатляющим, птичку все-таки жалко... Здесь же налицо игра с самими жанрами и с природой повествования, где все чуть-чуть (а местами и не чуть-чуть!) гиперболизировано, утрировано, подчеркнуто неслерез, понарошку. Уж если шериф — так рыцарь если и не без страха, то, во всяком случае, без упрека; уж если блондинка — так один волос куда длиннее всех извивил, вместе взятых... Но в том-то и заключается не мною, увы, сформулированный парадокс, что именно легкие жанры нередко оказываются серьезнее прочих, проникают в реальность глубже, а в читательском сознании запечатлеваются прочнее. На чем и держится неуязвимая популярность Александра Дюма-отца или сэра Пэлама Грэнвила Вудхауза.

Ну, а дальше, достопочтеннейшие читатели, терзайте многогосударственную шкатулку сами — надеюсь, с тем же интересом, что и ваш покорный слуга

Андрей БАЛАБУХА,
российский писатель-фантаст и критик, член Союза писателей
Санкт-Петербурга, неоднократный лауреат литературных премий.

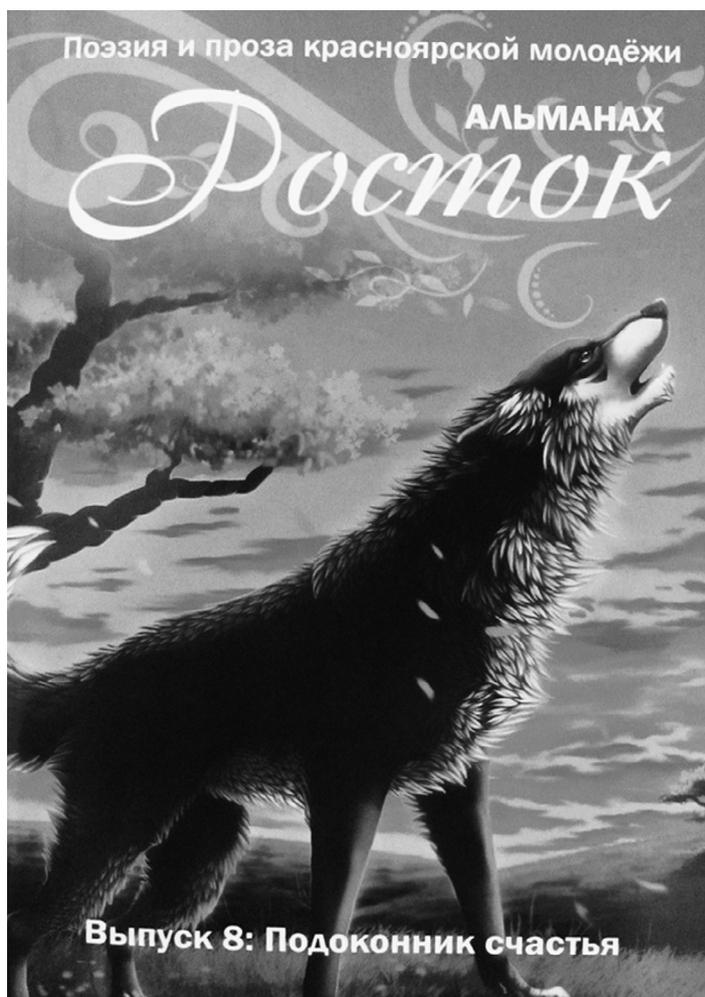
Литературное общество «РОСТОК»

Общество включает в себя молодых авторов из Красноярска и Красноярского края. Мы помогаем друг другу расти в творческом плане и проводим различные общественные мероприятия, посвящённые литературной теме. Выпускаем альманахи с одноимённым названием, куда входит поэзия и проза как членов лито, так и других интересных и значимых для нас авторов. Он выходит нечасто и небольшим тиражом, но зато уже стал узнаваемым в магазинах. Некоторые наши авторы уже выпустили собственные книги. Среди основоположников альманаха хочется особо отметить Андрея Калинина, Илью Попова, Сергея Цветкова, Анну Лобастову, Сергея Сафронова. А также благодарим за дружескую поддержку и хорошие материалы от медийной группы «Интеллигент» и желаем вам дальнейших успехов и процветания!

«Держу в руках 8-й номер альманаха «Росток», который созвучен с лито («Росток»), из города Красноярска, что хочется сразу же отметить.

Прежде всего, у альманаха расширились горизонты по авторским материалам, а это очень приятно. Так как изначально такие лит. издания в основном создаются для самореализации и самовыражения членов самих лито, а т.к. они же и финансируют их, то, по сути, возникает некая замкнутая среда. Как известно, в замкнутых источниках нет таких течений, которые позволяли бы самим авторам выходить за определённые границы узнаваемости и обмена опытом с другими творческими группами и авторами. Проект «Интеллигент» решил эту сложную задачу в особом ключе, и можно сказать, что это теперь довольно известная медийная группа международных изданий. Притом в нём практически уже и нет даже регионального компонента, а большинство материалов зарубежные, столичные и из крупнейших городов России.

Познакомившись с Ольгой Чиняковой, мы пришли к взаимному решению о сотрудничестве наших издательских ресурсов. Ибо нам тогда были нужны интересные молодые авторы, которые и составляли лито «Росток», а у Оли возникло желание включить своих авторов в наши международные литературные течения и разбавлять их местными авторскими материалами, но уже авторами из различных регионов России и стран, которыми мы уже на тот момент располагали в большом количестве. Я думаю, что наше сотрудничество обоим ресурсам пошло только на пользу. Мы заметили, насколько серьёзно в лито «Росток» подходят к орфографии, т.к. ни разу наши редакторы и корректоры не обнаруживали в предоставленных нам к публикации материалах никаких опечаток! Хотя молодые авторы не были ещё искушёнными творческими личностями, но некоторые их материалы вызывали у нас интерес. Мы остаёмся открытыми ко взаимному сотрудничеству и надеемся, что альманах «Росток» всё больше будет привлекать на свои страницы авторов из различных регионов России и из различных стран, в том числе и на таких же взаимных обменах авторскими материалами. Ведь члены лито прежде всего не должны писать для самих только себя и близкого их окружения, а одни



должны вырастать в самостоятельных - независимых и зрелых уже творческих личностей, другие должны стать учителями для новых членов лито, ну, а кому улыбнётся удача, такие должны выйти на иной уровень признания и заинтересованности.

Медийная группа «Интеллигент» желает культурным ресурсам лито «Росток» развития, успехов в их творческом поиске и признаниях и благодарит за интересное сотрудничество. Лично благодарим Олю за состоявшееся творческое обогащение друг друга вдохновенными изысканиями наших авторов!»

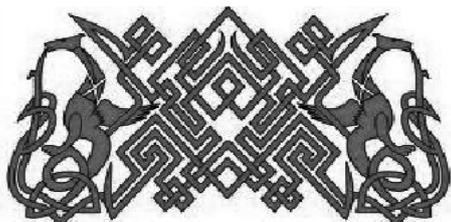
Сергей ПАШКОВ,
учредитель медийной группы «Интеллигент»:



СТАНКА ВАНГЕЛОВА МЪЛЧАНИЯ ОТ ВЧЕРА



MOSCOW - SOFIA ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА



2014

«Удивительно нежная, добрая и одновременно мудрая книга стихов Станки Вангеловой из Болгарии, представлена в этом сборнике на двух языках. Русском и болгарском.

Нет радости больше для поэта, чем та, когда его переводят на другие языки мира.

Станку уже переводили. Но в этом сборнике, с лирическими переводами на русский язык Светланы Савицкой, усилен двойным женским видением, двойною женскою силою, как двумя крыльями энергетический поток философии.

Интересными могут показаться оригинальные иллюстрации, выполненные переводчиком.

Кто поймет женщину, состоится как мужчина!

А кто поймет поэта и художника – станет великим мудрецом!»

*Академик РАЕН,
Профессор МГУ, бард, поэт
и телеведущий передачи
«В мире животных»
НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ*

МОЛИТВА

Поискаха да ме удавят
в чаша вода.
Ускореното им дишане
зад гърба си чувам.

Някога
в чашата чиста вода
книжна лодка
пуснах да плувам...

Съвестта ми е чиста,
лодко добра.
Помогни ми —
лека съм като перце!

Отнеси ме далече,
отвъд хоризонта –
недостъпна
за земни ръце!

МОЛИТВА

Не топите
в стакане воды
жизнь бедовую.
Не утопите две звезды.
А я вам спою.
Как
бумажный кораблик
плыл
в блюдецe с молоком.
Так и легче прозрачных крыл
моя совесть
плыла легко.
Унеси меня за горизонт,
где нет цепких рук!
Я спою тебе
о земном,
мой небесный друг!

Приятели, нали знаете,
че не мога без вас...
Оказах се
една горска птица,
за която е клетка дома.
Оказах се
пчела пред прозорец,
която се блъска -
към светлото -
до смърт!
Оказах се жива вода, която
и заприщана в бент.
остава неукротена.
Но пропада
Завинаги зад невидими
подземни брегове.
Приятели,
нали знаете...

Друзья!
А знаете ли вы,
что я свободной
горной птицей
могу вспорхнуть
под свист молвы,
и клетку дома
обменять
на песнь свободы?!
И пчелою
перед окном забиться
в сон,
живой водою,
пробить бетон,
и так любить,
неукротимо и легко...
Друзья!
А знаете ли вы?



ВЕЛИКДЕН

На кръст -
като теб -
в разпети петък.
Разтерзането
съботата пое...
Странно -
никой не хвърли камък.
Не опъна лък.
Не прободя с нож.
Кой тогава
разпадна душата ми!
И остана невидим,
невъзмутим.
От страх ли?
Или от състрадание?
Кого го болят
моите рани?
Навън вече
бият
камбаните!

Религия ли беше
това,
което трябва
да си отиде
от мен?

СВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Я на кресте,
как и ты,
распятая заживо.
Чело искололи
цветы,
душа измазана
сажею.
Но странно:
никто не бросает камней
путями
неисповедимыми.

А, может,
кажется мне?
Те, кто распяли,
остались невозмутимыми?
От страха ли раны болят,
или от сострадания.
На звоннице колокола.
Нет!
Это рыдаю
я!
Муки души
расцвели,
да бесследно сгнули.
И вера ли
это была,
коль меня
покинула?

СЛЕДСРЕДНОВЕКОВНО

Пред погледите ви —
спокойно и гордо.
Като магьосница,
осъдена на клада.
Вие знаете —
аз съм красива и млада.
Душата ми е
щедра и чиста.
Но навярно знаете също,
че чета мисли!
Че рани лекувам
и гладните духом храня.
Че нося в себе си
само истина!
За това,
естествено,
няма пощада!
На клада!
Дано огънят,
който ще ме обгърне
с пламъците си ледени,
да направи хората
зрящи!
Завинаги.

ПОСТСРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Молча и гордо
пред взорами вашими
ведьмой горящей
в пламене важно
Я! Молодая!
И я прекрасная!
С юной душой
предстану
спокойно.
Знаете вы
что я мысли
читаю,
раны врачую
и бедных лечу я.
Истину в сердце
Своем укрываю.
Пламя поглотит
все это.
Я знаю.
Пусть это

пламя
в объятьях
холодных
душит меня.
И на веке сгорая,
всех
равнодушных
заставит увидеть
солнце души моей
пламенем рая.

РАЗСТОЯНИЯ

Понякога
едно улично платно
се оказва толкова
дълго разстояние,
че после,
дори да крачиш
цял живот,
да се стремиш
да го преминеш,
не ще успееш.
И ще ти бъде трудно
да разбираш
как си направи
педа път -
безкраен.

РАССТОЯНИЯ

Улица к тебе длинна,
как вечность.
Как же мне ее преодолеть?
Побороть глухую бесконечность
жизни хватит?
Или не успеть?
И не понимает мозг пылливый
знак звезды,
под именем «забудь»!
Как же удалось тебе,
мой милый,
бесконечным сделать
этот путь?





ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ — СВЕТЛАНА ДИОН

ПОЭТ, ПРОЗАИК, БАЛЕРИНА

Светлана Дион целомудренна, возвышенна и романтична. Порой складывается впечатление, что личность Светланы масштабнее ее стихов, хотя и стихи тоже очень проникновенны и лиричны. У поэтессы есть редкое качество: стыдливость выносить на публику подробности своей личной жизни — даже в стихах. Она полагает, что, читая стихи на людях, «раздевает» свою душу и предстает перед публикой в обнаженном виде. Светлана говорит, что, когда она танцевала, не было ощущения такой степени самообнаженности. В этом присутствует, я бы сказал, страх абсолютного понимания со стороны пытливого читателя или слушателя. Наверное, такого рода фобии несколько преувеличены: читателю, как правило, нет дела до личной жизни героини, он вычитывает и выслушивает исключительно то, что каким-то образом пересекается с его собственной судьбой. Судьба Светланы Дион прекрасна и трагична. Потеряв любимого, Светлана вот уже десять лет живет философией и любовью этого замечательного человека. «Смертью друг друга мы живем, жизнью друг друга мы умираем», как заметил Гераклит Эфесский. Новая книга Светланы Дион «Слова на воде» имеет глубокую философскую подоплеку. Жизнь зародилась в воде — следовательно, вода — это универсальный и, может быть, самый лучший проводник информации. Теперь, для того, чтобы быть услышанным в вечности, уже не нужно закупоривать бутылку с посланием для потомков и

пускать ее по волнам. Достаточно пуститься по волнам своей памяти и передать свои стихотворные послания непосредственно водной стихии. Например, таким детским способом, как чистописание пальцем по воде. Сборник Светланы Дион «Слова на воде» открывается одноименным стихотворением. Затем стихотворение «Слова на воде» дублируется в авторском переводе на французский язык. И — вот что интересно — французский текст кажется мне более основательным, в нем появляются аллюзии из Аполлинера и Гюисманса, которых нет в русском оригинале. Здесь мы сталкиваемся с замечательным явлением: писатель-полиглот не просто переводит свои стихи. Он их как бы переписывает заново, сообразуясь с возможностями другого языка. Даже количество строк в русской и французской версиях стихотворения «Стихи на воде» не совпадает! По версии Светланы Дион, «оригиналов» попросту не существует. Любое творчество — это всегда перевод с языка души. Она попыталась компенсировать утраченный балет — обретенной литературой. И русские, американские, испанские, французские читатели произведений Светланы Дион убеждены: у нее — получилось! Хотя, если честно, любая жизнь в искусстве — неповторима и невозможна. Светлана — мудрая, волевая и, несмотря на многочисленные утраты, счастливая женщина. Она открыта миру и дарит людям свое большое сердце.

Александр КАРПЕНКО

Страница памяти

Хейнрих Ламволь

(05. 06.1959 – 04.03. 2014)

04 марта 2014 года в Таллине не стало талантливого поэта и журналиста Хейнриха Ламволя. Сложно смириться с мыслью об этой утрате. Он навсегда останется в наших сердцах. Пусть сегодня его стихи расскажут о нём.

Вечная память человеку и поэту...



* * *

Я горд в заброшенном себе
Лелеять временные складки,
Мой друг, бросай свои повадки
И вниз спускайся по трубе,
Не водосточной, а прямой,
Как рукописный след на снеге,
В грудном кармане обереги
Пусть возвратят тебя домой,
Там и ее приговоришь,
Других полно, не все так страшно,
Вон, даже Эйфелева башня,
Раздвинув ноги, ждет Париж,
При колебаниях стены
И содержимого во фляжке,
Неправда, светел путь не тяжкий,
А с крыши до моей спины

* * *

Земля..., земля... Как много в этом грязь
Дождливой ночью полем напролом,
Когда все мысли тонут в непролази,
А вместо сердца пламенный облом,
Куда ни шаг - везде одни итоги,
Куда ни два – земля опять круга,
И постоянство внутренней тревоги,
И неизменность тупости угла,
Чему не быть, того и быть не должно,
Все лишнее за борт, на дно, в изгой,
Признать в себе ненужность просто-сложно,
Но лучше сам, чем кто-нибудь другой,
Земля... Земля... Как много в этом – вечно,
Последней точкой станет город Ло,
И никого шагающих по встречной,
И тишина.
И страшно.
И светло!

* * *

А, говорят, на родине снега,
Метет, мороз и женщины под шубой,
Готовые хоть к черту на рога,
Но чтобы он с улыбкой белозубой
Им приносил горячий шоколад
И прочее для чуточку согреться,
А после можно снова в этот ад,

Где стынет кровь и ледяное сердце.
А, говорят, на родине февраль,
Обрезанный, но все равно длиннее,
Чем очередь из верящих в Грааль
И тамплиеров в чреве мавзолея.
Нет вечности, сквозь пальцы все вода -
Так убеждали Заратустру йоги,
Когда зачем-то грызли провода
Между добром и злом с Большой Дороги,
Не спрашивай меня «Ну, как ты там?»,
Нормально! Будни ветренны и склизки,
Зато понятен чаще по утрам
Секрет ухода чисто по-английски.
Посредника же следует убить,
Теперь пусть в третьем мире правит эго,
Не провода, но тоже рвется нить
И больше нет ни родины, ни снега.

* * *

Спи мой хороший, мертвый, хороший,
День не задался с левой ноги,
Ты вдруг удумал сделаться прошлым,
А голову Анны Карениной
Пристав списал за долги,
Суть собой она не отражала,
Белое пятно на карте вин,
На углях танцующее жало -
Это все, что наблюдали в люке
Сотни покорителей глубин,
Глубже бывают только шахтеры,
Каждый из них де факто слепой,
Ждут не дождутся собственный «скорый»,
Им кто-то сказал: В центре Земли
Самый поспел зверобой,
Вот и машинист не зря в зверинце
Ищет вилы, чтобы по воде
Написать коня на белом принце,
Беспробудно пьющего у камня
Над вопросом века: Где?
Где прогулки ночью по Сенату?
Где пин-коды, шифры и ключи?
Не давало время Гиппократу,
Клятвы нет, тогда взялось откуда
Право без конца лечить?
Первый блин выходит только горлом,
На озвучке соловьем фреза,

Да, мне нравилась женщина в голом,
А теперь даже звезды стыдливо
Прячут при встрече глаза,
Из последних «я» остался фюрер,
Смерть – борьба за счастье от ума,
Бросьте, Ева, яблоко. Покурим?
В Церковь Букв сегодня вход свободный,
Благо, рыбный день и тьма,
Там девы не спят из-за горошин,
И «баюшки» там истинно буе,
Спи, мой хороший, мертвый, хороший,
Ждут две лопаты, когда за кулисой
Им пропоют: Засыпай.

* * *

Когда проснусь, а я проснусь, наверно,
Все так же будет лить как из ведра
И раздять чужие плоти скверна,
И боль своя на выдумки хитра,
Под окнами ночами будут лисы
Визжать отвратно в схватке за еду,
Им бог не дал ума на компромиссы,
Вот и живут на холостом ходу,
Прообразы для утренних полотен,
Проснусь и напишу с них разных дам,
Чей график посещений чистоплотен,
А кругозор широк не по годам,
Все из себя от Дольче и Габбана,
Но перманентно все-таки не те,
Они - судьба безбашенного крана
Зарытого навечно в мерзлоте,
Здесь в браки модно лишь однополчанам,
Кто первым в лес, того и дети здесь
На флаге спят перед любым началом,
Приняв на грудь питательную смесь,
Последние наследники калигул
Пол-острова готовы за коня,
Но я себе тут памятник воздвигнул
Для голубей и любящих меня,
Апологет советов Лиса-братца,
Словоукладчик прямиком в сундук,
Я, кажется, раздумал просыпаться,
Спокойно спит не дорогой ваш друг

*материал подготовила
Марина ВИКТОРОВА*